

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
“Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова”

Научный журнал

Издается с 2001 года

(до 1 января 2012 года – “Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки”)

Выходит 6 раз в год

СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свидетельство о регистрации
Эл № ФС77-89123
выдано 07 февраля 2025 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор В.И. Голдин

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюрант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрязкина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
И.В. Кузнецова (отв. секретарь),
А.Г. Лошаков, В.А. Марьинчик, А.А. Мёдова,
И.П. Нильсен (Норвегия), М.Ю. Опенков,
А.В. Петров, Р.Г. Пихоя, А.М. Поликарпов,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал, Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Теребихин, П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ
“Гуманитарные и социальные науки”

Т. 25,
№ 4 / 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Газизов В.В. Стрелецкое дворовладение в г. Коле в XVII веке...	5
Лукьянов В.Ю. Идеология как фактор трансформации внешней политики США конца XX – первой четверти XXI века.....	18
Кременецкий К.В. Религиозно-философская публицистика Л.Н. Толстого: начало известности во Франции и Германии....	30
Голдин В.И. КНДР издалека и вблизи: страницы истории и современность.....	43

ЛИНГВИСТИКА

Мурашова Е.А. Актуальность лингвопрагматического исследования образовательного медиадискурса.....	57
Хорохорин П.А. Методика выявления ошибочных записей топонимов Карелии в автоматизированном Государственном каталоге географических названий.....	66
Николаев С.Г., Сухомлинова М.А. Устный жанр <i>Vice-Chancellor's Address</i> : структурно-композиционные, синтаксические, лексико-семантические характеристики коммуникативного события.....	75

ФИЛОСОФИЯ

Безменов В.В. Эволюция исламской религиозной идентичности в Индонезии во второй половине XX – начале XXI века....	88
Мартин Э. Философско-антропологические идеи Э. Кассирера и постчеловеческая перспектива.....	98

СОДЕРЖАНИЕ

Индексируется в: Размещается в:

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

 РУКОНТ

 INFOBASE INDEX
 Crossref

 CYBERLENINKA
Издательский дом
 LANB
www.e.lanbook.com
электронно-библиотечная система

 PR SMART

Редактор
Е.А. Лочехина

Ведущий редактор
А.В. Крюкова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого,
д. 56, каб. 26
Тел.: +7 (8182) 21-61-00 (18-20)
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 18.09.2025.
Бумага писчая. Формат 84×108 1/16.
Усл. печ. л. 14,70. Уч.-изд. л. 12,30.
Тираж 1000 экз. Заказ № 8945.

Адрес типографии:
Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56

Свободная цена
© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2025

Иванов Д.В. Баптисты в религиозном ландшафте Тринадцати колоний: на пути к религиозной свободе и многообразию.....	110
Плотников В.В., Кочкин А.А. Репрезентация неформальных практик сотрудников органов внутренних дел в медиадискурсе...	122

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Горячева М.В. Фразеология библейского происхождения: от теории к практике.....	131
Наши рецензенты.....	136
К сведению авторов.....	138

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

**OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY**

Registration certificate
EI no. FS77-89123

issued on February 7, 2025
by the Federal Service for Supervision
of Communications,
Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief V.I. Goldin

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
I.V. Kuznetsova (Executive Secretary),
A.G. Loshakov, V.A. Maryanchik,
A.A. Medova, J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, A.M. Polikarpov,
Yu.V. Popkov, A.M. Prilutsky,
A.V. Repnevsky, K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
P.V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Sharapov,
L.Yu. Shchipitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

**Vol. 25,
No. 4 / 2025**

CONTENTS

HISTORY

Gazizov V.V. Streltsy Households in the Town of Kola in the 17th Century.....	5
Luk'yanov V.Yu. Ideology as a Factor in the Transformation of US Foreign Policy in the Late 20th and First Quarter of the 21st Centuries.....	18
Kremenetski K.V. Leo Tolstoy's Religious and Philosophical Writings: The Dawn of Fame in France and Germany.....	30
Goldin V.I. North Korea from Far and Near: Pages of History and Modernity.....	43

LINGUISTICS

Murashova E.A. Relevance of Linguopragmatic Research into Educational Media Discourse.....	57
Khorkhorin P.A. Methodology for Identifying Erroneous Entries of Karelian Toponyms in the Automated State Catalogue of Geographic Names.....	66
Nikolaev S.G., Sukhomlinova M.A. Vice-Chancellor's Address as an Oral Genre: Structural, Compositional, Syntactic and Lexico-Semantic Features of the Communicative Event.....	75

PHILOSOPHY

Bezmenov V.V. Evolution of Islamic Religious Identity in Indonesia in the Second Half of the 20th and Early 21st Centuries...	88
Martin E. Philosophical and Anthropological Ideas of E. Cassirer and the Posthuman Perspective.....	98

CONTENTS

Indexed in:

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

INFOBASE INDEX
Crossref

Included in:

РУКОНТ

CYBERLENINKA
ЛАНБ
www.e.lanbook.com
электронно-библиотечная система

PR SMART

Editor
E.A. Lochekhina
Managing Editor
A.V. Kryukova
Translator
S.V. Biryukova
Make-up by
O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of candidate and doctor of science have to be published

Publisher's address:
nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:
ul. Uritskogo 56, office 26, Arkhangelsk, 163060
Phone: +7 (8182) 21-61-00 (18-20)
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 18.09.2025.
Writing paper. Format 84×108 1/16.
Conv. printer's sh. 14,70.
Acad. publ. sh. 12,30.
Circulation 1000 copies. Order no. 8945.

Printer's address:
NArFU Publishing House named after
V.N. Bulatov
ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060
Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2025

Ivanov D.V. Baptists in the Religious Landscape of the Thirteen Colonies: Towards Religious Freedom and Diversity.....	110
Plotnikov V.V., Kochkin A.A. Representation of Informal Practices of Law Enforcement Officers in Media Discourse.....	122

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Goryacheva M.V. Phraseological Units of Biblical Origin: From Theory to Practice.....	131
Our Peer-Reviewers.....	136
Information for Authors.....	138

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.

Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 4. С. 5–17.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.

Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 5–17.

Научная статья

УДК 94(47).04(470.21)

DOI: 10.37482/2687-1505-V444

Стрелецкое дворовладение в г. Коле в XVII веке

Вячеслав Витальевич Газизов

Мурманский арктический университет, Мурманск, Россия,

е-mail: slava99.q@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1654-4926>

Аннотация. Одной из актуальных проблем историографии стрелецкого войска является наделение городовых стрельцов дворами и землей. В современной историографии данный вопрос рассмотрен на материале городов Юга Русского государства, отдельные аспекты представлены в работах, посвященных таким городам, как Вологда, Олонец и Каргополь. Дворовладение стрельцов в городах и острогах Русского Севера детально не исследовалось. К вопросу о дворовладении стрелецкого гарнизона Колы XVII века специально никто не обращался. В отличие от Юга России в Коле стрельцы владели не земельными наделами, а дворами усадебного типа. В начале XVII века основная масса дворов находилась в особом районе Колы – Стрелецкой слободе. Они стояли на «белой» земле и не облагались налогами, тогда как дворы посадских людей находились на «черной» земле, которая налогами облагалась. Вследствие конфликтов Русского государства с Датским королевством и Швецией в конце XVI – начале XVII века на Крайнем Севере возникла необходимость увеличения численности стрелецких гарнизонов. В XVII веке количество стрелецких дворов резко выросло – посадских, в свою очередь, стало меньше. Этот рост происходил в т. ч. за счет перехода посадских людей в стрельцы, что привело к размыванию различий между дворами на «белой» и «черной» земле, ввиду чего участились конфликты. В статье раскрываются основные причины изменения численности дворов, их податной статус. Выявляются конфликты между посадским населением, священнослужителями и стрельцами, возникавшие из-за несения тягла и самовольной застройки. Результаты работы могут лежать в основу комплексного исследования стрелецкого гарнизона Колы и социальных конфликтов в XVII веке.

Ключевые слова: стрельцы, стрелецкое дворовладение, стрелецкий гарнизон, посадские люди, Кола, Русский Север, Русское государство XVII века

Для цитирования: Газизов, В. В. Стрелецкое дворовладение в г. Коле в XVII веке / В. В. Газизов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 5–17. – DOI 10.37482/2687-1505-V444.

Original article

Streltsy Households in the Town of Kola in the 17th Century

Vyacheslav V. Gazizov

Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia,

e-mail: slava99.q@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1654-4926>

Abstract. One of the topical problems of the historiography of the Streltsy troops is the allocation of land and households to the town Streltsy. In modern historiography this issue is considered on the material of the southern towns of Russia; certain aspects have been described for Vologda, Olonets and Kargopol. However, Streltsy households in the towns and fortified outposts of the Russian North have not been studied in detail. No research has specifically addressed the households of the Kola garrison Streltsy in the 17th century. Unlike in South Russia, in Kola the Streltsy did not own land, but homestead-type households. In the early 17th century, the majority of the households were located in a special neighbourhood of Kola, namely, in *Streletskaya Sloboda*. They occupied the so-called white land and were therefore not taxed, while the households of the posad people were on the “black” land, which was taxed. As a result of the conflicts between the Russian state and the Kingdom of Denmark and Sweden in the late 16th – early 17th centuries, Streltsy garrisons in the Far North had to be reinforced. In the 17th century, the number of Streltsy households increased sharply, while the number of posad people’s households decreased. This growth was also due to the fact that some posad people got recruited as Streltsy, which blurred the distinction between the households on the “black” and “white” lands. As a result, conflicts between the Streltsy and the posad people became more frequent. The article covers the main reasons behind the changes in the number of households as well as their tax status. In addition, it describes the conflicts between the posad people, the clergy and the Streltsy caused by the tax burden and illegal building. The results of the research can form the basis for a comprehensive study of the Kola garrison Streltsy and the social conflicts in the 17th century.

Keywords: *streltsy, streltsy household, streltsy garrison, posad people, Kola, Russian North, Russian State of the 17th century*

For citation: Gazizov V.V. Streltsy Households in the Town of Kola in the 17th Century. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 5–17. DOI: 10.37482/2687-1505-V444

Актуальной темой современных историографических исследований является стрелецкое войско Московского царства XVI–XVII веков. Однако на сегодняшний день мало трудов, посвященных стрелецким гарнизонам городов Русского Севера, в т. ч. Кольского острога. В данной работе будет рассмотрен один из аспектов проблемы – стрелецкое дворовладение.

Стрелецкий гарнизон острога играл ключевую роль в жизни Кольского уезда в XVII веке.

Создание гарнизона связано с желанием власти закрепить Кольский полуостров в составе Московского государства, защитив его от посягательств со стороны Датско-Норвежского и Шведского королевств. Стремительный рост численности гарнизона актуализировал проблему размещения стрельцов в Кольском остроге. Дворы военнослужащих ставились не только в Стрелецкой слободе, но и на посаде, имевшем ограниченную площадь. Застройка

дворами свободной территории вызывала конфликты как внутри, так вне гарнизона – между стрельцами и посадскими людьми.

Целью настоящего исследования является раскрытие региональных особенностей стрелецкого дворовладения и размещения гарнизона в Кольском остроге. Из цели проистекают следующие задачи: установить статус земель Кольского острога, отданных под строительство стрелецких дворов; выяснить причины роста численности стрелецких дворов и последовавших за этим социальных конфликтов.

Методологической основой работы выступает системный подход. Исследование выполнено в рамках социальной истории и исторической антропологии, что предполагает обращение к проблеме податного положения стрелецких дворов. В статье также применяется метод микроисторического анализа.

Стрелецкому землевладению посвящен ряд работ. Впервые к этому вопросу обратился советский исследователь С.Л. Марголин, который выделил основные формы стрелецкого землевладения, а также особенности наследования и размеры стрелецких наделов [1, с. 69–73].

В обобщающем труде А.В. Чернова по истории военного дела Московского государства вопрос о стрелецком дворовладении специально не рассматривался. Ученый обратил внимание на наделение стрельцов сельскохозяйственными угодьями (пахотные земли, огороды и сенокосы) [2, с. 85–86]. Государство, заменив денежные выплаты земельными пожалованием, стремилось уменьшить расходы на содержание армии [2, с. 165]. Такая политика вызывала массовое недовольство стрельцов.

В 5-м томе академической «Истории России», посвященном истории Русского государства в первой половине XVII века, проблема стрелецкого дворовладения детально не рассмотрена, но раскрыт вопрос о наделении стрельцов землей вместо выдачи хлебного жалованья [3]. Земля выделялась на весь гарнизон города. Стрельцам давалось от 12 до 60 десятин земли, что соответствовало размерам крестьянского надела [3, с. 438–439].

Региональный аспект стрелецкого землевладения и дворовладения нашел отражение в целом ряде исследований. Наиболее детально этот вопрос проработан А.С. Алмазовым [4], В.М. Важинским [5], В.Н. Глазьевым [6], В.И. Горбачевым [7, с. 69–87], Е.В. Камараули [8, 9], Д.А. Ляпиным [10] и О.В. Скobelкиным [11]. Им удалось выявить особенности поместного и вотчинного землевладения, определить порядок наделения служилых людей землями на примере городов и уездов Юга России.

Если дворовладение служилых людей на Юге России давно обращает на себя внимание, то Русский Север в этом плане изучен намного хуже. Посадское и служилое дворовладение представлено лишь в работах, посвященных Вологде (М.Б. Булгаков [12], А.Л. Грязнов [13, 14], А.Н. Гуслистова [15]), Каргополю (А.И. Побежимов [16]) и Олонцу (А.Ю. Жуков [17], И.А. Чернякова [18]).

К вопросу о дворовладении стрельцов и посадских людей в Коле в XVII веке обращался И.Ф. Ушаков [19, 20]. В своем труде «Кола» ученый приводит количество стрелецких дворов по переписной книге кольского воеводы А. Матюшкина 1710 года: около 300 дворов служилых людей, различавшихся в податном отношении – беломестные (освобожденные от уплаты податей) и черноместные (с которых взималась подать). Представлены в работе Ушакова и данные о количестве пушкарских и «приборных» (недавно поступивших на службу) стрельцов [19, с. 45]. Однако исследователь не обращается к проблеме численности стрелецких дворов XVII века, не раскрывает такие ее аспекты, как расселение стрельцов в городе, стоимость дворов, взаимоотношения стрельцов и других категорий населения по вопросу дворовладения.

К проблеме количества стрелецких и посадских дворов в Кольском остроге в начале XVII века обращались в разное время В.В. Косточкин [21] и Я.Н. Рабинович [22], используя материалы писцовой книги Алая Михалкова 1608–1611 годов. Они выяснили, что в Стрелецкой слободе находилось 30 стрелецких

дворов, а на Нижнем посаде¹ – три стрелецких двора [22, с. 79–80].

Отдельные вопросы истории стрелецкого гарнизона Кольского острога рассматривались рядом ученых: участие стрельцов в промысловой деятельности (С.А. Никонов [23]), староверческое движение стрельцов (А.Н. Старицын [24]), стрелецкие выступления против местной власти (М.Д. Рабинович [25], И.Ф. Ушаков [26]). Однако в этих работах не нашла отражения проблема стрелецкого дворовладения.

В отличие от Юга России, где существовали пашенные наделы стрельцов, в Коле было только дворовладение усадебного типа. Это связано с природно-климатическими условиями региона, где отсутствовало сельское хозяйство. Кольские стрельцы и посадские люди могли владеть лавками и амбарами в городе, сенными покосами и рыбными промыслами – за городской окружной². Двор обычно состоял из следующих построек: избы с сенями, бани под кровлею «со всем дворовым строением». За двором мог находиться огород³. Некоторые дворы могли включать большее количество построек: в сенях – подсенник, чулан, а на участке – хлев. Такой крупный двор, как правило, огораживался тыном с воротами⁴.

Сведений о площади стрелецких и посадских дворов в источниках не сохранилось. Размер участка указан только в одной известной нам купчей на двор посадского человека Семена Молвистого: «...длиною четырнадцать сажен, а поперег семь сажен»⁵, т. е. 98 квадратных саженей. Эти данные соответствуют площадям стрелецких дворов цен-

тральной и южной части Московского царства, выявленным С.Л. Марголиным, – от 28 до 860 квадратных саженей [1, с. 72]. Вместе с тем площадь двора Семена Молвистого – небольшая, что отразилось в стоимости в 1,5 р.⁶ Можно предположить, что в Коле были и более крупные по площади дворы, что косвенно подтверждается ценами от 4 до 16 р.⁷

Посадские и стрелецкие дворы своим устройством не отличались друг от друга – на это указывают примеры купли-продажи дворов между представителями данных социальных групп. Однако названные дворы находились в разных местах Колы. С начала XVII века в городе существовала Стрелецкая слобода как обособленное место проживания стрельцов. Наказы стрелецким головам говорят о том, что слобода находилась на особом положении (без ведома командиров сюда не могли заходить посторонние люди, а стрельцы – покидать ее)⁸ и на некотором удалении от посада. Точное расстояние между ними установить не удается. Нельзя исключать, что территория слободы была огорожена тыном. Такой пример известен: границы Стрелецкой слободы г. Карсона были обозначены столбами и деревьями [27, с. 49].

По картографическим и письменным источникам XVII века можно судить, что Стрелецкая слобода, скорее всего, находилась севернее Нижнего посада, между реками Колой и Туломой: «...в наволоке конец Стрелецкой слободы»⁹. Более точно расположение установить невозможно из-за отсутствия планов Кольского острога XVII века.

¹Нижний посад – жилой район, который находился к северу от крепости Кольского острога.

²РГАДА (Рос. гос. арх. древ. актов). Ф. 141. Оп. 7. Д. 283. Л. 2; Ф. 210. Оп. 6в. Д. 668.

³Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2769. Л. 14.

⁴Там же. Л. 16.

⁵Там же. Д. 1660. Л. 5.

⁶Там же.

⁷Там же. Д. 2769. Л. 14–25; Ф. 141. Оп. 3. Д. 11. Л. 1.

⁸Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 999. Л. 10–11.

⁹Там же. Оп. 3. Д. 2769. Л. 5.

В Стрелецкой слободе был особый статус владения землей – она была «белой» и не облагалась податями [19, с. 43], поэтому стрельцов называли беломестцами. Такая земля давалась только по указу государя, что подтверждалось специальной жалованной обельной грамотой. По Соборному уложению¹⁰ и царским указам¹¹, стрельцам нельзя было продавать недвижимость на «белых» землях¹² и покупать ее на «черных». Если стрельцы «купили без указу великого государя и не пустые дворы, и с тех дворов велено [платить] тягло против прежных владельцев»¹³.

Дворы, которые стояли на тяглой земле, как уже отмечалось, облагались государственными податями. В начале XVII века на этих землях находились в основном дворы посадских людей [28, с. 413–416]. Несмотря на запрет, такие дворы покупали и служилые люди. Подобные покупки происходили без одобрения государства, и двор продолжал нести тягло. Селившихся на «черных» землях стрельцов называли черноместцами. По сравнению с беломестными стрельцами их численность была невелика.

Дворы посадских людей в начале XVII века находились на Нижнем и Верхнем посадах Колы¹⁴, а также «за Колою рекою»¹⁵. Стрельцы помимо слободы жили также на Верхнем и Нижнем посадах Колы. Соотношение стрелецких и посадских дворов представлено в таблице.

В XVII веке главной проблемой стала нехватка свободной земли для постройки новых стрелецких дворов. Если в конце XVI века коль-

Дворовладение в г. Коле в 1608–1611 годах¹⁶

Households in the town of Kola in 1608–1611

Дворы	Количество	Доля, %
Посадские	83	66,93
Стрелецкие	33	26,61
Иные	8	6,46
<i>Итого</i>	124	100

ских стрельцов было 30 чел. [29, с. 192–206], в начале XVII века – 73 чел., в т. ч. 7 пушкарей [28, с. 413–416], в 1613 году – 200 чел.¹⁷, то в 1618–1619 годах гарнизон вырос до 500 чел.¹⁸. До конца столетия это число не менялось¹⁹.

Увеличение численности стрелецкого гарнизона было вызвано походами шведов на Колу в 1589, 1591 и 1611 годах, а также русско-датским конфликтом в начале XVII века. Постоянная угроза нападения в XVII веке вынуждала держать в Коле усиленный гарнизон.

Резкое увеличение гарнизона в 1610-е годы привело к социальной напряженности в Коле. Новоприбывшие стрельцы не имели своих дворов, поэтому селились на подворье к посадским и стрельцам, у которых уже были дворы. Земский староста Антип Иевлев в 1628 году так описывал эту ситуацию: «В прошлом-де во 127-м году по государеву указу прислан в Колской острог голова стрелецкой да три сотника, а с ними новоприбор-

¹⁰РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2769. Л. 64.

¹¹Там же. Ф. 141. Оп. 7. Д. 283. Л. 6.

¹²Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2769. Л. 64.

¹³Там же. Ф. 141. Оп. 7. Д. 283. Л. 6.

¹⁴Верхний посад – жилой район, который находился к югу от Кольского острога.

¹⁵«За Колою рекою» – жилой район, который находился на небольшом острове к востоку от Кольского острога. Остров, по некоторым данным, соединялся с материковой частью мостом.

¹⁶Посчитано по: Харузин Н.Н. Русские лопари: Очерки прошлого и современного и современного быта. М., 1890. С. 413–416.

¹⁷РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623 г. Д. 63. Л. 96.

¹⁸Там же. Л. 89.

¹⁹Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 202. Л. 47.

ных триста человек стрелцов, и стоят-де на их [посадских] дворех»²⁰. Вновь прибывших служилых людей староста просил перевести в слободу к «старым» стрельцам, поскольку на посадских дворах «по 4 и по 5 человек стоят и по ся места»²¹. Новоприборные стрельцы на протяжении 9 лет жили на чужих подворьях, что приводило к тесноте во дворах, бытовым конфликтам и другим неурядицам.

Вновь прибывшие стрельцы не имели денежных средств на строительство дворов. Сложность составляла и отдаленность мест, где можно было достать строительный материал: «...а лес-де от Колского острогу верст со сто и болши». Бревна приходилось покупать «по два и по три алтына и болши», в то время как сами стрельцы были «люди бедные, и дворов им собою поставить невозможно и нечем»²². Государство удовлетворяло эти жалобы, периодически выделяя средства на строительство. Так, в 1613 году бездворовые стрельцы получили по 3 р. на обустroйство²³. В более позднее время размер субсидии был уже меньше – 1,5 р.²⁴ Такие выплаты носили эпизодический характер и не могли решить проблему.

В начале XVII века дворов в Коле не имело даже командование стрелецкого гарнизона – голова и сотники. Они были выходцами из низших слоев дворянства [4, с. 383] и пришлыми в остроге людьми. Это создавало сложности с обеспечением стрелецких командиров дворами. Земский староста Антип Иевлев сообщал, что стрелецкие головы и сотники «стояли из-

стари у колских стрелцов в Стрелецкой слободы, а иные сотники ставили свои дворы»²⁵. Воеводы стали размещать стрелецких голов на постой у посадских людей, что приводило к конфликтам²⁶. Посадские жаловались: «...пот голову и пот сотников меж себя дворы наймум-ем, а найму на двор даем по полтине на ме-сец»²⁷. Такое положение разоряло посадских людей и усугубляло ситуацию с нехваткой дворов.

Государство запретило стрелецким сотникам стоять на посадских дворах и определило строить дворы за свой счет. Это вызывало недовольство сотников. Так, в 1632 году стрелецкий сотник Петр Збоев подал царю челобитную, в которой просил разместить его на постой к посадским людям. Свою просьбу он мотивировал тем, что «дворишка наймую стоять у посадских людей, и от того я, холоп твой, одолжал великим долгом»²⁸. Царь удовлетворил просьбу Петра Збоева и указал ему поселиться на время службы к кольским стрельцам. Однако такие меры носили единичный характер и не могли разрешить конфликтные ситуации между стрелецкими командирами и местным населением.

На протяжении XVII века посадское население Колы сокращалось. Во-первых, это происходило из-за роста налогов²⁹. Во-вторых, часть посадских людей записывалась в стрельцы и их дворы меняли статус, становясь стрелецкими или пушкарскими³⁰.

Все это привело к тому, что стрельцы стали покупать дворы у посадских людей, в частно-

²⁰РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623 г. Д. 63. Л. 95.

²¹Там же.

²²Там же. Л. 91.

²³Там же. Л. 99.

²⁴Там же. Л. 84.

²⁵Там же. Л. 99.

²⁶Там же. Л. 91.

²⁷Там же.

²⁸Там же. Оп. 1. 1633 г. Д. 41. Л. 230.

²⁹Там же. Оп. 3. Д. 174. Л. 2.

³⁰Там же. Ф. 1209. Оп. Поместный приказ. Кн. 15056. Л. 3 об. – 4.

сти у вдов³¹. Так, в 1678 году 57 из 74 стрелецких дворов на «черной» земле были куплены у посадских людей³², а 17 – поставлены вновь³³. Таким образом, в начале XVII века посадских дворов насчитывалось 83, в 1628 году – 75³⁴, в 1646–1647 годах – 32³⁵, в 1677–1678 годах – 29³⁶.

В отличие от посадских число стрелецких дворов увеличилось в несколько раз. К сожалению, их точное количество известно только для 1696–1697 и 1710 годов. По переписной книге, в 1696–1697 годах в Коле стояло 242 стрелецких и 5 пушкарских дворов³⁷. По неполным данным более ранних переписных книг, в Коле было: по книге стрелецкого головы Леонтия Азарьева (Озарьева) 1646–1647 годов – 54 двора на «черной» земле³⁸, по книге кольского воеводы Льва Секирина 1677–1678 годов – 86 стрелецких и 6 пушкарских дворов³⁹, по книге 1680-х – 93 стрелецких двора⁴⁰.

По переписной книге Льва Секирина, на «черной» земле находились также дворы стрелецкого головы и сотника⁴¹. Скорее всего, государство нашло выход из ситуации, разрешив поставить двор для головы, куда тот заселялся на время службы в Кольском остроге. Стрелецкие сотники в конце XVII века служили в Коле

пожизненно, однако свои дворы они, видимо, покупали или строили за свой счет.

Дефицит земли был связан с неудобным географическим положением Кольского острога, омываемого с двух сторон реками. За острогом находилась гора Соловарака – возможности для расширения городской территории были ограничены. Рост стрелецкого гарнизона провоцировал конфликты с посадским населением. Так, посадские люди приуждали стрельцов-черноместцев выполнять обязанности тяглого населения, что разоряло служилых людей⁴².

С другой стороны, стрельцы, у которых были дворы на «белых» землях, приобретали на тяглой земле амбары и лавки, что наносило экономический ущерб посадским людям⁴³: стрельцы занимались торговлей и промыслами в свободное от службы время, выступая конкурентами посадского населения. В 1663 году стрельцы пожаловались царю на то, что посадские люди взимают за осадные клети с хлебом плату по алтыну и это ведет к разорению служилых людей⁴⁴. В случае неуплаты денег посадские ломали клети, оставляя стрельцов без места хранения хлеба.

³¹РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2769. Л. 14.

³²Там же. Ф. 1209. Оп. Поместный приказ. Кн. 15056. Л. 19 об.

³³Там же. Л. 21.

³⁴Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1623 г. Д. 63. Л. 89.

³⁵Там же. Ф. 1209. Оп. Поместный приказ. Кн. 15056. Л. 9 об. В челобитной земского старосты Романа Киприянова (1664 год) называется другое количество посадских дворов – 42. См.: Там же. Ф. 141. Оп. 3. Д. 174. Л. 2.

³⁶Там же. Ф. 1209. Оп. Поместный приказ. Кн. 15056. Л. 9.

³⁷Там же. Ф. 210. Оп. 6в. Д. 68. Установленное количество служилых дворов – 242 стрелецких и 5 пушкарских – не является абсолютно точным, поскольку в переписной книге 1696–1697 годов не учтены все служилые дворы. Целью составителей книги было отражение количества военнослужащих и их родственников – братьев и детей, не поверстанных на службу.

³⁸Там же. Л. 21–21 об.

³⁹Там же. Ф. 141. Оп. 3. Д. 120. Л. 2.

⁴⁰Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 3378. Л. 25.

⁴¹Там же. Д. 1894. Л. 9.

⁴²Там же. Ф. 141. Оп. 7. Д. 283. Л. 1–2.

⁴³Там же. Оп. 3. Д. 174. Л. 2.

⁴⁴Там же. Оп. 7. Д. 143. Л. 2.

Нередкими были конфликты из-за амбаров и лавок на «черной» земле, которыми владели стрельцы. Земский староста Роман Киприянов в 1664 году жаловался, что стрельцы совместно с посадскими людьми перестали платить оброк⁴⁵. В 1693 году возникло судебное разбирательство между стрельцом Савелием Росторгуевым и посадским Семеном Молвистым, отстаивавшими интересы своих социальных групп. Конфликт возник из-за того, что «посадские люди били челом ложно на них, на колских стрелцов на 93 человека, в насиленном владенье сенных покосов, и рыбных ловель, и рек, и тоней, и озер...». Посадскими людьми было «доправлено» на стрельцах 30 р.⁴⁶

Нарушалось и предписание о запрете продажи дворов на «белой» земле⁴⁷. В 1668 году стрелецкая вдова Варвара Насурнина с сыном Константином продала двор стрельцу Богдану Кайдалову⁴⁸. В конце 1680-х годов в неуплате стрелецких денег с «черных» дворов были обвинены 9 стрельцов⁴⁹. Некоторые из этих дворов ранее стояли на «белой» земле.

Кольские стрельцы, жившие на посаде, отказывались от несения тягла. Так, в середине XVII века стрелец Левка Устинов купил двор на посаде, что вызвало жалобу посадских людей: он «с того двора с нами, сиротами твоими, за даточных людей, что збирают полоняником на окуп, денег не платит, чинитца силен, и вперед платить не хочет»⁵⁰. Посадские просили «тот двор тому стрелцу Левки Устинову нам,

сиротам твоим, на выкуп отдать, а по купчей деньги у нас взять»⁵¹. Челобитная посадских людей была удовлетворена.

Частым явлением было составление стрелецких челобитных об освобождении от несения повинностей с посадскими людьми. В 1674 году стрелец Елизар Сигов жаловался, что ранее с «посадскими людьми в тягле не бывал, потому что никаких тяглых мирских угодей, тонь и рек, и сенных покосов, никаких промыслов у меня, холопа твоего, нет, и живу на Стрелецкой слободе, на нетяглом месте»⁵². Однако посадские люди заставляли Елизара Сигова быть в тягле вместе с ними. Схожие жалобы звучали в челобитных стрельцов Афанасия Шлыкова (1685)⁵³ и Якова Лоушкина (1687)⁵⁴.

Различие в статусе беломестных и черноместных стрельцов вызывало конфликты между ними. В частности, в 1697 году черноместные стрельцы подали челобитную на беломестных, владевших амбарами и сенными покосами на «черной» земле⁵⁵. Беломестные стрельцы не платили оброк с них, перекладывая всю налоговую тяжесть на плечи черноместцев. Последние обращались к царю, прося «недоплатные деньги доправить на них, беломесцах, чтоб нам, холопем твоим, с напрасного за них платежу вконец не разоритца»⁵⁶. Таким образом, в Кольском остроге нарастала социальная напряженность. Все это было связано с тем, что во второй половине XVII века государство больше не проводило политику «обеления» стрелецких

⁴⁵РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. Д. 174. Л. 2.

⁴⁶Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4495. Л. 1.

⁴⁷Там же. Ф. 141. Оп. 3. Д. 2769. Л. 64.

⁴⁸Там же. Л. 25.

⁴⁹Там же.

⁵⁰Там же. Д. 11. Л. 1.

⁵¹Там же. Л. 2.

⁵²Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 446. Л. 57.

⁵³Там же. Д. 2446. Л. 34.

⁵⁴Там же. Л. 37.

⁵⁵Там же. Ф. 141. Оп. 7. Д. 283. Л. 3.

⁵⁶Там же. Л. 4.

дворов, следствием чего стало увеличение численности черноместных стрельцов.

В 1681 году у стрельцов возникло предложение расширить Стрелецкую слободу за счет огородов посадских людей, где они выращивали репу⁵⁷. План решения проблемы был и у кольского воеводы Василия Эверлакова, который заключался в сокращении численности гарнизона с 500 до 200 чел. В случае военной опасности с этим количеством «тот острог одержать мочно, потому что город гораздо тесен»⁵⁸. Оба предложения властью поддержаны не были.

Отсутствие свободной территории для строительства дворов привело к занятию стрельцами земель городской Алексеевской церкви. Конфликт развивался с 1685 по 1691 год⁵⁹. Священнику Петру Епимахову сыну Приданикову противостояли распоп (бывший священник) Петр Власов, посадский Семен Яковлев сын Молвистый, стрельцы Савелий Максимов сын Росторгуев, Юрий Захарьев сын Кезин, Леонтий Ермолин и Матвей Прокофьев сын Мошников. Дворы распопа, посадского и стрельцов были поставлены в непосредственной близости от церкви. Согласно указу царя Федора Алексеевича и писцовому наказу 1682 года, дворы, «которые стоят близко церкви, велено отнести дале в пространных местах, по сороку и по пятидесяти сажень, а в тесных по тридцати сажен». Это отвечало мерам противопожарной безопасности, чтобы от огня «церквам божиим, также и жильтым дворам, было бережно»⁶⁰. Однако владельцы не стали переносить дворы. Петр Епимахов сын Придаников подал несколько чернобелых архиепископу Холмогорскому и Важскому Афанасию,

чтобы он вмешался в конфликт и повлиял на его противников.

В первой чернобелой от 27 октября 1686 года священник Петр Епимахов сын Придаников жаловался на посадских и стрельцов, которые, поставив дворы вблизи церкви, «избную и банную гряз к той церкви на могилы усопших лют, и дорогу к той церкви всяким лесом и дровами закладывают». Из-за скученности дворов стало невозможным хоронить покойников и ставить ограды вокруг могил⁶¹.

Архиепископ Афанасий распорядился перенести дворы, однако это не было выполнено. В 1691 году для разрешения конфликта из Холмогор в Кольский острог был отправлен архиерейский сын боярский Федор Ерехов. Помимо решения других епархиальных дел ему предписывалось составить чертеж церкви и прилегающих к ней дворов с указанием расстояния между ними. Также он должен был взять у посадских и стрельцов показания о времени приобретения дворов⁶².

Ерехов выяснил, что все дворы находились на расстоянии 3–7 саженей от церкви⁶³, что нарушало царский указ о противопожарной безопасности. Троє владельцев дворов жили на этом месте уже 20–30 лет: Семен Молвистый – с 1659 или 1660 года, Савелий Росторгуев – с 1661-го, Петр Власов поселился здесь не позднее 1673 года. Нельзя исключать, что дворы были поставлены еще раньше. Владельцев не смущало и то, что они стояли на могилах – «на кладбищах и костех христианских»⁶⁴. Савелий Росторгуев разрушил алтарную преграду Алексеевской церкви, что рассматривалось как святотатство.

Архиепископ требовал перенести дворы от храма в другое место, угрожая отлучением от

⁵⁷РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. Д. 120. Л. 4–5.

⁵⁸Там же. Л. 6.

⁵⁹Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 1660. Л. 1–8.

⁶⁰Там же. Л. 7.

⁶¹Там же. Л. 2.

⁶²Там же.

⁶³Там же.

⁶⁴Там же. Л. 4–6.

церкви⁶⁵. К сожалению, окончание этого дела остается для нас неизвестным.

Рассматриваемый конфликт произошел ввиду сложной ситуации с дворовладением. Резкий рост численности стрелецкого гарнизона, недостаток свободной территории в городе, неучастие стрельцов в несении тягла порождали подобные ситуации.

В течение XVII века прослеживается тенденция отделения государством стрельцов как самостоятельного сословия от посадского населения. Однако к концу XVII века увеличение гарнизона Кольского острога привело к тому, что многие служилые люди селились на посаде, более широко вовлекались в экономическую жизнь, строили на тяглой земле лавки и амбары. Количества стрелецких дворов на протяжении всего XVII века росло, а посадских – сокращалось. Так, если в начале XVII века было 83 посадских и 33 стрелецких двора, то к концу столетия – 247 стрелецких и пушкарских и 29 посадских дворов⁶⁶.

Четверть стрелецкого гарнизона жила на посаде и платила тягло вместе с посадскими людьми, 3/4 проживали в Стрелецкой слободе и были освобождены от уплаты податей. Эта ситуация привела к социальным конфликтам между стрельцами и посадскими людьми: первые вытесняли последних из сферы промыслов и торговли. Вместе с тем наличие двух групп стрельцов – беломестцев и черноместцев – провоцировало разногласия внутри самого гарнизона, поскольку стрельцы, чьи дворы стояли на тяглой земле, несли различные повинности.

Однако волнения кольских стрельцов в конце XVII века не перешли в крупные социальные выступления против власти. Недовольство выплескивалось в члобитных на царское имя, которые нередко вызывали судебные разбирательства. В других регионах Московского государства к социальным конфликтам приводил перевод стрельцов на самообеспечение.

Список литературы

1. Марголин С.Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII в. // Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. 27, вып. 2. Труды кафедры истории СССР. М., 1953. С. 63–95.
2. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского Государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954. 224 с.
3. История России: в 20 т. Т. 5. Россия в XVII веке. Кн. 1. Российское государство в первой половине XVII века. 1598–1645 годы / Ин-т рос. истории РАН. М.: Наука, 2024. 770 с.
4. Алмазов А.С. Нежинский гарнизон «ратных людей» и его отношения с украинскими казаками, мещанами и духовенством в 1659–1708 гг. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 552 с.
5. Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке: (По материалам южных уездов России). Воронеж: Воронеж. гос. пед. ин-т, 1974. 237 с.
6. Глазьев В.Н. Особенности социальной структуры населения и административного устройства южной окраины России XVI–XVII веков // Вестн. ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 24–32.
7. Горбачев В.И. Стрелецкое войско рязанских и украинских городов России 30–40-х гг. XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2012. 184 с.
8. Камараули Е.В. Поместное землевладение на Юге России в XVII веке (по материалам Воронежского уезда) // Вестн. ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 76–81.
9. Камараули Е.В. Служилые группы в составе землевладельцев Воронежского уезда в первой трети XVII века: размещение по станам, особенности поместного и вотчинного землевладения // Вестн. ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. 2017. № 3. С. 47–52.

⁶⁵РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 1660. Л. 8.

⁶⁶Там же. Ф. 210. Оп. 6в. Д. 68.

10. Ляпин Д.А. Тяглые и частновладельческие дворы в городах России в середине XVII в. (по материалам городов-крепостей Средней Оки и Верхнего Дона) // Науч. вед. Сер.: История. Политология. 2016. № 22(243). С. 94–99.
11. Скobelкин О.В. Служилые люди южного фронтира: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во второй половине XVII в. // Вестн. ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 58–65.
12. Булгаков М.Б. Общежитие посадских людей Вологды по писцовой книге 1627/28 г. // Проблемы исторической географии и демографии России. Вып. 2 / отв. ред. К.А. Аверьянов. М.: ИРИ РАН, 2013. С. 232–245.
13. Грязнов А.Л. Население Рощенской улицы Вологды в XVII – начале XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6. Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2019. С. 217–221.
14. Андрианова Л.С., Грязнов А.Л. Дворовладение в Вологде в XV – начале XVIII в. // Вестн. Волог. гос. ун-та. Сер.: Ист. и филол. науки. 2020. № 2(17). С. 13–21.
15. Гуслистова А.Н. Петровская улица г. Вологды в XVII – начале XVIII в.: история и реконструкция // Некрасовские чтения: материалы III Всерос. науч. конф. (памяти д-ра ист. наук, проф. Ю.К. Некрасова) / гл. ред. В.А. Саблин. Вологда: Волог. гос. ун-т, 2017. С. 114–119.
16. Побежимов А.И. Каргополь в середине XVII в. (По переписной книге Каргопольского уезда 1648 г.) // Соврем. науч. исслед. и инновации. 2024. № 9. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2024/09/102522> (дата обращения: 01.12.2024).
17. Жуков А.Ю. Крестьянский уклад и военная служба в жизни горожан: город Олонец в середине XVII–XVIII вв. // Альм. североевроп. и балт. исслед. 2018. № 3. С. 23–42.
18. Чернякова И.А. Карелия на переломе эпох: очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. 298 с.
19. Ушаков И.Ф., Дащинский С.Н. Кела. Мурманск: Кн. изд-во, 1983. 193 с.
20. Ушаков И.Ф. Избранные произведения: историко-краеведческие исследования: в 3 т. Т. 1. Кольская земля. Мурманск: Мурм. кн. изд-во, 1997. 646 с.
21. Косточкин В.В. Деревянный «город» Колы (Из истории русского оборонного зодчества конца XVI – начала XVIII вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 77 / под ред. Н.Н. Воронина. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 200–246.
22. Рабинович Я.Н. Поход Бальтазара Бека на Колу в феврале 1611 г. // Мининские чтения: сб. науч. тр. по истории Вост. Европы в XI–XVII вв. Н. Новгород: Кварц, 2011. С. 74–85.
23. Никонов С.А. Участие стрельцов Кольского острога в мурманском рыбном промысле в XVII – начале XVIII в. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2: История. 2015. Вып. 2. С. 5–12.
24. Старицын А.Н. Тайные поселения староверов в Кольском уезде в конце XVII – начале XVIII века // Мурман и Российская Арктика: прошлое, настоящее, будущее: материалы межрегионал. науч. конф. Мурманск: МАГУ, 2016. С. 111–117.
25. Рабинович М.Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Ист. зап. 1956. № 58. С. 273–305.
26. Ушаков И.Ф. Избранные произведения: историко-краеведческие исследования: в 3 т. Т. 3. Кольская старина. Мурманск: Мурм. кн. изд-во, 1998. 486 с.
27. Еремкина О.А. Стрелецкая слобода города Карсун по материалам писцовой книги XVII века «Симбирск и Карсун» // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. 2011. № 1(69). С. 47–51.
28. Харузин Н.Н. Русские лопари: (Очерки прошлого и современного быта). М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1890. 472 с.
29. Соловецкий летописец второй половины XVI века. М.: Наука, 1979. 383 с.

References

1. Margolin S.L. K voprosu ob organizatsii i sotsial'nom sostave streletskogo voyska v XVII v. [On the Organization and Social Composition of the Streltsy Troops in the 17th Century]. *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta. T. 27, vyp. 2. Trudy kafedry istorii SSSR* [Proceedings of Moscow Regional Pedagogical Institute. Vol. 27, iss. 2. Works of the USSR History Department]. Moscow, 1953, pp. 63–95.

2. Chernov A.V. *Vooruzhennye sily Russkogo Gosudarstva v XV–XVII vv.* [Armed Forces of the Russian State in the 15th – 17th Centuries]. Moscow, 1954. 224 p.
3. *Istoriya Rossii. T. 5. Rossiya v XVII veke. Kn. 1. Rossiyskoe gosudarstvo v pervoy polovine XVII veka. 1598–1645 gody* [History of Russia. Vol. 5. Russia in the 17th Century. Book 1. The Russian State in the First Half of the 17th Century. 1598–1645]. Moscow, 2024. 770 p.
4. Almazov A.S. *Nezhinskiy garnizon “ratnykh lyudey” i ego otnosheniya s ukrainskimi kazakami, meshchanami i dukhovenstvom v 1659–1708 gg.* [The Nezhyn Militia Garrison and Its Relations with the Ukrainian Cossacks, Townspeople and the Clergy in 1659–1708]. Moscow, 2021. 552 p.
5. Vazhinskiy V.M. *Zemlevladenie i skladovanie obshchiny odnodvortsev v XVII veke: (Po materialam yuzhnykh uezdov Rossii)* [Land Ownership and the Formation of the Community of Odnodvortsy in the 17th Century: (Based on the Materials of the Southern Uyezds of Russia)]. Voronezh, 1974. 237 p.
6. Glaz'ev V.N. *Osobennosti sotsial'noy struktury naseleniya i administrativnogo ustroystva yuzhnoy okrainy Rossii XVI–XVII vekov* [Specifics of Social Structures of Populations and Administrative Systems of the Southern Outskirts of Russia, XVI–XVII Centuries]. *Vestnik VGU. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, 2013, no. 1, pp. 24–32.
7. Gorbachev V.I. *Streletske voysko ryazanskikh i ukrainnykh gorodov Rossii 30–40-kh gg. XVII v.* [The Streletsy Troops of Ryazan and Border Towns of Russia in the 1630s – 1640s: Diss.]. Ryazan, 2012. 184 p.
8. Kamarauli E.V. *Pomestnoe zemlevladenie na Yuge Rossii v XVII veke (po materialam Voronezhskogo uezda)* [The Local Land Tenure in Southern Russia in the XVII Century (on the Material of Voronezh District)]. *Vestnik VGU. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, 2015, no. 1, pp. 76–81.
9. Kamarauli E.V. *Sluzhilye gruppy v sostave zemlevladel'tsev Voronezhskogo uezda v pervoy treti XVII veka: razmeshchenie po stanaam, osobennosti pomestnogo i votchinnogo zemlevladeniya* [Service Groups in the Composition of Landowners of Voronezh County in the First Third of the XVII Century: Placement on the Mills, Features of Estate and Patrimony Tenure]. *Vestnik VGU. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, 2017, no. 3, pp. 47–52.
10. Lyapin D.A. *Tyaglye i chastnovladel'cheskie dvory v gorodakh Rossii v seredine XVII v. (po materialam gorodov-krepostey Sredney Oki i Verkhnego Dona)* [Taxpaying and Privately Owned Yards in Russian Cities in the Middle of Seventeenth Century (Based on Materials of Middle Oka and the Upper Don Cities)]. *Nauchnye vedomosti. Ser.: Istoriya. Politologiya*, 2016, no. 22, pp. 94–99.
11. Skobelkin O.V. *Sluzhilye lyudi yuzhnogo frontira: osobennosti zemlevladeniya, zemel'noy i soslovnoy politiki gosudarstva vo vtoroy polovine XVII v.* [Servicemen at the Southern Frontier: Particular Quality of Land Ownership, Land and Class State Policy at the Latter Half of the XVII Century]. *Vestnik VGU. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, 2013, no. 1, pp. 58–65.
12. Bulgakov M.B. *Obshcheshitie posadskikh lyudey Vologdy po pistsovoy knige 1627/28 g.* [The Households of the Posad People in Vologda According to the Cadastre of 1627/28]. Aver'yanov K.A. (ed.). *Problemy istoricheskoy geografii i demografii Rossii* [Problems of Historical Geography and Demography of Russia]. Iss. 2. Moscow, 2013, pp. 232–245.
13. Gryaznov A.L. *Naselenie Roshchenskoy ulitsy Vologdy v XVII – nachale XVIII v.* [The Population of Roshchenskaya Street in Vologda in the 17th – Early 18th Centuries]. *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Vyp. 6. Shestyje chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova* [Rus', Russia: Middle Ages and Modern Times. Iss. 6. The Sixth Readings in Memory of the Member of the Russian Academy of Sciences L.V. Milov]. Moscow, 2019, pp. 217–221.
14. Andrianova L.S., Gryaznov A.L. *Dvorovladenie v Vologde v XV – nachale XVIII v.* [Homesteads in Vologda in the 15th – Early 18th Centuries]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoricheskie i filologicheskie nauki*, 2020, no. 2, pp. 13–21.
15. Guslistova A.N. *Petrovskaya ulitsa g. Vologdy v XVII – nachale XVIII v.: istoriya i rekonstruktsiya* [Petrovskaya Street in Vologda in the 17th – Early 18th Centuries: History and Reconstruction]. Sablin V.A. (ed.). *Nekrasovskie chteniya* [Nekrasov Readings]. Vologda, 2017, pp. 114–119.
16. Pobezhimov A.I. *Kargopol' v seredine XVII v. (Po perepisnoy knige Kargopol'skogo uezda 1648 g.)* [Kargopol in the Mid-17th Century (According to the Census Book of the Kargopol Uyezd for 1648)]. *Sovremennye nauchnye*

issledovaniya i innovatsii, 2024, no. 9. Available at: <https://web.sciencedirect.com/issledovaniya/2024/09/102522> (accessed: 1 December 2024).

17. Zhukov A.Yu. Krest'yanskiy uklad i voennaya sluzhba v zhizni gorozhan: gorod Olonets v serедине XVII–XVIII vv. [Townspeople's Peasant Way of Life and Military Service: The Town of Olonets in the Middle of the 17th and the Early 18th Centuries]. *Al'manakh severoevropeyskikh i baltiyskikh issledovaniy*, 2018, no. 3, pp. 23–42.
18. Chernyakova I.A. *Kareliya na perelome epokh: ocherki sotsial'noy i agrarnoy istorii XVII veka* [Karelia at the Turn of an Era: Essays on the Social and Agrarian History of the 17th Century]. Petrozavodsk, 1998. 298 p.
19. Ushakov I.F., Dashchinskiy S.N. *Kola*. Murmansk, 1983. 193 p. (in Russ.).
20. Ushakov I.F. *Izbrannye proizvedeniya: istoriko-kraevedcheskie issledovaniya. T. 1. Kol'skaya zemlya* [Selected Works: Historical and Local History Research. Vol. 1. The Kola Land]. Murmansk, 1997. 646 p.
21. Kostochkin V.V. Derevannyy "gorod" Koly (Iz istorii russkogo oboronnogo zodchestva kontsa XVI – nachala XVIII vv.) [The Wooden "Town" of Kola (from the History of Russian Defensive Architecture of the Late 16th – Early 18th Centuries)]. Voronin N.N. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR]. No. 77. Moscow, 1958, pp. 200–246.
22. Rabinovich Ya.N. Pokhod Bal'tazara Beka na Kolu v fevrale 1611 g. [Balthasar Beck's Kola Campaign in February 1611]. *Mininskie chteniya* [Minin Readings]. Nizhny Novgorod, 2011, pp. 74–85.
23. Nikonorov S.A. Uchastie strel'tsov Kol'skogo ostroga v murmanskom rybnom promysle v XVII – nachale XVIII v. [The Involvement of the Infantrymen of the Kola Fort in Murmansk Fishing in the XVII – Beginning of XVIII Century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2: Istorija*, 2015, no. 2, pp. 5–12.
24. Staritsyn A.N. Taynye poseleniya staroverov v Kol'skom uezde v kontse XVII – nachale XVIII veka [Secret Settlements of Old Believers in the Kola Uyezd in the Late 17th – Early 18th Century]. *Murman i Rossiyskaya Arktika: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Murman and the Russian Arctic: Past, Present, Future]. Murmansk, 2016, pp. 111–117.
25. Rabinovich M.D. Strel'tsy v pervoy chetverti XVIII v. [Streltsy in the First Quarter of the 18th Century]. *Istoricheskie zapiski*, 1956, no. 58, pp. 273–305.
26. Ushakov I.F. *Izbrannye proizvedeniya: istoriko-kraevedcheskie issledovaniya. T. 3. Kol'skaya starina* [Selected Works: Historical and Local History Research. Vol. 3. The Old Kola]. Murmansk, 1998. 486 p.
27. Eremkina O.A. Streletskaia sloboda goroda Karsun po materialam pistsovoy knigi XVII veka "Simbirsk i Karsun" [Streletskaia Sloboda of Karsun City by Materials of the Cadaster Book of XVIIth Century "Simbirsk and Karsun"]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*, 2011, no. 1, pp. 47–51.
28. Kharuzin N.N. *Russkie lopari: (Ocherki proshloga i sovremennoy byta)* [Russian Lapps: (Essays on the Past and Modern Life)]. Moscow, 1890. 472 p.
29. Solovetskiy letopisets vtoroy poloviny XVI veka [The Solovetsky Monastery Chronicler of the Second Half of the 16th Century]. Moscow, 1979. 383 p.

Информация об авторе

В.В. Газизов – аспирант, ассистент кафедры истории Мурманского арктического университета (адрес: 183038, г. Мурманск, ул. Коммуны, д. 9).

Information about the author

Vyacheslav V. Gazizov, Postgraduate Student, Teaching Assistant at the History Department, Murmansk Arctic University (address: ul. Kommuny 9, Murmansk, 183038, Russia).

Поступила в редакцию 29.01.2025
Одобрена после рецензирования 28.04.2025
Принята к публикации 30.04.2025

Submitted 29 January 2025
Approved after reviewing 28 April 2025
Accepted for publication 30 April 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.

Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 4. С. 18–29.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.

Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 18–29.

Научная статья

УДК 94(73).092:351.746.1

DOI: 10.37482/2687-1505-V447

Идеология как фактор трансформации внешней политики США конца XX – первой четверти XXI века

Владимир Юрьевич Лукьянин

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,

Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: Volodya.luckyanov2017@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9559-1733>

Аннотация. В статье рассматривается значение идеологического фактора при формировании внешней политики США в период конца XX – первых десятилетий XXI века. Кратко представлена роль идеологии во внешней политике США в исторической ретроспективе. Отмечается, что после распада СССР США столкнулись с проблемой поиска идеологической доктрины, которая должна была заменить доктрину «борьбы с коммунизмом» эпохи холодной войны. Главная задача заключалась в том, чтобы обосновать претензии США на geopolитическое доминирование, формирование системы монополярного мира, обозначившиеся уже в период 1990-х годов. В это время идеологической основой внешней политики США стали концепции «расширения демократии» Э. Лейка и, применительно к постсоветскому пространству, «геополитического плюрализма» З. Бжезинского. В начале XXI века концепция «расширения демократии» была дополнена концепциями «гуманитарных интервенций» и «смены режимов», цель которых заключалась в идеологическом обосновании масштабных военных интервенций, начатой в конце 1990-х – начале 2000-х. В работе анализируются попытки отхода руководства США от проводимого курса – так называемая политика перезагрузки Б. Обамы и анонсирование отказа от политики интервенций в период первого президентского срока Д. Трампа. Оценивается роль идеологии во внешней политике США в период президентства Дж. Байдена. Автор приходит к выводу, что сегодня внешнюю политику США отличает крайне высокий уровень идеологизации. Шаги, предпринимаемые руководством США в сфере внешней политики, основаны в большей мере на идеологических стереотипах, чем на анализе реального положения дел на мировой арене. Доминирование идеологии предопределяет, по мнению автора, невозможность стабилизации системы международных отношений. В заключении автор пытается определить перспективы внешней политики США с учетом важнейшего события последнего времени – победы на президентских выборах в США Д. Трампа.

Ключевые слова: внешняя политика США, ООН, международное право, концепция «расширения демократии», концепция «геополитического плюрализма», концепция «гуманитарных интервенций», концепция «смены режимов»

Для цитирования: Лукьяннов, В. Ю. Идеология как фактор трансформации внешней политики США конца XX – первой четверти XXI века / В. Ю. Лукьяннов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 18-29. – DOI 10.37482/2687-1505-V447.

Original article

Ideology as a Factor in the Transformation of US Foreign Policy in the Late 20th and First Quarter of the 21st Centuries

Vladimir Yu. Luk'yanov

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia,
e-mail: Volodya.luckyanov2017@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9559-1733>

Abstract. The article analyses the importance of the ideological factor in the shaping of US foreign policy in the late 20th and early decades of the 21st centuries. The role of ideology in US foreign policy is outlined in historical retrospect. It is pointed out that after the collapse of the Soviet Union, the USA faced the problem of finding a new ideological doctrine that would replace the anti-Communist doctrine of the Cold War era. The key aim was to substantiate the country's claims to geopolitical dominance and the creation of a unipolar world, which took shape as early as in the 1990s. During that period, the ideological basis of US foreign policy were the concept of democratic enlargement by A. Lake and, for the post-Soviet states, the concept of geopolitical pluralism by Z. Brzezinski. In the early 21st century, democratic enlargement was supplemented by the concepts of humanitarian intervention and regime change, whose purpose was to ideologically substantiate the policy of largescale military interventions that were launched in the late 1990s – early 2000s. The author analyses the attempts of the US leadership to deviate from the so-called reset policy by Barack Obama, as well as the announced abandonment of the policy of interventions in the course of Donald Trump's first presidential term. In addition, the role of ideology in the country's foreign policy during Joe Biden's presidency is studied. The author comes to the conclusion that the current US foreign policy is extremely ideologized. The steps taken by the US leadership in the sphere of foreign policy are rather based on ideological stereotypes than on the analysis of the actual state of affairs on the global stage. According to the author, the dominant ideology makes the stabilization of the system of international relations impossible. In conclusion, the author attempts to determine prospects for US foreign policy taking into account a major recent event, i.e. D. Trump's victory in the US presidential election.

Keywords: *US foreign policy, UN, international law, democratic enlargement, geopolitical pluralism, humanitarian intervention, regime change*

For citation: Luk'yanov V.Yu. Ideology as a Factor in the Transformation of US Foreign Policy in the Late 20th and First Quarter of the 21st Centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 18–29. DOI: 10.37482/2687-1505-V447

Введение. Ситуация, сложившаяся в мире сегодня, характеризуется крайне высоким уровнем напряженности. Важнейшей задачей, стоящей перед мировым сообществом, становится построение стабильной системы международных отношений. Достижение этой цели в значительной степени зависит от Соединенных Штатов Америки. Анализ роли США в современных международных отношениях представляется актуальной проблемой. Однако его необходимо проводить не только в сфере геополитики. Не меньшее значение для понимания тенденций развития внешнеполитического курса США имеет, с нашей точки зрения, рассмотрение его идеологического аспекта.

Попытке решения указанной проблемы посвящена предлагаемая статья. В исследовании использованы методы сравнительного анализа (изучение трансформации идеологических подходов к проблемам внешней политики США от момента распада СССР до наших дней) и прогнозирования (попытка определения перспектив внешней политики США).

Обзор литературы. Проблеме внешней политики США периода конца XX – первых десятилетий XXI века посвящено значительное число работ как отечественных, так и зарубежных исследователей. В рамках интересующего нас аспекта следует отметить труды представителей американского экспертного сообщества, в которых рассматривается проблема формирования так называемого либерального миропорядка, подразумевающего гегемонию США в международных отношениях. Особое место в указанных работах занимает анализ либеральной идеологии как инструмента в достижении поставленной цели – построения «либерального миропорядка» [1–10].

Идеологии во внешней политике США уделяют внимание и отечественные эксперты. Работы Т.А. Шакleinой затрагивают названную проблему в аспекте кризиса «либерального миропорядка», противостояния концепций монополярного и многополярного мира [11, 12]. Роль идеологии во внешней политике Д. Трампа в период его первого президентства раскрывает Д.А. Конькова [13]. А.П. Цыганков

рассматривает идеологические противоречия, определяемые как «кризис идентичности», внутри правящей элиты США [14]. О.А. Коллобов и Ю.В. Тумина [15], Д.Т. Третьяков [16] анализируют идеологический аспект внешней политики президентов Дж. Буша-младшего и Б. Обамы. А.Ю. Сидоров и В.И. Фрадкова исследуют так называемую концепцию смены режимов, ставшую геополитической и идеологической основой внешней политики США в начале XXI века [17]. А.В. Лукин дает развернутый обзор роли идеологии в современных международных отношениях, в частности между Россией и Западом [18].

В коллективной монографии, изданной Московским государственным институтом международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, рассматриваются важнейшие геополитические проблемы, в первую очередь перспективы развития отношений России и США как наиболее значимых геополитических акторов, роль этих государств в решении вопроса обеспечения международной безопасности [19].

В.О. Печатнов и А.С. Маныкин подробно анализируют развитие внешней политики США начиная с момента формирования американского государства. Наибольший интерес представляет глава «Взлет и падение однополярного мира», в которой определены тенденции развития внешней политики США конца XX – первых десятилетий XXI века, в т. ч. в идеологическом аспекте [20].

Профессор В.В. Согрин в своей монографии рассматривает внутреннюю и внешнюю политику США на протяжении XX – начала XXI века с точки зрения соотношения ее основополагающих элементов – либерализма, демократии и империи. В рамках настоящей статьи наибольший интерес представляется последняя глава монографии, посвященная соотношению имперских амбиций современных США и геополитической реальности [21]. Следует отметить труд Н.И. Бубновой о взаимосвязи военного и политического аспектов внешней политики США в ходе наиболее

острых геополитических кризисов современности – Украина, Сирия, Ближний Восток [22].

Результаты. Идеология всегда играла важную роль во внешней политике США. Уже на ранних этапах существования американского государства была сформулирована так называемая концепция американской исключительности, подразумевающая право США доминировать в международных отношениях [23].

Значение идеологии многократно возросло в период холодной войны, идеологический аспект которой базировался на идее «борьбы с мировым коммунизмом». На решение этой задачи были ориентированы доктрины «сдерживания» коммунизма Г. Трумэна, «отбрасывания» коммунизма Д. Эйзенхауэра, доктрины Д. Картера, Р. Рейгана¹ и т. д. Отличаясь в деталях, они были едины в основном: борьба с СССР должна вестись в рамках не только геополитики (путем пресечения попыток создания коммунистических режимов), но и противодействия коммунистической идеологии в целом.

После распада СССР геополитическое положение США стало уникальным. Как единственная сверхдержава, США единолично определяли развитие международных процессов. Однако распад СССР привел к исчезновению идеологической составляющей внешней политики – «борьбы с мировым коммунизмом». Ввиду этого необходимо было идеологически обосновать претензии США на глобальное доминирование.

В начале 1990-х годов была сформулирована идеологическая доктрина внешней политики США в новых геополитических реалиях – так называемая концепция расширения демократии, автором которой считается помощник

президента США по национальной безопасности Э. Лейк. Согласно новой концепции, задача США состоит в проведении политики «глобальной демократизации» – максимальном увеличении числа государств, выбранных для себя демократический путь развития².

В основе концепции «расширения демократии» лежали теоретические доктрины, разработанные американским экспертным сообществом в годы холодной войны и по ее окончании.

Прежде всего следует назвать концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы, в основе которой – идея доминирования западной демократии в XXI веке, вышедшей победителем в противостоянии с коммунизмом [24]. Развивая идею «конца истории», Ф. Фукуяма приходит к выводу, что США могут вмешиваться в дела других государств, если ситуация в этих государствах угрожает безопасности США или международной безопасности. Суверенитет не может быть преградой [25].

Необходимо сказать и о концепции «мягкой силы» Дж. Ная, которую можно определить как умение сформировать позитивный образ государства на мировой арене, вызывающий у других государств желание следовать за ним добровольно, а не в силу принуждения [26]. Позже, вследствие критического отношения ученого к политике военных интервенций, проводимых американской администрацией, концепция «мягкой силы» трансформировалась в концепцию «умной силы», определяемую как сочетание, в зависимости от конкретных обстоятельств, методов «мягкой» и «жесткой» силы [27]. Наконец, упоминания заслуживает и так называемая доктрина гегемонистской стабильности, согласно которой неравенство государств в международных отношениях объ-

¹Речь Трумэна на заседании Конгресса 12 марта 1947 г. «Доктрина Трумэна». URL: <http://www.coldwar.ru/truman/doctrine.php> (дата обращения: 21.09.2024); «Доктрина Эйзенхауэра». URL: <http://www.diletant.media/articles/38115863/> (дата обращения: 20.09.2024); «Доктрина Картера». URL: http://www.coldwar.ru/bases/carter_doctrine.php (дата обращения: 01.09.2024); Речь Рейгана 16 февраля 1985 г. («Доктрина Рейгана»). URL: <http://www.coldwar.ru/raegan/doctrine.php> (дата обращения: 01.09.2024).

²Tony Lake – “From Containment to Enlargement”. 1993. Sept. 21. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/9013> (дата обращения: 10.08.2024).

ективно полезно, поскольку без государства-гегемона, готового в случае необходимости применить силу, невозможно обеспечить порядок на мировой арене, geopolитическую стабильность. Доктрина «гегемонистской стабильности» появилась еще в период холодной войны [28], но оказалась востребована и в наше время, став основой концепции «либерального миропорядка», идеи необходимости гегемонии США с целью избежать анархии и хаоса в международных процессах [1, 3]. Таким образом, все названные доктрины, послужившие теоретической базой для концепции «расширения демократии», опирались на идею необходимости доминирования США на мировой арене.

Концепция Э. Лейка легла в основу внешнеполитических доктрин США, отражающих geopolитические реалии, сложившихся после распада СССР, – «Стратегии национальной безопасности: вовлеченность и расширение» и «Стратегии национальной безопасности США для нового столетия»³, принятых в 1995 и 1998 годах соответственно.

В идеологическом, доктринальном плане цель указанных стратегий определялась как оказание государствам, выбравшим демократическую модель, всесторонней помощи. Таким образом, в период 1990-х годов была создана идеологическая доктрина, сменившая концепцию «борьбы с коммунизмом», – доктрина «расширения демократии», которая, в свою очередь, должна была стать основой для geopolитического доминирования США.

В начале XXI века идеологические концепты внешней политики периода 1990-х годов подвергаются существенной корректировке. В конце XX – начале XXI века США встают на путь масштабных военных интервенций.

Мы имеем в виду прежде всего бомбардировки Белграда авиацией НАТО в 1999 году, ввод войск коалиции западных государств во главе с США в Афганистан в 2001 году, интервенцию США в Ирак в 2003 году.

В связи с этим у руководства США возникла серьезная проблема, которую можно определить как необходимость легитимации действий США с точки зрения норм международного права, прежде всего Устава ООН. Согласно этому документу, военная операция на территории другого государства может быть проведена только в случае получения разрешения от Совета Безопасности ООН. Проблему для США представляло право вето, которым наделены 5 постоянных членов Совета – США, Россия, Китай, Франция и Великобритания. Для принятия решения необходимо одобрение всех перечисленных государств. Если хотя бы одно из них голосует против, решение не принимается. Право вето Совета Безопасности стало для США серьезным препятствием к достижению geopolитического доминирования.

Политика интервенций столкнулась с противодействием в Совете Безопасности ООН. Операцию в Афганистане, начатую в ответ на теракт 11 сентября, еще можно было, хотя и с оговорками, признать соответствующей Уставу ООН. Декларация Совета Безопасности о том, что так называемые международные силы содействия безопасности, возглавляемые США, находятся в Афганистане с разрешения ООН, была принята в декабре 2001 года, т. е. уже после начала операции, постфактум⁴. Однако бомбардировка Белграда в 1999 году и ввод войск США в Ирак в 2003 году не были санкционированы Советом Безопасности, что делало их незаконными с точки зрения международного права.

³ A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. URL: <https://archive.org/details/ANationalSecurityStrategyofEngagementandEnlargement> (дата обращения: 16.08.2024); A National Security for a New Century. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/policy/national/nss9912.html> (дата обращения: 16.08.2024).

⁴ Резолюция 1386 (2001) о создании международных сил содействия безопасности в Афганистане, принятая на 4443-м заседании Совета Безопасности ООН. 20 дек. 2001 г. URL: <http://www.ros-mir.ru/node/2645> (дата обращения: 14.09.2024).

Первой попыткой обоснования Западом вмешательства США в дела других государств стала концепция так называемых гуманитарных интервенций. Ее смысл заключался в том, что демократические государства ради защиты прав человека могут вмешиваться в дела других государств, не обращая внимания на их суверенитет⁵. Аргумент «гуманитарных интервенций» был использован США в период упомянутых бомбардировок Югославии в 1999 году. Госсекретарь США Мадлен Олбрайт назвала вмешательство США и НАТО в югославские события «разновидностью миссионерства»⁶. Впоследствии «гуманитарные интервенции» будут использованы для обоснования военных операций в Афганистане и Ираке. В целях приведения «гуманитарных интервенций» в соответствие с нормами международного права в начале 2000-х годов по инициативе стран Запада была предложена так называемая концепция ответственности при защите, трактовавшая иностранное вмешательство в дела суверенного государства как ответственность по защите гражданского населения, в случае если это государство не может обеспечить безопасность собственных граждан. Данная концепция, однако, не могла быть признана легитимной с точки зрения норм международного права, т. к. не была утверждена как поправка в Устав ООН или международная конвенция⁷.

Следующий шаг, направленный на легитимацию политики интервенций, был связан с терактом 11 сентября 2001 года. В начале 2002 года президентом США Дж. Бушем-младшим была озвучена так называемая концепция смены режимов⁸, смысл которой заключался в том, что США имеют право нанести упреждающий удар против государства, которое они сочтут потенциальной угрозой безопасности как для себя, так и для мира в целом. Сделать это США, в случае необходимости, могут без разрешения Совета Безопасности ООН. Развивая концепцию «смены режимов», президент Дж. Буш-младший приводит термин «ось зла», под которым имеет в виду Ирак, Иран, а также организации «Аль-Каида»⁹ и «Хезболла»¹⁰. Позже к «оси зла» будут добавлены КНДР, Ливия, Сирия и Куба. Близкими к государствам «оси зла» стали «государства – спонсоры международного терроризма»¹¹ и «государства-изгои»¹². Новая Стратегия национальной безопасности США, принятая в 2002 году, указывала на то, что США участвуют в «борьбе идей», цель которой – принести «надежду на свободу и демократию... во все уголки мира»¹³.

Концепции «гуманитарных интервенций» и «смены режимов» стали идеологическим фундаментом «правового» обоснования политики интервенций. Главным утверждением было то, что основной угрозой для международной безопасности являются диктаторские режимы, отрицающие свободу и демократию. Именно по этой

⁵Искендеров П. Гуманитарные интервенции в контексте геополитики. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gumanitarnye-interventsii-v-kontekste-geopolitiki/> (дата обращения: 14.03.2025).

⁶Там же.

⁷Там же.

⁸President Delivers State of the Union Address. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html> (дата обращения: 16.09.2024).

⁹Деятельность организации «Аль-Каида» признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁰Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-joint-session-the-congress-the-state-the-union-22> (дата обращения: 11.08.2024).

¹¹State Sponsors of Terrorism. URL: <https://www.state.gov/state-sponsors-of-terrorism/> (дата обращения: 09.09.2024).

¹²Стратегия национальной безопасности США 2002. URL: <https://constitutions.ru/?p=5292> (дата обращения: 11.08.2024).

¹³Там же.

причине США имеют право, игнорируя, в случае необходимости, ООН, применить против данных государств жесткие меры, вплоть до военной интервенции. Таким образом, названные концепции стали «правовыми» нормами, по отношению к которым нормы международного права, прежде всего Устав ООН, – вторичны. Сущность новой идеологической доктрины можно было определить следующим образом – «ценности демократии стоят выше норм международного права»¹⁴.

События начала XXI века стали поворотным моментом во внешней политике США. В идеологическом плане главной тенденцией стала абсолютизация тезиса о ценности демократии. Если в период 1990-х годов демократия позиционировалась как пример для подражания, то теперь – как право США вмешиваться в дела других государств [17, с. 19]. Необходимость защиты демократии становится оправданием практически любых действий, предпринимаемых США на мировой арене.

Нагляднее всего идеологированность внешней политики США проявилась на постсоветском пространстве – в республиках бывшего СССР.

Основу политики США в регионе составляла концепция «геополитического плорализма», автором которой стал известный эксперт и политик З. Бжезинский. По его мысли, традиции, история, менталитет России неизбежно будут подталкивать ее к попыткам установить контроль над республиками бывшего СССР. Задача США заключается в том, чтобы заставить Россию предоставить государствам постсоветского пространства право на самостоятельный выбор пути развития, защитить их от «имперских амбиций» России¹⁵ [29]. Концепция Бжезинского

была использована прежде всего в ходе так называемых цветных революций. «Цветные революции» практически всегда позиционировались руководством США как борьба народов бывшего СССР за свободу и демократию, против «российской агрессии» [11, 30].

Попытка пересмотреть роль идеологии во внешней политике США была предпринята президентом Б. Обамой (2008–2016) в рамках так называемой политики перезагрузки конца 2000-х годов – попытки нормализации отношений США с Россией и Китаем. Выступая в 2009 году в ООН, Б. Обама признал, что «по некоторым важнейшим вопросам Америка действовала в одностороннем порядке, не считаясь с интересами других»¹⁶. Президент США призвал объединить усилия ради построения мирного и безопасного будущего. Фактически был анонсирован если не полный отказ от политики «расширения демократии», то по крайней мере отказ от ее радикальных форм – военных интервенций. Политика «перезагрузки», как известно, закончилась неудачей. Однако примечателен факт попытки отказа от идеологического догматизма, определявшего курс внешней политики США в начале XXI века.

Сменивший в 2016 году Б. Обаму на посту президента США Д. Трамп также обещал прекратить политику интервенций и нормализовать отношения с Россией¹⁷. Но, как и «перезагрузка», обещания Д. Трампа в период его первого президентского срока (2016–2020) остались невыполнеными. К анализу причин, по которым была предпринята «перезагрузка» Б. Обамы и были анонсированы обещания прекратить политику интервенций Д. Трампом, мы вернемся позже.

¹⁴Стратегия национальной безопасности США 2002. URL: <https://constitutions.ru/?p=5292> (дата обращения: 11.08.2024).

¹⁵Бжезинский З. Имперская Россия, вассальная Украина. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/brzezinski/?library=1385> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁶Полный текст речи Обамы в ООН. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.e55281bf-68757db4-e94a6044-74722d776562/https://www.theblaze.com/news/2014/09/24/full-text-of-obamas-u-n-speech (дата обращения: 11.10.2024).

¹⁷Trump on Foreign Policy. URL: <https://nationalinterest.org/feature/trump-foreign-policy-15960> (дата обращения: 06.01.2025).

Важнейшим событием президентства Дж. Байдена (2020–2024) стал вывод войск США из Афганистана в 2021 году, что можно было бы оценить как отказ от политики интервенций. Однако решающее влияние на курс внешней политики США оказало начало специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 года. Осенью 2022 года принимается Стратегия национальной безопасности, которая лежит в контексте политики «расширения демократии». Содержание геополитических процессов позиционируется как борьба демократии и авторитарии, олицетворением которой являются Россия и Китай, насаждающие по всему миру авторитарные режимы. Необходимость американского лидерства очевидна как никогда ранее. Только США могут создать миропорядок, основанный на уважении международного права, соблюдении прав человека и т. д.¹⁸

Заключение. В период конца XX – первой четверти XXI века идеология как доктринальная основа внешней политики США неуклонно усиливала свое значение. Тем не менее в ходе этого процесса США сталкиваются с усиливающимся противодействием.

В 1990-е годы, когда политика «расширения демократии» затрагивала близкую США по культуре и менталитету Восточную Европу, серьезных проблем не возникало. Однако уже на постсоветском пространстве политика демократизации сталкивается с трудноразрешимыми проблемами, связанными с несоответствием политической системы большинства республик бывшего СССР требованиям западной демократии [18, с. 42]. Полный провал политика демократизации потерпела на Ближнем Востоке, народы которого привержены культурно-цивилизационным, политическим и религиозным ценностям, кардинально отличающимся от западных. Попытка демократизации Ближнего Востока привела к тому, что на смену авторитарным режимам в регионе пришли хаос и гражданские войны [18, с. 42].

Именно все возрастающее противодействие политике «расширения демократии» привело к попытке смягчения позиций США в идеологической сфере в период президентств Б. Обамы и Д. Трампа.

Очевидные неудачи внешней политики США стали причиной критики концепции «расширения демократии» в экспертном сообществе. Появляются работы, говорящие о кризисе «либерального миропорядка», основанного на доминировании США [7, 8], о вступлении в эпоху геополитической непредсказуемости и неопределенности [9], единственными способами преодоления которой являются нахождение компромисса и сотрудничество важнейших геополитических акторов [31]. Таким образом, внешняя политика США, основанная на концепции «расширения демократии», все в большей степени подвергалась ревизии как в практическом, так и в теоретическом плане. Между тем радикальный подход, предусматривающий распространение демократии в т. ч. силовыми методами, во внешней политике США в период конца XX – первых десятилетий XXI века доминировал. В результате США и Запад в целом все более стали «превращаться в международную идеократическую систему, в которой идеология полностью подмяла под себя реализм и способность оценивать проблемы с pragматической точки зрения» [18, с. 41], систему, считающую, что демократия стала моделью общественного устройства, которую «естественному образом должны принять народы всех стран мира. Поэтому вмешательство [Запада] в их дела... является не только легитимным, но и необходимым» [18, с. 42]. Однако попытки «навязывания» демократии любыми методами приводят не к порядку и стабильности путем установления гегемонии США, но к обратному результату – росту числа конфликтов и войн [16, с. 69].

Причина неэффективности политики «распространения демократии» очевидна и заключается в игнорировании фактора культурно-цивилизационного многообразия мира. При выборе модели

¹⁸National Security Strategy. 2022. Oct. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 12.06.2024).

государственно-политического устройства необходимо учитывать существующие в обществе традиции, обычаи, менталитет, духовные ценности.

К моменту окончания президентского срока Дж. Байдена идеологический фактор во внешней политике США, по нашему мнению, оказался абсолютизирован. Идеологический догматизм стал препятствием для стабилизации системы международных отношений в не меньшей степени, чем фактор геополитический.

В конце необходимо остановиться на анализе перспектив внешней политики США в период второго президентства Д. Трампа, ставшего победителем на выборах 2024 года. Как и в период первого президентства, Д. Трамп анонсировал принципиально новые подходы к проблемам внешней политики. Он обещал в предельно короткие сроки достигнуть компромисса с Россией на основании отказа от поддержки Украины, перейти к политике изоляционизма и едва ли не вывести США из НАТО¹⁹.

Шаги Д. Трампа можно, по нашему мнению, определить как изоляционизм, т. е. отказ

от идеи «глобальной демократизации», проводимой с помощью масштабных военных интервенций, и концентрацию усилий на решении внутренних проблем. Попытка реализации стратегии изоляционизма была предпринята Д. Трампом еще в период первого президентства [13].

Изоляционизм не предусматривает полного отказа от агрессивной внешней политики, но подразумевает ее проведение лишь в той мере, в какой она соответствует защите национальных интересов США. В этом плане весьма показательно шокировавшее даже союзников заявление о необходимости присоединения к США Гренландии²⁰.

Следовательно, США сегодня стоят перед выбором: либо отказ от политики, основанной на доктрине «расширения демократии», прекращение политики военных интервенций, либо – продолжение этой политики, что неизбежно будет вести к усилению геополитической напряженности, росту числа войн и международных конфликтов. Какой выбор сделает руководство США – покажет будущее.

Список литературы

1. Ikenberry G.I. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. Princeton: Princeton Univ. Press, 2011. 312 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctt7rjt2>
2. Ikenberry G.I. The End of Liberal International Order? // Int. Aff. 2018. Vol. 94, № 1. P. 7–23. <https://doi.org/10.1093/ia/iix241>
3. Waltz K. Globalization and American Power // Natl. Interest. 2000. № 59. P. 46–56.
4. Deenen P.J. Why Liberalism Failed. New Haven: Yale Univ. Press, 2018. 225 p. <https://doi.org/10.12987/yale/9780300223446.001.0001>
5. Levitsky S., Ziblatt D. How Democracies Die. N. Y.: Broadway Books, 2018. 308 p.
6. Mearsheimer J.J. The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities. New Haven: Yale Univ. Press, 2018. 328 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv5cgb1w>
7. Mearsheimer J.J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order // Int. Secur. 2019. Vol. 43, № 4. P. 7–50. https://doi.org/10.1162/isec_a_00342

¹⁹Программа Трампа: компромисс с Россией, сдача Украины, отказ от НАТО и изоляционизм. URL: https://dzen.ru/a/Ze-dzDeM_XqvIL0A (дата обращения: 28.02.2025).

²⁰В Европе нарастает возмущение намерением Трампа забрать Гренландию. Зачем она ему? URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/world/20250109/v-evrope-narastaet-vozmutshenie-namereniem-trampa-zabrat-grenlandiyu> (дата обращения: 28.02.2025).

8. Walts S.M. *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of the U.S. Primacy*. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2018. 384 p.
9. Kupchan C.A. *No One's World: The West, The Rising Rest, and the Coming Global Turn*. N. Y., 2012. 272 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780199739394.001.0001>
10. Kissinger H. *Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for The 21st Century*. N. Y.: Simon & Schuster, 2004. 318 p.
11. Шаклеина Т.А. Переломный момент в мировом развитии. Сохранил ли Запад преобладающее влияние на формирование мирового порядка в XXI веке? // Междунар. процессы. 2022. Т. 20, № 4(71). С. 6–22. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.2>
12. Шаклеина Т.А. «Дilemma Аmerica» в формировании современного мирового порядка. Результаты действия США и формирование «Евразийского центра» // Междунар. процессы. 2019. Т. 17, № 4(59). С. 36–48. <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.3>
13. Конькова Д.А. Изоляционизм как большая стратегия США: от отцов-основателей до Дональда Трампа // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Междунар. отношения. 2024. Т. 17, вып. 1. С. 43–58. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.103>
14. Цыганков А.П. Гулливер на распутье: американская стратегия и смена миропорядка // Междунар. аналитика. 2020. Т. 11, № 2. С. 28–44. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-28-44>
15. Колобов О.А., Тумина Ю.В. Доктринальные основы внешней политики США при администрациях Дж. Буша-мл. и Б. Обамы // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1(1). С. 277–284.
16. Третьяков Д.Т. Анализ доктрины Буша-младшего с точки зрения теории гегемонистской стабильности в американском экспертном сообществе // Клио. 2024. № 2(206). С. 61–71.
17. Сидоров А.Ю., Фрадкова В.И. Доктрина «смены режимов» в американской внешнеполитической традиции и идеологии // Обозреватель-Observer. 2023. № 1. С. 17–29. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2023_1_17
18. Лукин А.В. Новая международная идеократия и Россия // Сравнит. политика. 2016. № 1(22) С. 41–57. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1\(22\)-41-57](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1(22)-41-57)
19. Шаклеина Т.А., Баталов Э.Я., Болгова И.А., Безруков А.О., Вакурова Т.В., Истомин И.А., Мамедли Р.Т., Смирнов А.И., Сучков М.А., Сущенцов А.А., Томберг И.Р., Фененко А.В., Ходынская-Голенищева М.С., Худайкулова А.В., Ямбуренко Е.Н. Россия и США в XXI веке. Особенности отношений / под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: Аспект Пресс, 2020. 352 с.
20. Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. М.: Междунар. отношения, 2024. 680 с.
21. Согрин В.В. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь мир, 2015. 592 с.
22. Бубнова Н.И. Военно-политический курс США во втором десятилетии 21 века. М.: Полит. энцикл., 2021. 647 с.
23. Васильев В.С. Эволюция концепции американской исключительности и роль США в мировом порядке // Перспективы. Электрон. журн. 2016. № 4(8) С. 56–70.
24. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: ACT, 2004. 588 с.
25. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке: пер. с англ. М.: ACT, 2006. 220 с.
26. Nye J.S. JR. Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 80. Р. 153–171. <https://doi.org/10.2307/1148580>
27. Nye J.S. JR. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N. Y.: Public Aff., 2004. 191 p.
28. Keohane R. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton Univ. Press, 1984. 320 p.
29. Бжезинский З. Преждевременное партнерство // Foreign Aff. 1994. Vol. 73, № 2. Р. 67–82.
30. Mitchell L.A. The Color Revolutions. Philadelphia: Univ. Pennsylvania Press, 2012. 256 p.
31. Хаас Р., Купчан Ч. Новый концерт держав. Как предотвратить катастрофу и обеспечить стабильность в многополярном мире. URL: <https://katehon.com/ru/article/novyy-koncert-derzhav> (дата обращения: 09.06.2024).

References

1. Ikenberry G.J. *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton, 2011. 312 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctt7rjt2>

2. Ikenberry G.J. The End of Liberal International Order? *Int. Aff.*, 2018, vol. 94, no. 1, pp. 7–23. <https://doi.org/10.1093/ia/iix241>
3. Waltz K. Globalization and American Power. *Natl. Interest*, 2000, no. 59, pp. 46–56.
4. Deenen P.J. *Why Liberalism Failed*. New Haven, 2018. 225 p. <https://doi.org/10.12987/yale/9780300223446.001.0001>
5. Levitsky S., Ziblatt D. *How Democracies Die*. New York, 2018. 308 p.
6. Mearsheimer J.J. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven, 2018. 328 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv5cgb1w>
7. Mearsheimer J.J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order. *Int. Secur.*, 2019, vol. 43, no. 4, pp. 7–50. https://doi.org/10.1162/isec_a_00342
8. Walt S.M. *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of the U.S. Primacy*. New York, 2018. 384 p.
9. Kupchan C.A. *No One's World: The West, The Rising Rest, and the Coming Global Turn*. New York, 2012. 272 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780199739394.001.0001>
10. Kissinger H. *Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century*. New York, 2001. 318 p.
11. Shkleina T.A. Perelomnyy moment v mirovom razvitiy. Sokhranit li Zapad preobladayushchее vliyanie na formirovanie mirovogo poryadka v XXI veke? [Turning Point in Global Development. Will the West Keep Its Predominant Influence on World Order in the 21st Century?]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 6–22. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.2>
12. Shkleina T.A. “Dilemma Ameriki” v formirovaniy sovremennoy mirovogo poryadka [“American Dilemma” in the Forging of a New World Order]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 36–48. <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.3>
13. Konkova D.A. Isolationism as the United States' Grand Strategy: From the Founding Fathers to Donald Trump. *Vestn. St. Petersb. Univ. Int. Relat.*, 2024, vol. 17, no. 1, pp. 43–58 (in Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.103>
14. Tsygankov A.P. Gulliver at the Crossroads: America's Strategy During the Global Transition. *J. Int. Anal.*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 28–44 (in Russ.). <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-28-44>
15. Kolobov O.A., Tumina Yu.V. Doktrinal'nye osnovy vneshney politiki SShA pri administratsiyakh Dzh. Busha-ml. i B. Obamy [Doctrinal Basis of US Foreign Policy During the Presidency of George W. Bush and Barack Obama]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2012, no. 1, pp. 277–284.
16. Tret'yakov D.T. Analiz doktriny Busha-mladshego s tochki zreniya teorii gegemonistskoy stabil'nosti v amerikanskem ekspertrnom soobshchestve [Analysis of the Doctrine of George W. Bush from the Point of View of the Hegemony Stability Theory]. *Klio*, 2024, no. 2, pp. 61–71.
17. Sidorov A.Yu., Fradkova V.I. Doktrina “smyeny rezhimov” v amerikanskoy vneshnepoliticheskoy traditsii i ideologii [The Doctrine of “Regime Change” in American Foreign Policy Tradition and Ideology]. *Obozrevatel'-Observer*, 2023, no. 1, pp. 17–29. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2023_1_17
18. Lukin A.V. Novaya mezhdunarodnaya ideokratiya i Rossiya [New International Ideocracy and Russia]. *Sravnitel'naya politika*, 2016, no. 1, pp. 41–57. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1\(22\)-41-57](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1(22)-41-57)
19. Shkleina T.A., Batalov E.Ya., Bolgova I.A., Bezrukov A.O., Vakulova T.V., Istomin I.A., Mamedli R.T., Smirnov A.I., Suchkov M.A., Sushentsov A.A., Tomberg I.R., Fenenko A.V., Khodynskaya-Golenishcheva M.S., Khudaykulova A.V., Yamburenko E.N. *Rossiya i SShA v XXI veke. Osobennosti* [Russia and the USA in the 21st Century. Specific Features]. Moscow, 2020. 352 p.
20. Pechatnov V.O., Manykin A.S. *Istoriya vneshney politiki SShA* [The History of US Foreign Policy]. Moscow, 2024. 680 p.
21. Sogrin V.V. *Liberalizm. Demokratiya. Imperiya* [Liberalism. Democracy. Empire]. Moscow, 2015. 592 p.
22. Bubnova N.I. *Voenno-politicheskiy kurs SShA vo vtorom desyatiletii 21 veka* [The US Military-Political Course in the Second Decade of the 21st Century]. Moscow, 2021. 647 p.
23. Vasil'ev V.S. Evolyutsiya kontseptsii amerikanskoy isklyuchitel'nosti i rol' SShA v mirovom poryadke [Evolution of the Concept of American Exceptionalism and the US Role in the World Order]. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal*, 2016, no. 4, pp. 56–70.
24. Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow, 2004. 588 p.
25. Fukuyama F. *State Building: Governance and World Order in the Twenty-First Century*. London, 2004. 194 p. (Russ. ed.: Fukuyama F. *Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoy poryadok v XXI veke*. Moscow, 2006. 220 p.).

26. Nye J.S. Jr. *Soft Power*. *Foreign Policy*, 1990, no. 80, pp. 153–171. <https://doi.org/10.2307/1148580>
27. Nye J.S. Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, 2004. 191 p.
28. Keohane R. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton, 1984. 320 p.
29. Brzeziński Z. *The Premature Partnership*. *Foreign Aff.*, 1994, vol. 73, no. 2, pp. 67–82.
30. Mitchell L.A. *The Color Revolutions*. Philadelphia, 2012. 256 p.
31. Haas R., Kupchan C.A. *The New Concert of Powers: How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World*. Available at: <https://katehon.com/ru/article/novyy-koncert-derzhav> (accessed: 9 June 2024) (in Russ.).

Информация об авторе

В.Ю. Лукьянов – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международного предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (адрес: 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67).

Information about the author

Vladimir Yu. Luk'yanov, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of International Entrepreneurship, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (address: ul. Bol'shaya Morskaya 67, St. Petersburg, 190000, Russia).

Поступила в редакцию 01.10.2024
Одобрена после рецензирования 21.04.2025
Принята к публикации 23.04.2025

Submitted 1 October 2024
Approved after reviewing 21 April 2025
Accepted for publication 23 April 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 4. С. 30–42.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 30–42.

Научная статья
УДК 94(47).08:141.4
DOI: 10.37482/2687-1505-V446

Религиозно-философская публицистика Л.Н. Толстого: начало известности во Франции и Германии

Константин Владимирович Кременецкий

Нью-Йоркская киноакадемия, отделение в Лос-Анджелесе, США,
e-mail: kkremenetski@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6729-2437>

Аннотация. В статье анализируются причины и механизм возникновения международной известности религиозно-философской публицистики Л.Н. Толстого. Инициатива перевода религиозно-философских статей Л.Н. Толстого на французский язык принадлежит князю Л.Д. Урусову. При содействии французской писательницы Ж. Адам ему удалось опубликовать в парижском журнале перевод предисловия к «Краткому изложению Евангелия». Ж. Адам была сторонницей сближения Франции и России и рассматривала публикации русских писателей как один из способов создания положительного образа России во Франции. На статьи Толстого обратили внимание протестанты и стали искать контакты с ним. Трактат «В чем моя вера?», переведенный на французский Л.Д. Урусовым, был опубликован протестантским издателем Ш. Фишбахером, причем расходы по изданию оплатил сам Толстой. Одновременно трактат был издан на немецком языке либеральным немецким издателем К. Гайбелем. За этими переводами последовали другие. Толстому начали создавать репутацию мыслителя и религиозного реформатора. Рецензенты относили взгляды Л.Н. Толстого к нонконформизму, теософии и отождествляли их с восточными религиями. Его объявили проповедником христианского анархизма и нигилизма. Антигосударственные и антицерковные декларации Л.Н. Толстого считались полезными для революционной пропаганды и воздействия на общественное мнение в России. Значительную роль в формулировании оценки взглядов Толстого католиками сыграли отзывы Э.-М. де Вогюэ о его философии. Католики видели, что пропаганда взглядов Толстого исходит от протестантов, и не придавали большого значения его публицистике, указывая на ее вторичность и противоречивость. Л.Н. Толстой понимал причины своей международной известности и в последующей публицистической деятельности учитывал это.

Ключевые слова: религиозно-философские статьи Л.Н. Толстого, французские переводы публицистики Л.Н. Толстого, немецкие переводы публицистики Л.Н. Толстого, князь Л.Д. Урусов, Ж. Адам, Э.-М. де Вогюэ, нонконформизм, теософия

Для цитирования: Кременецкий, К. В. Религиозно-философская публицистика Л.Н. Толстого: начало известности во Франции и Германии / К. В. Кременецкий // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 30-42. – DOI 10.37482/2687-1505-V446.

Original article

Leo Tolstoy's Religious and Philosophical Writings: The Dawn of Fame in France and Germany

Konstantin V. Kremenetski

New York Film Academy, Los Angeles Campus, USA,

e-mail: kkremenetski@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6729-2437>

Abstract. The article analyses the reasons and mechanism behind the international fame of Leo Tolstoy's religious and philosophical journalism. The initiative to translate Tolstoy's religious and philosophical articles belongs to Prince L.D. Urusov. With the assistance of the French writer Juliette Adam, he was able to publish the introduction to *The Gospel in Brief* in her magazine. Adam advocated for a rapprochement between France and Russia and viewed publication of Russian authors as a means of improving the image of Russia in French public opinion. Protestants appreciated Tolstoy's articles and sought contact with the author. Urusov's translation of *My Religion* was published by the Protestant publisher C. Fischbacher, all expenses being covered by Tolstoy. Simultaneously, a German translation was published by C. Geibel, a German liberal publisher. Other translations soon followed. Tolstoy was promoted as a thinker and religious reformer. His views were compared to nonconformism, theosophy and eastern religions. He was proclaimed as a preacher of Christian anarchism and nihilism. Tolstoy's declarations against the Russian government and the Church were considered beneficial for revolutionary propaganda and for influencing public opinion in Russia. E.-M. de Vogüé's critique of Tolstoy's philosophy helped shape the Catholics' attitude towards Tolstoy's views. Catholics saw that the propaganda of Tolstoy's ideas came from Protestants but did not attach much importance to his articles, pointing to their secondary and controversial nature. Tolstoy was well aware of the reasons behind his international fame and kept that in mind when working on his subsequent articles.

Keywords: *Leo Tolstoy's religious and philosophical articles, French translations of Leo Tolstoy's articles, German translations of Leo Tolstoy's articles, Prince L.D. Urusov, J. Adam, E.-M. de Vogüé, nonconformism, theosophy*

For citation: Kremenetski K.V. Leo Tolstoy's Religious and Philosophical Writings: The Dawn of Fame in France and Germany. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 30–42. DOI: 10.37482/2687-1505-V446

Введение

Международная известность Л.Н. Толстого начиная с 1880-х годов привлекала внимание современников и исследователей. Отмечалось различие между интересом к художественным и философско-публицистическим произведениям Л.Н. Толстого. При этом акцент в основном делался на истории переводов художественных произведений Л.Н. Толстого и роли И.С. Тургенева и Э.-М. де Вогюэ в пробуждении интереса к творчеству Л.Н. Толстого во Франции. Переводы

публицистики Толстого рассматривались как вторичные по отношению к переводам его художественных произведений. Распространение этих переводов в Европе изучалось в общем контексте интереса к русской культуре и межгосударственных отношений конца XIX – начала XX века [1–9]. Не уделялось достаточного внимания тому, как появились переводы публицистических произведений Л.Н. Толстого и какую роль в популяризации его публицистики сыграли конфессиональная принадлежность

и политические предпочтения издателей и публицистов. В настоящей статье рассматриваются мотивы и механизм возникновения первых переводов и изданий религиозно-философской публицистики Л.Н. Толстого во Франции и Германии.

Первые издания публицистики

Л.Н. Толстого во Франции

И.С. Тургенев жил во Франции и пытался заинтересовать французов русской литературой, в т. ч. произведениями Л.Н. Толстого. В 1879 году княгиня И.И. Паскевич перевела «Войну и мир» на французский язык, в чем ей помогал Я.П. Полонский [6, с. 35–36]. И.И. Паскевич была сестрой министра императорского двора И.И. Воронцова-Дашкова [10, с. 142]. Тираж «Войны и мира» был отпечатан в Петербурге и переправлен в Париж, где И.С. Тургенев пытался его распространять без особого успеха. В письмах к И.С. Тургеневу «Войну и мир» хвалили (например, Г. Флобер сравнил Л.Н. Толстого с У. Шекспиром), но это не приводило к интересу со стороны критиков и издателей¹. Когда Л.Н. Толстой написал первые философско-религиозные произведения, с самого начала делался расчет на их бесцензурное распространение в России с помощью литографирования².

Первые издания религиозных произведений Л.Н. Толстого появились во Франции благодаря инициативе князя Л.Д. Уруса и заинтересованности французской писательницы Ж. Адам.

Л.Д. Урусов был тульским вице-губернатором. Он познакомился с Л.Н. Толстым около 1878 года, увлекся его религиозными идеями

и решил познакомить с ними французов. Жена вице-губернатора, М.С. Урусова, зимой с семьей жила в Париже, а на лето приезжала в Россию [11, с. 67]. Зимой Л.Д. Урусов навещал свою семью. Его жена была знакома с А.К. Толстым, И.С. Тургеневым и Г. де Мопассаном. Через нее с И.С. Тургеневым познакомился и Л.Д. Урусов³. М.С. Урусова не разделяла энтузиазма своего мужа по поводу религиозных взглядов Л.Н. Толстого⁴.

В Париже Л.Д. Урусов посещал лабораторию Луи Пастера и старался распространять в России сведения о его открытиях по борьбе с болезнями скота, бешенством и сибирской язвой⁵. Благодаря связям М.С. Урусовой зимой 1881/82 года в Париже Л.Д. Урусов познакомился с Ж. Адам.

Мадам Адам была в 1880-е годы заметной фигурой в политической и культурной жизни Третьей республики. Она была хозяйкой влиятельного парижского салона, который посещали видные политики, и основательницей «La Nouvelle Revue» («Нового журнала»). Во внешней политике «La Nouvelle Revue» декларировал русофилию и выступал за укрепление отношений с Россией в противовес Германии. В рамках этой программы Ж. Адам стремилась создать положительный образ России во Франции, но это не было ее личной инициативой, а отражало стремление руководства страны. Еще в начале 1880 года в посольстве Франции в Петербурге секретарь посольства Э.-М. де Богюэ обсуждал с французским послом вопрос о желательности

¹Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма в 13 т., т. 12, кн. 2: 1879–1880. М.; Л., 1967. С. 133, 205.

²Русанов Г.А. Поездка в Ясную Поляну // Толстовский ежегодник. М., 1912. С. 53–55; Новое время. 1908. 1 окт. С. 3.

³Тургенев И.С. Указ. соч. Письма в 13 т., т. 12, кн. 1: 1876–1878. М.; Л., 1966. С. 37; Письма в 13 т., т. 12, кн. 2: 1879–1880. С. 277; Письма в 13 т., т. 13, кн. 2: 1882–1883. М.; Л., 1968. С. 29, 69, 225; Л.Д. Урусов Л.Н. Толстому. 24 апреля 1884 // ГМТ (Гос. музей Л.Н. Толстого). Отд. рукописей. Ф. 1. № 193/28-27. Л. 2 об.; М.С. Урусова Л.Н. Толстому. 11 апреля 1885 // Там же. № 193/40-4. Л. 2 об.

⁴Ouroussow M. Histoire d'une âme. Mary; souvenirs recueillis par sa mère. Paris, 1904. P. 40.

⁵L. Ouroussoff à L. Pasteur. 11 mars, 27 avril, 18/30 mai 1883 // BNF (Bibliothèque nationale de France). Département des Manuscrits. Louis Pasteur Papiers. NAF 18105. V. Correspondance. 184. Fol. 335–340; Л.Д. Урусов Л.Н. Толстому. 21 мая 1884 // ГМТ. Отд. рукописей. Ф. 1. № 193/28-35. Л. 2 об.; 12 июня 1884 // Там же. № 193/28-39. Л. 2 об.

установления более тесных связей между Россией и Францией. Наилучшим способом было признано предоставление России кредитов [12, с. 167; 13, с. 11–12; 14, с. 145–148; 15, с. 79–81].

Ж. Адам была знакома с И.С. Тургеневым и привлекла его к сотрудничеству с «*La Nouvelle Revue*»⁶. В январе 1882 года она побывала в Петербурге и Москве, чтобы «прозондировать почву» для улучшения русско-французских отношений. Приезд Ж. Адам даже в качестве частного лица имел значение, а программа пребывания была согласована с французским посольством. В Петербурге Ж. Адам сопровождал Э.-М. де Богюэ. Познакомившись с ней, он стал входить в ее парижский салон [12, с. 289–292, 300]. Мадам Адам произвела благоприятное впечатление в Петербурге, и ее визит описывался в газетах. Для нее устроили прием у редактора официозной «*Journal de St-Pétersbourg*» и организовали специальный концерт придворной певческой капеллы⁷.

Л.Д. Урусов побывал у Ж. Адам сразу после ее возвращении из поездки в Россию. По прибытии в Тулу Л.Д. Урусов отправил Ж. Адам письмо, в котором соглашался с ее взглядами на настоящее и будущее Франции. Он отмечал, что Франция находится накануне создания нового социального порядка без национальных различий, сбрасывает иго церкви и протягивает руку всем изгнанникам⁸. В 1880–1881 годах во Франции были принятые законы против деятельности Общества Иисуса и других монашеских орденов, и монахам приходилось эмигрировать или жить небольшими группами в домах миран. Ж. Адам поддерживала антикатолическую политику Третьей республики.

После знакомства с Ж. Адам у Л.Д. Урусова возникла мысль опубликовать перевод трудов Л.Н. Толстого в ее журнале. Л.Д. Урусов перевел на французский язык предисловие к «Краткому изложению Евангелия» Л.Н. Толстого и в марте 1883 года привез рукопись в Париж. Там он встречался с Э.-М. де Богюэ, с которым была знакома и его жена [12, с. 323; 16, с. 96, 158].

Л.Д. Урусов писал Л.Н. Толстому, что встретился с мадам Адам, передал ей рукопись и она готова, с согласия Л.Н. Толстого, опубликовать рукопись в своем журнале. Урусов выяснил, что Адам знакома с текстом «Исповеди» Толстого в переводе И.Ф. Циона, и у него сложилось впечатление, что Ж. Адам согласна напечатать «Исповедь» в «*La Nouvelle Revue*». Л.Д. Урусов встретился с И.Ф. Ционом и забрал у него перевод «Исповеди», чтобы передать Л.Н. Толстому для одобрения и авторизации⁹. И.Ф. Цион во второй половине 1870-х годов переехал из Петербурга в Париж и в 1880-е годы сотрудничал с мадам Адам. Во Франции он подписывался на французский манер – E. de Cyon [14, с. 123–128; 17].

По возвращении в Россию Л.Д. Урусов написал Ж. Адам, что обсудил перевод предисловия к «Краткому изложению Евангелия» с Л.Н. Толстым и он одобряет, в случае согласия мадам Адам, его публикацию. Л.Д. Урусов просил мадам Адам, чтобы она сама сообщила об этом Л.Н. Толстому, и отметил, что работает над исправлением перевода «Исповеди» и надеется скоро отправить мадам Адам авторизованный Л.Н. Толстым текст¹⁰. Толстой согласился на публикацию в «*La Nouvelle Revue*» и перевода «Исповеди»¹¹. Ж. Адам написала

⁶Тургенев И.С. Указ. соч. Письма в 13 т., т. 12, кн. 2: 1879–1880. С. 31–34, 123; Письма в 13 т., т. 13: 1880–1882. М.; Л., 1968. С. 59; Iv. Tourguenoff à J. Adam. 2 janvier 1883 // Harvard University Houghton Library. MS Russ. 11. Box 1.

⁷*Journal de St-Pétersbourg*. 1882. 6 janv. Р. 1; Харьков. губ. вед. 1882. 8 янв. С. 2; 10 янв. С. 3; 20 янв. С. 3; 24 янв. С. 3.

⁸L. Ouroussoff à J. Adam. 15/27 janvier 1882 // BNF. Fonds Juliette Adam. NAF 28140. Correspondance 18.

⁹Л.Д. Урусов Л.Н. Толстому. 7(19) апреля [1883] // ГМТ. Отд. рукописей. Ф. 1. № 193/28-13.

¹⁰L. Ouroussoff à J. Adam. [10–12/22–24 mai] 1883 // BNF. Fonds Juliette Adam. NAF 28140. Correspondance 18.

¹¹Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Терра, 1992. Т. 83. С. 375.

Л.Н. Толстому, что готова выслать текст предисловия к «Краткому изложению Евангелия», если он хочет его еще раз увидеть перед публикацией. О перспективах публикации «Исповеди» Адам написала вежливо, но осторожно, заметив, что, если данный текст в том же духе, что для нее перевел И.Ф. Цион, это требует взвешенного подхода¹². Фактически это был завуалированный отказ.

Статья И.Ф. Циона о Л.Н. Толстом под названием «Русский пессимист» вышла в июне 1883 года¹³. В ней впервые на французском языке появляется информация об «Исповеди» Л.Н. Толстого. И.Ф. Цион подчеркнул, что книга предназначалась для журнала «Русская мысль», но была запрещена цензурой. Он указывал на пессимизм Л.Н. Толстого и сравнивал его с А. Шопенгаузером. И.Ф. Цион опирался на рукописную копию русского текста¹⁴. На его статью появилась рецензия, в которой Л.Н. Толстой был назван талантливым иностранным писателем и был отмечен цензурный запрет «Исповеди»¹⁵.

В июле 1883 года в «La Nouvelle Revue» появился французский перевод предисловия к «Краткому изложению Евангелия» со вступительным словом Ж. Адам¹⁶. Это была первая публикация статей Л.Н. Толстого на иностранном языке. Л.Н. Толстой оценил статью И.Ф. Циона и французское издание предисловия к «Краткому изложению Евангелия» и рекомендовал их своим посетителям и корреспондентам¹⁷. Ж. Адам выслала Л.Д. Урусову номер «La Nouvelle Revue» со статьей Л.Н. Толстого. В ответном письме Л.Д. Урусов выражал недо-

вольство тоном статьи И.Ф. Циона о Толстом и спрашивал, получила ли Ж. Адам текст перевода «Исповеди», который был просмотрен и исправлен в Ясной Поляне. Л.Д. Урусов надеялся, что Ж. Адам напечатает его в своем журнале¹⁸.

К осени 1883 года стало ясно, что «Исповедь» Ж. Адам издавать не будет, о чем следивший за новостями из Ясной Поляны Н.Н. Страхов писал Н.Я. Данилевскому¹⁹. Ж. Адам общалась с И.С. Тургеневым и Э.-М. де Вогюэ и, возможно, пришла к выводу, что появление «Исповеди» в ее журнале не будет способствовать улучшению русско-французских отношений.

Выход в свет статьи Л.Н. Толстого с предисловием Ж. Адам сыграл ключевую роль в привлечении внимания к его личности и публицистике. В предисловии Л.Н. Толстой сравнивается с М. Лютером, Я. Гусом и Ж. Кальвином²⁰. Периодические издания начали создавать Л.Н. Толстому репутацию мыслителя. В одной из газет в списке мудрых мыслей были приведены изречения Ф. Вольтера, Д. Ди-дро, А. Тьера и Л.Н. Толстого²¹.

Благодаря предисловию Ж. Адам новость о том, что в России завелся собственный М. Лютер, Я. Гус и Ж. Кальвин, была замечена прессой. Корреспондент «Journal de Genève» в Париже написал большую статью с изложением публикации в «La Nouvelle Revue» под заголовком «Исповедь русского романиста». Он отметил, что опубликованный фрагмент – краткий и смутный. Тот, кто увлечен религиозными вопросами, не найдет в нем ничего но-

¹²J. Adam à Tolstoï, 1883 // ГМТ. Отд. рукописей. Ф. 1. № 204/18.

¹³La Nouvelle Revue. 1883. 1 juin. P. 619–657.

¹⁴Ibid. P. 620.

¹⁵La Revue bleue. 1883. 9 juin. P. 733.

¹⁶La Nouvelle Revue. 1883. 15 juil. P. 241–256.

¹⁷Русанов Г.А. Указ. соч. С. 65, 70; Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 63. С. 155; Т. 66. С. 332, 333.

¹⁸L. Ouroussoff à J. Adam. 30 juillet 1883 // BNF. Fonds Juliette Adam. NAF 28140. Correspondance 18.

¹⁹Рус. вестн. 1901. Февр. С. 468–469.

²⁰La Nouvelle Revue. 1883. 15 juil. P. 243.

²¹L'Illustration. 1883. 4 août. P. 75.

вого. Особый интерес у автора вызвало то, что Толстой порвал с Православной церковью и объявил ей войну²².

На статью в «Journal de Genève» обратил внимание известный в то время французский евангелист и историк церкви Э. де Прессанс – его подробное письмо появилось в английском унитарном еженедельнике. Он счел знамением времени, что такой антихристианский журнал, как «La Nouvelle Revue», напечатал статью Л.Н. Толстого. Письмо Э. де Прессанс предstawляет собой английский перевод значительной части текста из «Journal de Genève» с комментариями. Автор не был уверен, что взгляды Л.Н. Толстого соответствуют евангелизму, но считал их шагом в правильном направлении²³.

Так благодаря публикации в «La Nouvelle Revue» религиозными взглядами Л.Н. Толстого заинтересовались евангелисты. В ноябре 1883 года Л.Н. Толстой получил письмо от Ж. Сандоза²⁴ – евангелистского пастора и издателя в Париже и Женеве, одно время сотрудничавшего с протестантским издателем Ш. Фишбахером. Л.Д. Урусов упоминает Ж. Сандоза в письмах к Толстому из Парижа как возможного издателя французского перевода трактата «В чем моя вера?»²⁵. (Позднее, после публикации «Ma religion», Ж. Сандоз выразил восхищение этой книгой²⁶.)

Тем временем Л.Д. Урусов перевел на французский язык названный трактат и согласовал

текст перевода с Л.Н. Толстым. В апреле 1884 года Л.Д. Урусов привез рукопись в Париж и стал искать издателя. Он несколько раз встречался с Э.-М. де Богюэ, который к этому времени вышел в отставку с дипломатической службы, вернулся с семьей во Францию и занялся литературным трудом. Л.Д. Урусов застал де Богюэ за работой над очерком о Л.Н. Толстом для «Revue des Deux Mondes» и хотел, чтобы тот просмотрел текст перевода. По мнению де Богюэ, основанном на его знакомстве с романом «Война и мир», авторизованный Л.Н. Толстым перевод не нуждался в исправлениях. Э.-М. де Богюэ был в курсе подготовки нового издания перевода романа княгиней И.И. Паскевич в издательстве «Ашетт» и посоветовал издать перевод трактата «В чем моя вера?» после выхода в свет «Войны и мира» и статьи о Толстом самого Богюэ. Таким образом, по его словам, французское издание «В чем моя вера?» будет лучше расходиться²⁷.

Л.Д. Урусов ходил на лекции Э. Ренана, встречался с ним и читал Э. Ренану отрывки из рукописи Л.Н. Толстого²⁸, заходил в мастерскую скульптора М.М. Антокольского и читал ему трактат²⁹. Также Л.Д. Урусов был на собрании в парижском отделении Армии спасения³⁰.

В это время в Париже находились председатель Теософского общества полковник Г. Олкотт и Е.П. Блаватская в сопровождении секретаря Г. Олкотта Мохини. Л.Д. Урусов посещал со-

²²Journal de Genève. 1883. 5 août. P. 3.

²³The Christian World. 1883. Aug. 23. P. 562–563.

²⁴Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 83. С. 404.

²⁵Л.Д. Урусов Л.Н. Толстому. 6 мая 1884 // ГМТ. Отд. рукописей. Ф. 1. № 193/28-29. Л. 2 об.; 21 мая 1884 // Там же. № 193/28-35. Л. 2.

²⁶Jules Sandoz à Comte Tolstoi. 13 janvier 1885 // ГМТ. Отд. рукописей. Ф. 1. № 237/43(1). Л. 1 об.

²⁷Л.Д. Урусов Л.Н. Толстому. 22 апреля 1884 // ГМТ. Отд. рукописей. Ф. 1. № 193/28-26); 8 мая 1884 // Там же. № 193/28-32. Л. 1 об.; М.С. Урусова Л.Н. Толстому. 3 мая 1884 // Там же. № 193/40-1. Л. 1 об. – 2.

²⁸Ouroussow M. Op. cit. P. 29–30; Л.Д. Урусов Л.Н. Толстому. 6 мая 1884 // ГМТ. Отд. рукописей. Ф. 1. № 193/28-29; Ф. 1. № 193/28-30.

²⁹Л.Д. Урусов Л.Н. Толстому. 6 мая 1884 // ГМТ. Отд. рукописей. Ф. 1. № 193/28-29. Л. 2 об.; 5 июня 1884 // Там же. № 193/28-38. Л. 2 об.

³⁰Л.Д. Урусов Л.Н. Толстому. 12 июня 1884 // ГМТ. Отд. рукописей. Ф. 1. № 193/28-39. Л. 2 об.

брания Теософского общества, общался с Е.П. Блаватской, беседовал с Мохини на теософские темы и пересказывал идеи теософии в письмах к Л.Н. Толстому. Благодаря Урусову Толстой ознакомился с теософией, а теософы узнали о религиозно-философских взглядах Толстого³¹. Впоследствии это позволило теософам в редактируемом Е.П. Блаватской журнале объявить, что взгляды Л.Н. Толстого соответствуют принципам теософии³².

После безуспешных походов по издательствам Л.Д. Урусов договорился с издателем Ш. Фишбахером. Л.Д. Урусов писал Л.Н. Толстому, что Ш. Фишбахер сам начал разговор об этом, т. к. уже был знаком с религиозно-философскими идеями Л.Н. Толстого и вполне сочувствовал им. Ш. Фишбахер требовал полной оплаты издательских расходов Л.Н. Толстым и 40 % с продаж. Смета расходов составила 2100 франков при тираже в 1 тыс. экземпляров. Л.Н. Толстой на эти условия согласился. В июне была готова корректура. В вычитывании текста Л.Д. Урусову помогал один протестант³³. При обсуждении стоимости книги Л.Д. Урусов хотел поставить цену в 6 франков, исходя из того что тираж будет скоро целиком распродан в Париже. Знакомый с французской конъюнктурой лучше, Ш. Фишбахер объяснил Л.Д. Урусову, что книга Л.Н. Толстого не для широкого читателя, а немногочисленные интересующиеся религиозной тематикой люди могут заплатить и

больше, и предложил назначить цену не менее 7,5 франков³⁴. Ш. Фишбахер был прав: тираж в 1 тыс. экземпляров хватило на Францию, часть тиража была продана в Германию, Великобританию и США³⁵.

Согласие Ш. Фишбахера на издание перевода «В чем моя вера?» объяснялось тем, что он был протестантским издателем. Сам Ш. Фишбахер разделял идеи либерального протестантизма, но в своем издательстве печатал протестантских авторов всех направлений. Он был издателем Э. де Прессансе и выпускал протестантскую периодику, где тот печатался. Из разговора Ш. Фишбахера с Л.Д. Урусовым можно заключить, что он был знаком со статьей Л.Н. Толстого в «La Nouvelle Revue». На тот момент это была единственная французская публикация Л.Н. Толстого.

Письма Л.Н. Толстого к Л.Д. Урусову неизвестны, но имеются дневниковые записи Л.Н. Толстого, где он фиксировал этапы работы Л.Д. Урусова над переводом трактата «В чем моя вера?» и его публикацией³⁶. Этот перевод вышел под французским заглавием «Ma religion». В марте 1885 года М.С. Урусова переслала с ознакомкой экземпляр книги Л.Н. Толстому³⁷. «Ma religion» стала первым книжным изданием публицистики Л.Н. Толстого и была тут же переведена на английский³⁸. Книга была запрещена цензурным ведомством для ввоза в Россию и продажи на ее территории³⁹.

³¹Л.Д. Урусов Л.Н. Толстому. 28 мая 1884 // ГМТ. Отд. рукописей. Ф. 1. № 193/28-36; 2 июня 1884 // Там же. № 193/28-37; 12 июня 1884 // Там же. № 193/28-39. Л. 2 об.

³²Lucifer. 1888. Novemb. 15. P. 180.

³³Л.Д. Урусов Л.Н. Толстому. 21 мая 1884 // ГМТ. Отд. рукописей. Ф. 1. № 193/28-27. Л. 1 об. – 2 об.; 28 мая 1884 // Там же. № 193/28-36. Л. 2 об.; 2 июня 1884 // Там же. № 193/28-37. Л. 2 об.; 5 июня 1884 // Там же. № 193/28-38. Л. 1 об.; 12 июня 1884 // Там же. № 193/28-39; 26 июня 1884 // Там же. № 193/28-41.

³⁴Л.Д. Урусов Л.Н. Толстому. 12 июня 1884 // ГМТ. Отд. рукописей. Ф. 1. № 193/28-39. Л. 2 – 2 об.

³⁵В.Г. Чертков Л.Н. Толстому. 19 июня 1885 // ГМТ. Отд. рукописей. Ф. 1. № 118/89. Л. 4 об.

³⁶Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 49. С. 71, 85, 87, 89–90, 94, 98, 108, 110.

³⁷М.С. Урусова Л.Н. Толстому. 6 марта 1885 // ГМТ. Отд. рукописей. Ф. 1. № 193/40-3. Л. 2 об.

³⁸Tolstoi L. My Religion. Translated from the French. N. Y., 1885.

³⁹Каталог рассмотренных иностранной цензурою сочинений, запрещенных и дозволенных с исключениями с 1-го июля 1871 г. по 1-е января 1897 г. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1898. С. 275.

Для популяризации русской литературы во Франции много сделал Э.-М. де Богюэ [2, с. 21–22; 3, с. 10–11; 8, с. 46, 131–132; 18]. С 1877 по ноябрь 1882 года он был секретарем посольства Франции в Петербурге. Вскоре после приезда в Петербург де Богюэ женился на Александре Анненковой, которая была фрейлиной императрицы Марии Александровны. В соответствии с придворным этикетом свадьба Э.-М. де Богюэ состоялась в Зимнем дворце в присутствии императорской фамилии. Императрица стала крестной матерью сына де Богюэ [12, с. 80, 173]. Благодаря жене Э.-М. де Богюэ познакомился со многими представителями петербургского общества, выучил русский язык и получил представление о русской литературе.

Еще будучи секретарем посольства в Петербурге, Э.-М. де Богюэ начал сотрудничать с журналом *«Revue des Deux Mondes»*. Он был знаком с княгиней И.И. Паскевич. Когда она перевела на французский язык *«Войну и мир»*, де Богюэ опубликовал, по-видимому, первую рецензию на этот перевод, упомянув переводчицу из высшего света Петербурга, не называя ее имени. В 1884 году Э.-М. де Богюэ способствовал новому изданию перевода *«Войны и мира»* во Франции [12, с. 123, 137, 230–234]⁴⁰ и написал серию очерков о русских писателях, которые впоследствии составили отдельную книгу⁴¹.

Очерк Э.-М. де Богюэ о Л.Н. Толстом вышел в июле 1884 года, предварив публикацию перевода *«Войны и мира»*⁴². Большая часть очерка посвящена художественным произве-

дениям Л.Н. Толстого, перевод которых готовился к изданию во Франции. В конце статьи Богюэ кратко охарактеризовал религиозно-философские произведения Л.Н. Толстого – *«Исповедь»*, *«Ma religion»* и *«Комментарии к Евангелиям»*. Э.-М. де Богюэ пояснил, что, раз Л.Н. Толстой хочет, чтобы эти произведения были переведены на французский язык, критика имеет право их рассмотреть⁴³. Э.-М. де Богюэ располагал текстом *«Ma religion»* (с ним его познакомил Л.Д. Урусов). В *«Исповеди»* де Богюэ не нашел ничего нового по сравнению с идеями, содержащимися в *«Детстве»*, *«Отрочестве»*, *«Юности»* и *«Анне Карениной»*. Он заключил, что Л.Н. Толстой повторяет идеи, сформулированные еще средневековыми рационалистическими сектами, и называет секты, которые считаются религиозными предшественниками протестантов-нонконформистов.

Э.-М. де Богюэ не видел в религиозно-философских текстах Л.Н. Толстого ничего заслуживающего внимания. Он был католиком и в соответствии с семейной традицией получил образование в колледже монахов-доминиканцев⁴⁴. Отрицательное мнение о публицистике Л.Н. Толстого Э.-М. де Богюэ высказал и в беседах с Л.Д. Урусовым⁴⁵. Он отмечал во взглядах Л.Н. Толстого пантеизм и пессимизм, переходящие в нигилизм⁴⁶. Характеристика Э.-М. де Богюэ перекликается с точкой зрения И.С. Тургенева на *«Исповедь»* Толстого⁴⁷.

Статья де Богюэ о Толстом оказала значительное влияние на отзывы европейских

⁴⁰La Revue des Deux Mondes. 1879. 15 juin. P. 972–974; Mercure de France. 1928. 15 oct. P. 507.

⁴¹de Vogüé E.M. Le roman russe. Paris, 1886.

⁴²La Revue des Deux Mondes. 1884. 15 juil. P. 264–301.

⁴³Ibid. P. 296–301.

⁴⁴Le Meur L. L'adolescence et la jeunesse d'Eugène-Melchior de Vogüé. Paris, 1932. P. 16–28.

⁴⁵Л.Д. Урусов Л.Н. Толстому. 8 мая 1884 // ГМТ. Отд. рукописей. Ф. 1. № 193/28-32.

⁴⁶La Revue des Deux Mondes. 1884. 15 juil. P. 272.

⁴⁷Ист. вестн. 1911. Март. С. 861; Тургенев И.С. Указ. соч. Письма в 13 т., т. 13, кн. 2: 1882–1883. С. 37.

и американских критиков о произведениях Л.Н. Толстого.

В книге о русских писателях Э. Дюпюи изложил основные положения «Ma religion» и пояснил, что они представляют собой социалистическую и коммунистическую интерпретацию Евангелия и что Л.Н. Толстой объявил войну государственному строю в России⁴⁸. Рецензенты отмечали, что «Ma religion» – это проповедь нигилизма, а поведение Л.Н. Толстого вызвано если не позерством, то огромной гордостью⁴⁹. Высокая оценка Л.Н. Толстого-писателя сопровождалась негативными отзывами о его философской публицистике⁵⁰. Один из авторов подчеркнул, что религия Толстого напоминает скорее буддизм, чем христианство⁵¹.

Отзывы протестантов на «Ma religion» были двойственными. Положительный отклик напечатали швейцарские евангелисты⁵². Издаваемые Ш. Фишбахером журналы рекомендовали книгу к прочтению, делали акцент на позитиве, поясняя, что Л.Н. Толстой был нигилистом, но духовно преобразился под воздействием Нагорной проповеди⁵³. Один резидент сравнивал Л.Н. Толстого с апостолом Павлом и королем франков Хлодвигом и отмечал, что «Ma religion» – это прежде всего социальная доктрина. Л.Н. Толстой отрицает собственность, правосудие, защиту личности. Он – противник богатства. Вслед за саддукеями Л.Н. Толстой не верит в бессмертие души: это человек Востока и буддист, но лучше бы он оставался писателем⁵⁴.

Положительная оценка «Ma religion» появилась в статье о Л.Н. Толстом и французском переводе романа «Анна Каренина», опубликованной переводчицей мадам Винсен, писавшей под псевдонимом Арвед Барин. Винсен подчеркнула, что трактат запрещен в России, и сравнила Толстого с евангельским благоразумным разбойником⁵⁵. Ее статья была подробно пересказана обозревателем «Исторического вестника», причем журналист спроектировал представления о Л.Н. Толстом в России на Европу и заметил, что интерес к религиозным трактатам Л.Н. Толстого продиктован интересом к Л.Н. Толстому как писателю⁵⁶. Мадам Винсен была кальвинисткой и ранее уже публиковала благожелательную рецензию на итальянское издание книги беглого русского революционера С.М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия», в которой объясняла, что русские террористы борются за свободу и добры как дети⁵⁷.

В 1886 году в Москве Л.Н. Толстого посетил молодой на то время литератор Р. Шеффер, впоследствии описавший беседу с Л.Н. Толстым в протестантском журнале. При характеристике взглядов Л.Н. Толстого он ссылался на «Ma religion». В разговоре с Р. Шеффером Л.Н. Толстой одобрительно отзывался о Парижской коммуне, назвав ее прелюдией к будущей социальной революции⁵⁸.

Первые издания публицистики Л.Н. Толстого в Германии

Французский перевод предисловия к «Краткому изложению Евангелия» в «La Nouvelle

⁴⁸Dupuy E. Les grands maîtres de la littérature russe au XIXème siècle. Paris, 1885. P. 346, 359–360.

⁴⁹Le National. 1885. 18 mai. P. 2.

⁵⁰Revue Wagnérienne. 1885. Oct. P. 239–240; Le Temps. 1885. 13 juil. P. 3–4; Le Rappel. 1885. 3 sept. P. 1.

⁵¹La Revue Contemporaine. 1885. Janv. P. 146.

⁵²Le Chrétien évangélique. Lausanne. 1885. Avril. P. 192–193.

⁵³La vie chrétienne. 1885. Janv. P. 42–43.

⁵⁴Revue chrétienne. 1885. Févr. P. 137–138.

⁵⁵La Revue bleue. 1885. Vol. 10, № 23. 5 déc. P. 726–727.

⁵⁶Ист. вестн. 1886. Т. 23. Янв. С. 239.

⁵⁷La Revue bleue. 1883. Vol. 5, № 4. 27 janv. P. 114–119.

⁵⁸La Revue musicale. 1913. Vol. 9. Juil.-août. P. 15–16; Revue chrétienne. 1888. Sept. P. 665–666; Robert Scheffer à Comte Tolstoy. 18/30 juillet 1887 // ГМТ. Отд. рукописей. Ф. 1. № 237/37 (1).

Revue» с предисловием Ж. Адам был замечен в Германии.

В апреле 1884 года к Л.Н. Толстому обратился немецкий издатель К. Гайбель с предложением об издании перевода «В чем моя вера?» в Германии⁵⁹. К Толстому была прислана С.И. Бер, которая переводила русских писателей для издававшегося в Ревеле и Лейпциге К. Гайбелем журнала «Nordische Rundschau». Перевод Бер был авторизован Толстым⁶⁰. Книга вышла в свет в конце 1884 года.

В 1886 году в том же издательстве вышел перевод «Исповеди» и первых 15 глав «Так что же нам делать?». В предисловии Л.Н. Толстой был назван самым выдающимся человеком в России и указывались причины, поясняющие важность его социально-этических и религиозных произведений: Толстой – хорошо известный в России писатель, его религиозные книги запрещены церковной цензурой и распространяются в списках и копиях, благодаря им интеллигенция отворачивается от Церкви и ее служителей и обращается к идеям социализма и коммунизма⁶¹. Обе книги были запрещены цензурным ведомством для ввоза в Россию и продажи в ней⁶².

В Германии следили за литературными новостями из Франции. Немецкий перевод «В чем моя вера?» вышел одновременно с фран-

цузским, поэтому отзывы появлялись сразу на оба издания со ссылками на статью Э.-М. де Вогюэ о Л.Н. Толстом⁶³. Либеральный депутат рейхстага Т. Барт назвал Л.Н. Толстого христианским анархистом и нигилистом⁶⁴. Афоризмы Л.Н. Толстого стали включать в публикации с высказываниями других мыслителей современности⁶⁵.

Немецкие евангелисты подчеркивали, что Л.Н. Толстой разочаровался в обрядах и учении Православной церкви и обратился к Евангелию и Нагорной проповеди, хотя его толкование часто бывает странным⁶⁶. Краткий положительный отзыв о подходе Л.Н. Толстого к Новому Завету оставил А. Зайдль – последователь Шопенгауэра и Ницше⁶⁷.

В очерке о жизни и творчестве Л.Н. Толстого А. Шольц подчеркнул, что жена Л.Н. Толстого – немка по рождению, а имя Л.Н. Толстого стало известно в Германии благодаря переводу трактата «В чем моя вера?», который в России запрещен цензурой. По мнению А. Шольца, в отношении к христианству Л.Н. Толстой следует Д. Штраусу, Э. Ренану и Б. Бауэру⁶⁸. О том, что моральная философия Л.Н. Толстого – это скорее евангелизм, чем православие, писали и другие рецензенты⁶⁹.

Положительный отзыв о «*Ma religion*» опубликовал Т. Масарик – он сравнил Л.Н. Толстого с Иоанном Крестителем и чешскими

⁵⁹ В дневниковой записи Л.Н. Толстого упоминается получение письма «от какого-то немца “Dencker”» (*Tolstoi L.N.* Указ. соч. Т. 49. С. 85). Имеется в виду существующее по сей день издательство «Humblot & Duncker», владельцем которого в то время был Карл Гайбель.

⁶⁰ *Tolstoi L.N.* Указ. соч. Т. 49. С. 76, 85, 95, 113; Т. 85. С. 118; *Tolstoi L.* Worin besteht mein Glaube? Leipzig, 1885.

⁶¹ *Tolstoi L.* Bekenntnis. Was sollen wir denn thun? Leipzig, 1886. S. V–VIII.

⁶² Каталог рассмотренных иностранной цензурою сочинений, запрещенных и дозволенных с исключениями с 1-го июля 1871 г. по 1-е января 1897 г. С. 1094, 1096.

⁶³ Das Magazin für die Litteratur des In- und Auslandes. 1885. 8 Aug. S. 498–502; 15 Aug. S. 514.

⁶⁴ Die Nation. 1885. 24 Okt. S. 58.

⁶⁵ Über Land und Meer. 1885. 22 Novemb. S. 1039.

⁶⁶ Theologischer Jahresbericht. 1886. Bd. 5. S. 387–388; 1887. Bd. 6. S. 385.

⁶⁷ Bayreuther Blätter. 1886. März. S. 93–94.

⁶⁸ Westermanns Monatshefte. 1886. Juli. S. 498–511.

⁶⁹ Die Gegenwart. 1887. 9 Juli. S. 21–24.

протестантами XVIII века⁷⁰. Т. Масарик в то время был профессором философии в Пражском университете. Он приезжал в Россию в 1887–1888 годах, дважды посещал Л.Н. Толстого в Москве и провел несколько дней в Ясной Поляне в апреле 1887 года⁷¹. Интерес Т. Масарика к Л.Н. Толстому был вызван его религиозно-философскими взглядами. Он вырос в католической семье, но впоследствии, под влиянием своей американской жены, стал евангелистом. Позднее Т. Масарик определял свои взгляды как деизм [19, с. 94–97]. В воспоминаниях о встречах с Л.Н. Толстым Т. Масарик писал, что они бесседовали на религиозно-философские темы⁷².

Отзывы католиков об изданиях публицистики Л.Н. Толстого

Католические авторы следили за интеллектуальными и литературными новостями в своих странах. В католических журналах были разделы, посвященные новинкам литературы, где давалась их оценка с художественной и, при необходимости, религиозной точки зрения. В литературные обзоры включались отзывы на переводы произведений Л.Н. Толстого. Взгляды католиков на Л.Н. Толстого были созвучны статьям Э.-М. де Вогюэ.

Во Франции отклики на произведения Толстого появлялись в «*Revue du Monde Catholique*», литературное обозрение в котором вела писатель и переводчица Ж. Шаруа. Ж. Шаруа подписывалась псевдонимом *Jules de Rochay* и была известна во Франции как пропагандист романов немецкого писателя Карла Мея [20].

Ж. Шаруа опубликовала положительный отзыв на «*Le roman russe*» Э.-М. де Вогюэ и неоднократно воспроизводила его формулировки в рецензиях на переводы произведений Л.Н. Толстого⁷³. Ж. Шаруа высоко ставила Л.Н. Толстого-писателя и отмечала, что вся его «религия» сводится к абсолютному коммунизму или социализму и не представляет из себя ничего нового⁷⁴. Она подчеркивала влияние на Л.Н. Толстого Д. Штрауса и Э. Ренана⁷⁵ и указывала, что Л.Н. Толстой руководствуется только своей гордыней⁷⁶.

В Германии обзор художественных произведений Л.Н. Толстого с кратким изложением философских идей предпринял член Общества Иисуса А. Баумgartнер, который был знаком со статьей о Л.Н. Толстом Г.П. Данилевского и привел оттуда список книг в кабинете Л.Н. Толстого⁷⁷. А. Баумgartнер заключил, что Л.Н. Толстой черпает идеи у современных языческих религиозных философов, Ж. Руссо, квакеров и пietистов и, чтобы понять христианство, ему следует обратиться к учению католической церкви⁷⁸.

Заключение

Религиозно-философская публицистика Л.Н. Толстого начала 1880-х годов была предназначена для русского читателя. Распространение публицистики Л.Н. Толстого в Европе стало возможным во Франции благодаря инициативе Л.Д. Урусова, которая совпала со стремлением политических кругов Третьей республики к улучшению русско-французских отношений. Известия о конфликте Л.Н. Толстого с Православной церковью привлекли к нему

⁷⁰Athenaeum. 1885. 15 březen. S. 187.

⁷¹Silberstein I. L.N. Tolstoj und T.G. Masaryk // Slavische Rundschau. 1935. Jahrgang 7, № 3. S. 142–144; Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 84. С. 30–31.

⁷²Die Zeit. 1910. 24 Novemb. S. 1–2.

⁷³Revue du Monde Catholique. 1886. 1 août. P. 353.

⁷⁴Ibid. 1886. 1 novemb. P. 386–387; 1887. 1 mai. P. 392; 1887. 1 novemb. P. 386.

⁷⁵Ibid. 1888. 1 juil. P. 135.

⁷⁶Ibid. 1887. 1 sept. P. 603–605.

⁷⁷Ист. вестн. 1886. Март. С. 536.

⁷⁸Stimmen aus Maria-Laach. Katolische Blatter. 1889. Jan. S. 60–86.

внимание протестантов. Это стало причиной последующих переводов и изданий публицистики Л.Н. Толстого во Франции и Германии. В обеих странах интерес к переводам публицистики Л.Н. Толстого сформировался независимо от знакомства с его художественными произведениями и предшествовал их переводу и публикации. Периодические издания стали создавать Л.Н. Толстому репутацию мыслителя, что способствовало росту интереса к его творчеству.

Эклектичность, вторичность и противоречивость взглядов Л.Н. Толстого отмечались многими рецензентами. Либеральные протестанты и социалисты положительно оценива-

ли пропагандистский потенциал публицистики Л.Н. Толстого, поскольку находили в ней отрицание основ общественного, государственного и религиозного устройства Российской империи, а Л.Н. Толстой был у себя на родине самым известным писателем, к мнению которого прислушивались. Католики хорошо ориентировались в общественной обстановке своих стран и видели, какие силы стоят за публикациями статей Л.Н. Толстого. Их отношение к религиозно-философским взглядам Л.Н. Толстого было отрицательным.

Л.Н. Толстой понимал причины интереса к своим работам и учитывал это в публицистической и общественной деятельности в 1890-е годы.

Список литературы

1. *Boutchik V.* La littérature russe en France. Paris: Honoré Champion, 1947. 117 p.
2. *Hemmings F.W.J.* The Russian Novel in France, 1884–1914. London: Oxford Univ. Press, 1950. 250 p.
3. *Lindstrom T.* Tolstoi en France (1886–1910). Paris: In-t d'études slaves, 1952. 172 p.
4. *Edgerton W.B.* The Artist Turned Prophet: Leo Tolstoj After 1880 // American Contribution to the Sixth International Congress of Slavists. Vol. 2. Literary Contributions / ed. by W. Harkins. Berlin: De Gruyter Mouton, 1968. P. 61–86. <https://doi.org/10.1515/978311393919-004>
5. Мотылева Т.П. О мировом значении Л.Н. Толстого. М.: Сов. писатель, 1957. 726 с.
6. Прийма Ф. Начало мировой славы Л. Толстого // Рус. лит. 1960. № 4. С. 33–63.
7. Ломунов К.Н. Лев Толстой в современном мире. М.: Современник, 1975. 493 с.
8. Полонский В.В. Gallo-Rossica: Из истории русско-французских литературных связей конца XVIII – начала XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 416 с.
9. Кременецкий К.В. «Словесе мятежна». Восприятие современниками публицистики Л.Н. Толстого 1880-х годов // Христиан. чтение. 2024. № 2. С. 55–74. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2024_2_55
10. Муратов М.В. Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков по их дневникам и переписке. М.: Полиграфкнига, 1934. 502 с.
11. Толстой С.Л. Очерки былого. Тула: Приок. кн. изд-во, 1975. 472 с.
12. *de Vogüé F.* Journal du vicomte Eugène-Melchior de Vogüé: Paris, Saint-Pétersbourg, 1877–1883. Paris: Bernard Grasset, 1932. 345 p.
13. *Baylen J.O.* Mme. Juliette Adam, Gambetta, and the Idea of a Franco-Russian Alliance. Stillwater: Oklahoma State Univ., 1960. 23 p.
14. *Hogenhuis-Seliverstoff A.* Juliette Adam (1836–1936): L'instigatrice. Paris: L'Harmattan, 2002. 312 p.
15. *Allen J.S.* A Civil Society: The Public Space of Freemason Women in France, 1744–1944. Lincoln: Univ. Nebraska Press, 2022. 374 p. <https://doi.org/10.5250/9781496227782>
16. *Röhl M.* Le roman russe de Eugène-Melchior de Vogüé: Etude préliminaire. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1976. 203 p.
17. *Ноздрачев А.Д., Марьянович А.Т.* Илья Цион и Иван Павлов: учитель и ученик // Вестн. РАН. 1999. Т. 69, № 9. С. 813–823.
18. *Трыков В.П.* Лев Николаевич Толстой в книге Эжена-Мельхиора де Богюэ «Русский роман» // Рема. 2019. № 2. С. 19–27. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2019-2-19-27>
19. *Skilling H.G. T.G. Masaryk: Against the Current, 1882–1914.* Univ. Park: Pennsylvania State Univ. Press, 1994. 248 p.

20. Lévéque M. “Nous voulions trouver un Jules Verne plus franchement chrétien”: Juliette Charoy (1840–1898), première traductrice de Karl May // *Strenæ*. 2015. Vol. 9. <https://doi.org/10.4000/strenae.1433>

References

1. Bouthchik V. *La littérature russe en France*. Paris, 1947. 117 p.
2. Hemmings F.W.J. *The Russian Novel in France, 1884–1914*. London, 1950. 250 p.
3. Lindstrom T. *Tolstoi en France (1886–1910)*. Paris, 1952. 172 p.
4. Edgerton W.B. The Artist Turned Prophet: Leo Tolstoy After 1880. Harkins W. (ed.). *American Contribution to the Sixth International Congress of Slavists, 1968, August 7–13, Vol. 2: Literary Contributions*. Berlin, 1968, pp. 61–86. <https://doi.org/10.1515/978311393919-004>
5. Motyleva T.L. *O mirovom znachenii L.N. Tolstogo* [On the Global Significance of Leo Tolstoy]. Moscow, 1957. 726 p.
6. Priyma F. Nachalo mirovoy slavy L. Tolstogo [The Beginning of Leo Tolstoy's Global Fame]. *Russkaya literatura*, 1960, no. 4, pp. 33–63.
7. Lomunov K.N. *Lev Tolstoy v sovremennom mire* [Leo Tolstoy in the Modern World]. Moscow, 1975. 493 p.
8. Polonskiy V.V. *Gallo-Rossica: Iz istorii russko-frantsuzskikh literaturnykh svyazey kontsa XVIII – nachala XX veka* [Gallo-Rossica: From the History of Russian-French Literary Ties in the Late 18th – Early 20th Centuries]. Moscow, 2019. 416 p.
9. Kremenetski K.V. “Verbo aspero”. Contemporaries' Perception of Leo Tolstoy's Non-Fiction of the 1880s. *Khristianskoe chtenie*, 2024, no. 2, pp. 55–74 (in Russ.). https://doi.org/10.47132/1814-5574_2024_2_55
10. Muratov M.V. *L.N. Tolstoy i V.G. Chertkov po ikh dnevnikam i perepiske* [Leo Tolstoy and V.G. Chertkov According to Their Diaries and Correspondence]. Moscow, 1934. 502 p.
11. Tolstoy S.L. *Ocherki bylogo* [Essays on the Past]. Tula, 1975. 472 p.
12. de Vogüé F. *Journal du vicomte Eugène-Melchior de Vogüé: Paris, Saint-Pétersbourg, 1877–1883*. Paris, 1932. 345 p.
13. Baylen J.O. *Mme. Juliette Adam, Gambetta, and the Idea of a Franco-Russian Alliance*. Stillwater, 1960. 23 p.
14. Hogenhuis-Seliverstoff A. *Juliette Adam (1836–1936): L'instigatrice*. Paris, 2002. 312 p.
15. Allen J.S. *A Civil Society: The Public Space of Freemason Women in France, 1744–1944*. Lincoln, 2022. 374 p. <https://doi.org/10.5250/9781496227782>
16. Röhl M. *Le roman russe de Eugène-Melchior de Vogüé: Etude préliminaire*. Stockholm, 1976. 203 p.
17. Nozdrachev A.D., Mar'yanovich A.T. Il'ya Tsion i Ivan Pavlov: uchitel' i uchenik [Elias von Cyon and Ivan Pavlov: Teacher and Student]. *Vestnik RAN*, 1999, vol. 69, no. 9, pp. 813–823.
18. Trykov V. Lev Nikolaevich Tolstoy in the Book “Russian Novel” by E.-M. de Vogüé. *Rhema*, 2019, no. 2, pp. 19–27 (in Russ.). <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2019-2-19-27>
19. Skilling H.G. *T.G. Masaryk: Against the Current, 1882–1914*. University Park, 1994. 248 p.
20. Lévéque M. “Nous voulions trouver un Jules Verne plus franchement chrétien”: Juliette Charoy (1840–1898), première traductrice de Karl May. *Strenæ*, 2015, vol. 9. <https://doi.org/10.4000/strenae.1433>

Информация об авторе

К.В. Кременецкий – кандидат географических наук, преподаватель Нью-Йоркской киноакадемии, отделения в Лос-Анджелесе (адрес: 3300, Риверсайд Драйв, Бербанк, Калифорния, 91505, США).

Information about the author

Konstantin V. Kremenetski, Cand. Sci. (Geogr.), Teacher at New York Film Academy, Los Angeles Campus (address: 3300 Riverside Drive, Burbank, California, 91505, USA).

Поступила в редакцию 25.12.2024
Одобрена после рецензирования 16.06.2025
Принята к публикации 18.06.2025

Submitted 25 December 2024
Approved after reviewing 16 June 2025
Accepted for publication 18 June 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 4. С. 43–56.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 43–56.

Обзорная статья
УДК 94(519)
DOI: 10.37482/2687-1505-V445

КНДР издалека и вблизи: страницы истории и современность

Владислав Иванович Голдин

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: v.i.goldin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

Аннотация. Статья посвящена проблемам истории и современности Корейской Народно-Демократической Республики. Отмечены причины растущей актуальности этих вопросов. Характеризуется историография, главным образом современные издания книжного формата, опубликованные в России и за ее пределами, об историческом прошлом и особенно – о новейшей истории и современности Корейской Народно-Демократической Республики, с указанием на их сильные и слабые стороны. Автор приводит данные, полученные в ходе поездки по Северной Корее весной 2025 года, делится впечатлениями, вынесенными из этого путешествия, акцентируя внимание прежде всего на позитивных моментах. В статьедается краткий экскурс в древнюю историю Кореи, характеризуется государственная политика властей Северной Кореи в области истории и исторической памяти. При рассмотрении новейшей истории и современности исследуемой страны особое внимание уделяется северокорейским вождям, формированию культа личности руководителей. Анализ важнейших событий XX века этого государства дается в тесной взаимосвязи с современными историческими памятниками столицы Северной Кореи – Пхеньяна, раскрываются их отличительные черты и предназначение. В работе перечислены основные особенности северокорейской столицы, предложен обзор ее достопримечательностей. Представлено авторское видение современного положения Корейской Народно-Демократической Республики, результатов реформ последних лет. Оцениваются уровень образования, науки, экономики, обороноспособности этого государства, текущее состояние и перспективы отношений между Корейской Народно-Демократической Республикой и Россией. Характеризуется вклад воинов Северной Кореи в освобождение оккупированной части Курской области России.

Ключевые слова: история и современность КНДР, Северная Корея, северокорейские вожди, культ личности в КНДР, исторические памятники Пхеньяна, российско-северокорейские отношения

Для цитирования: Голдин, В. И. КНДР издалека и вблизи: страницы истории и современность / В. И. Голдин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 43-56. – DOI 10.37482/2687-1505-V445.

Review article

North Korea from Far and Near: Pages of History and Modernity

Vladislav I. Goldin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,
e-mail: v.i.goldin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

Abstract. The article dwells on the problems of history and modernity of the Democratic People's Republic of Korea (DPRK). The author points out the reasons behind the growing relevance of these topics. The paper focuses on the historiography, mainly books published in Russia and abroad, of the country's past and, particularly, contemporary history and current situation, indicating their strengths and weaknesses. The author shares knowledge and impressions gained during his trip to North Korea in the spring of 2025, focusing primarily on the positive aspects. The article provides a brief overview of the ancient history of Korea and describes the state policy of the DPRK on history and historical memory. When considering the country's contemporary history, special attention is given to North Korean leaders and the formation of their cult of personality. The most important events of the 20th century are analysed in close connection with the modern historical monuments in the capital of North Korea, Pyongyang; the monuments' features and purpose are described. Further, the article provides an outline of Pyongyang and an overview of its attractions. The author presents his view on the situation in the DPRK and the results of the reforms of recent years, as well as on the country's level of education, science, economy and defence capabilities. The current state of and prospects for Russia–North Korea relations are evaluated. In addition, the paper points out the contribution of the North Korean soldiers to the liberation of the occupied part of the Kursk Region of Russia.

Keywords: history and modernity of the DPRK, North Korea, North Korean leaders, cult of personality in DPRK, historical monuments in Pyongyang, Russia–North Korea relations

For citation: Goldin V.I. North Korea from Far and Near: Pages of History and Modernity. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 43–56.
DOI: 10.37482/2687-1505-V445

Северокорейская проблематика в последние годы в силу ряда причин (растущая напряженность в этом регионе планеты; перестройка жизни Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) в период нахождения у власти Ким Чен Ына; динамическое развитие отношений КНДР и России и др.) вызывает значительный интерес в нашей стране и мире. В настоящей статье раскрываются некоторые вехи истории и современность КНДР, стереотипы восприятия и реалии этой страны, страницы российско-северокорейских отношений. Автор делится впечатлениями от посещения КНДР.

При подготовке статьи использованы обширная отечественная и зарубежная литература и различные источники по теме. Исследование основывается на принципах историзма, объективности, научности и системности. Автор представляет свое восприятие КНДР, опираясь на знания, полученные в ходе поездки.

Многие годы КНДР считалась закрытой страной, и анализ происходивших здесь процессов вызывал большие трудности в силу дефицита надежной информации. В последние десятилетия ситуация существенно изменилась в лучшую сторону, что воплоти-

лось в значительное число изданий о разных сторонах жизни КНДР. Из авторов, публикующихся на русском языке, ведущим экспертом по КНДР выступает кандидат исторических наук, историк и политолог-востоковед, кореевед А.Н. Ланьков, последнюю четверть века живущий в Сеуле и работающий в Университете Кукмин. Его перу принадлежит около 20 книг о Корее и КНДР, изданных на русском, английском и корейском языках. Отметим лишь труды, опубликованные на русском языке в последние годы [1–3]. Ланькова отличают профессионализм и знание проблематики, но нельзя не обратить внимание на его стремление подчеркнуть слаборазвитость КНДР на фоне достижений Южной Кореи и идеализации последней.

Более объективно КНДР представлена в книгах ведущего научного сотрудника Института Дальнего Востока Российской академии наук К.В. Асмолова [4], в одной из которых дан анализ политических культур двух корейских государств [5], а также журналиста-международника О.В. Кирьянова [6]. Оба автора – кандидаты исторических наук. Представляет интерес и книга о Северной Корее другого журналиста-международника И.С. Захарченко [7].

Стоит упомянуть ряд переводных изданий о повседневности, социально-политических проблемах КНДР и ее лидерах, выполненных в традиционном для западных авторов духе негативного описания этой страны, но вместе с тем содержащих немало интересных фактов [8–10]; книги российских и корейских авторов об истории Кореи и отношениях данной страны с Россией в историческом прошлом [11, 12]. Существует широкий круг англоязычных книг о проблемах политической истории и современности КНДР. Некоторые узловые проблемы ее новейшей истории, олицетворявшие и глубокие кризисы международных отношений, как, например, корейская война, имеют обширную историографию, тем более что фактическая незавершенность войны тесно связывает ее с современностью. Значительная библиография существует по теме межкорейских отношений и

ракетно-ядерной проблематике КНДР, которая не будет специально рассматриваться в данной статье.

Автор этих строк уже более полувека занимается историей и современностью международных отношений и страноведением, и за его плечами давно осталось более 100 стран мира. КНДР, в силу закрытости и приверженности особому пути развития, всегда вызывала много вопросов и стремление побывать в ней, что стало возможным в ходе туристической поездки весной 2025 года. В настоящей статье предпринята попытка сопоставить представления об этой стране, формировавшиеся на основе знакомства с литературой и доступными источниками, с увиденным здесь, акцентируя внимание прежде всего на наиболее интересных и позитивных аспектах.

Полтора часа лета разделяют Владивосток и Пхеньян – расстояние между городами успешно преодолевает самолет компании «Air Koguo». По прибытии часы надо перевести на час назад. Полностью реконструированный в 2015 году аэропорт столицы КНДР производит хорошее впечатление. Перед прохождением таможни и паспортного контроля необходимо заполнить 4 документа: традиционную анкету; данные о состоянии здоровья; справку, что в багаже нет ничего запрещенного к ввозу (указывается размер штрафов при обнаружении подобного); декларацию ввозимых ценных вещей, в т. ч. всей техники.

Расстояние от аэропорта до столицы КНДР составляет 24 км. Уже в ходе этой поездки получаешь не только первые впечатления о стране прибытия, глядя по сторонам, но и слушаешь обзорную информацию гида о ее расположении, населении, государственности, которая насчитывает, как утверждается, более 5 тыс. лет, границах и др. Объясняется, что северокорейцы любят своих руководителей и не допускают недозволенных и критических реплик в их адрес. Фотографировать портреты и мозаичные панно вождей разрешается только целиком и, как выяснилось позднее, далеко не все и не всегда. Скульптуры двух уже ушедших из жиз-

ни лидеров – Ким Ир Сена и Ким Чен Ира – требуется фотографировать так, чтобы ничего не мешало их корректному восприятию на фотографиях. Запрещается делать fotosнимки людей в форме, как военнослужащих, так и гражданских сотрудников, а также рядовых тружеников во время рабочего процесса и т. п.

Касаясь исторического прошлого этой страны и государственной политики в области истории и исторической памяти, нужно отметить, что КНДР – молодое по меркам истории государство. Оно было образовано 9 сентября 1948 года вслед за созданием Республики Кореи в южной части Корейского полуострова. Официальная политика властей КНДР направлена на удревление исторических корней корейской государственности. В ходе поездки по КНДР удалось посетить гробницу с саркофагом короля Тангуна, основателя Древнего Чосона – первого, как нередко утверждается, корейского государства. Согласно существующей литературе, в 1993 году северокорейские археологи обнаружили под Пхеньяном «могилу Тангуна», которая на следующий год была открыта для посетителей, а в дальнейшем здесь был создан мемориальный комплекс.

Площадь мемориала охватывает территорию в 45 га, а сам он включает несколько объектов. Погребальный комплекс считается важным объектом культурного наследия КНДР. Перед путешественниками предстает стела, установленная в честь реконструкции гробницы, а за ней следует широкая, восходящая лестница с расположенными по краям скульптурами. Сама гробница белого цвета. Она насчитывает 9 ступеней и составляет 22 м в высоту. Внутри расположены саркофаг, погребальная камера с останками, как считается, короля Тангуна и его супруги.

Согласно древним корейским мифам, Древний Чосон был основан Тангуном, внуком Владелина Неба Хванина, в 2333 году до н. э., а столицу он учредил в крепости Пхеньян. В КНДР 3 октября отмечается государственный праздник – «День, когда открылось небо», ибо считается, что в этот день Тангун в указанном выше году основал первое корейское государство.

Но, как отмечается в одном из современных исследований по истории Кореи, корректнее говорить не о «первом корейском государстве», а о «первом государстве на Корейском полуострове», ибо нет достоверных данных, что Древний Чосон был именно корейским государством. Его частичное расположение на Корейском полуострове не делает автоматически Чосон корейским [11]. По мнению ряда историков, если отстраниться от мифа, то образование Чосона состоялось примерно в середине I тысячелетия до н. э., о чем свидетельствуют скучные данные, содержащиеся в китайских исторических хрониках, и археологические находки.

Вместе с тем официальная северокорейская историография, по утверждению А.Н. Ланькова, сочла необходимым даже удревнить дату основания Чосона, и теперь считается, что это государство возникло около 3000 года до н. э., т. е. более 5 тыс. лет назад, как и утверждала гид. По мнению названного автора, официальный северокорейский исторический нарратив призван подчеркнуть исключительную древность и автохтонность корейской культуры, отрицая или замалчивая и преуменьшая иностранные влияния. При этом отмечается особая роль территорий, где находится сегодня КНДР, особенно Пхеньян. А.Н. Ланьков ссылается на утверждения северокорейских историографов о том, что долина р. Тэдонган, на которой стоит Пхеньян, объявлена одним из 5 центров мировой цивилизации наряду с Древним Египтом, Месопотамией, Древней Индией и Древним Китаем [1, с. 93–100]. Так или иначе, политизация даже древней истории является характерной чертой северокорейской историографии.

В ходе путешествия по КНДР удалось посетить и историко-культурный памятник эпохи Средневековья – буддистский храм Бохён, построенный в начале XI века. Здесь можно увидеть множество интересных исторических и культурных артефактов, включая древние статуи Будды, резные деревянные скульптуры, старинные фрески и др.

Двигаясь от древней и средневековой к новейшей истории КНДР, следует отметить, что

в ней особое место занимает триада северокорейских вождей, начиная с Ким Ир Сена, основателя и бессменного лидера страны с 1948 по 1994 год. У него было множество титулов, главным из которых являлся «Великий Вождь», а наряду с этим – «Вождь-отец», «Непобедимый полководец», «Солнце нации» и даже «Солнце человечества» и др. Генералиссимус, президент КНДР и генеральный секретарь Центрального комитета Трудовой партии Кореи (ЦК ТПК), трижды Герой КНДР и Герой Труда КНДР Ким Ир Сен стал основателем официальной государственной идеологии Чучхе – особого северокорейского исторического пути к социализму, и с его именем связываются все трудовые и боевые свершения этой страны. Его собрание сочинений издано в Пхеньяне на русском языке в 50 томах, а мемуары «В водовороте века» – в 8 томах. После смерти за Ким Ир Сеном был навечно зарезервирован пост президента, а главным национальным праздником страны считается его день рождения, 15 апреля, именуемый Днем Солнца. Высшей государственной наградой страны является орден Ким Ир Сена.

Его преемником стал сын – Ким Чен Ир, при рождении в СССР, по утверждению ряда авторов, – Юрий Ирсенович Ким, хотя, согласно официальной северокорейской историографии, он появился на свет не в с. Вятском Хабаровского края, а в хижине тайного партизанского лагеря, возле самой высокой и почитаемой горы КНДР – Пэктусан. Ким Чен Ир руководил страной с 1994 по 2011 год в качестве председателя Государственного комитета обороны, являясь руководителем и ЦК ТПК; за ним закрепились титулы «Полководец», «Великий руководитель» и др. Находясь у власти 17 лет, которые пришлись на трудный для КНДР период после распада социалистической системы, прекращения советской помощи, время стихийных бедствий, что обернулось и Великим голодом, он, несмотря ни на что, превратил страну в державу с ракетно-ядерным оружием, начал первые рыночные реформы. Маршал и четырежды Герой КНДР Ким Чен Ир был посмертно удостоен звания генералиссимуса в

2012 году и провозглашен «вечным председателем Государственного комитета обороны». День его рождения, 16 февраля, объявлен государственным праздником в КНДР под названием «День сияющей звезды».

КНДР является бесспорным мировым лидером с точки зрения прославления своих вождей при жизни и после смерти, их культ носил и носит систематический и организованный характер. В этой стране существует несколько тысяч «obeliskов вечной жизни» с надписью «Великие товарищи Ким Ир Сен и Ким Чен Ир пребывают с нами вечно», где проводятся регулярные ритуалы. Их памятники и портреты буквально повсюду в городах и деревнях. Их тела забальзамированы, а местом упокоения является Дворец Солнца Кымуссан в Пхеньяне, куда организовано регулируемое паломничество. Значки с изображением портретов Ким Ир Сена и Ким Чен Ира северокорейцы считают почетным носить на груди.

Преемником Ким Чен Ира в качестве главы государства стал его второй сын Ким Чен Ын, который управляет страной в качестве председателя Государственного совета. Он является также руководителем ЦК ТПК, верховным главнокомандующим, получив в 2022 году, как его отец и дед, звание генералиссимуса. Как личность этого молодого политика, неожиданно появившегося на авансцене КНДР, так и начатые им реформы, именовавшиеся политикой «трансформации», а за рубежом – «северокорейской перестройкой», вызвали большой интерес исследователей [1, с. 170–175; 10]. Пребывание Ким Чен Ына у власти стало временем больших, хотя и противоречивых перемен.

В основу северокорейских реформ был положен опыт Китайской Народной Республики (КНР). Они касались главным образом сферы социально-экономических отношений: перевод сельского хозяйства, сельхозкооперативов на «звеневой» (фактически семейный) подряд; перевод госпредприятий на хозрасчет и расширение их самостоятельности; более лояльное отношение государства к частному бизнесу, приватизация, особенно в розничной торговле,

общественном питании, сфере услуг; создание сети специальных экономических зон с целью привлечения иностранных инвестиций; частичное открытие страны для внешнего мира; расширение импорта современной техники и продовольствия, особенно из КНР; обновление социальной инфраструктуры и др.

В результате реформ удалось покончить с голодом, добиться продовольственного самообеспечения страны, решить проблему товарного дефицита, поднять уровень жизни граждан, хотя и усилилось социальное расслоение общества. В повседневную жизнь северокорейцев стала входить современная техника, в частности электроника и компьютеры.

Но руководство КНДР не пошло на политические реформы, зная, к чему это приводило в других социалистических странах, например в СССР. Власти осуществляют контроль над настроениями и поведением общества и отдельных граждан, информацией, в т. ч. ее электронными носителями, что, в свою очередь, во многом определяет лояльное отношение общества к власти.

В 2016–2017 годах, после превращения КНДР в космическую державу, испытаний водородной бомбы и баллистических ракет, способных достичь территории США, Совет Безопасности ООН принял новый жесткий пакет санкций против КНДР. Впрочем, КНДР привыкла жить в условиях санкций десятилетиями, опираясь в развитии на собственные силы.

На протяжении многих десятилетий лозунг объединения Севера и Юга являлся основой северокорейской официальной идеологии. В 2018 году на межкорейском саммите на высшем уровне была подписана совместная декларация и, казалось, наметилась перспектива примирения и объединения двух корейских государств. Но это не стало реальностью. В начале 2024 года из текста Конституции КНДР было исключено упоминание об объединении страны как стратегической цели и закреплено определение Республики Кореи как «главного и неизменного врага» КНДР. В январе того же года была взорвана Арка Воссоединения в Пхе-

ньяне с изображением двух девушек в традиционной корейской одежде, протягивавших друг другу руки. Стоит заметить, что под этой аркой проходило шоссе из центра Пхеньяна к южной границе. Кроме того, были ликвидированы организации, отвечавшие за поддержание связей с Южной Кореей.

Так окончательно рухнула мечта двух народов на воссоединение. Северокорейцы, идеализируя своих вождей, вероятно, считают их действия правомерными, хотя, может быть, и сожалеют о том, что объединение не состоялось. Впрочем, за три четверти века два корейских государства и их народы прошли очень разный путь, сформировали слишком разные политические культуры и традиции [5], чтобы воссоединиться.

Первой остановкой после прибытия автора этих строк в Пхеньян стал книжный магазин, расположенный по соседству с площадью Ким Ир Сена. Здесь представлена многочисленная литература на русском языке о великих вождях корейского народа Ким Ир Сене и Ким Чен Ире, которую было интересно полистать, а также различные сувениры – флаги, значки, магнитики, футбольки, спортивные костюмы, препараты для поддержания здоровья и др.

Площадь имени Ким Ир Сена считается одной из достопримечательностей северокорейской столицы и является одной из 30 самых больших площадей мира. Здесь в июне 2024 года состоялась церемония официальной встречи Ким Чен Ына и президента России В.В. Путина в присутствии, как сообщалось, более 100 тыс. северокорейцев. Тут проводятся парады Корейской народной армии, демонстрации, массовые танцевальные и гимнастические упражнения в дни государственных праздников.

Несколько дней пребывания в Пхеньяне оставили хорошее впечатление о столице КНДР. Это город с большой историей, но дата его основания является предметом дискуссий, от легендарного 2333 года до н. э. и до начала нашей эры. В прошлом город сменил много названий, а современное в переводе с корейского означает «приморская равнина», ибо он находится не-

подалеку от Желтого моря. Это красивый современный город, расположенный по берегам двух рек – Тэдонган (Тэдон) и Потхонган. Практически полностью разрушенный американскими бомбардировками в годы корейской войны, он, с населением в миллион человек, по генеральному плану 1953 года должен был располагаться между названными реками. Но сегодня Пхеньян далеко вышел за эти пределы.

Согласно современным данным, численность населения Пхеньяна составляет более 4 млн чел. Тем не менее, расположенный на большой площади, он не похож на столицы других азиатских стран, часто напоминающих собой муравейники. На протяжении последних 10 с лишним лет Пхеньян переживает строительный бум, и здесь много красивых зданий, а новые районы и улицы нередко вводятся в эксплуатацию при личном участии Ким Чен Ына, о чем свидетельствуют материалы журнала «Корея» и газеты «The Pyongyang Times». Следует подчеркнуть, что жилье выдается бесплатно, и это, в сравнении с современной Россией, является огромным социальным достижением.

Пхеньян с его широкими магистралями и относительно небольшим количеством транспорта, прежде всего частного, не страдает от пробок и смога, характерного для многих столиц стран мира. Основной общественный транспорт – троллейбусы и трамваи, сегодня преимущественно северокорейского производства, – справляется с перевозкой населения. В часы пик корейцы выстраиваются в довольно длинные очереди в его ожидании, но ведут себя дисциплинированно, не создавая давки при посадке. Жители столицы выглядят вполне современно.

Пхеньян поражает чистотой своих улиц, зданий, общественного пространства, хотя здесь, как и в других северокорейских городах, нет штатных дворников, и это заслуга «народных групп» *инминбан*. Их деятельность, возглавляемая обычно женщинами-домохозяйками, по соблюдению чистоты и порядка составляет важную часть повседневной жизни северокорейцев, что описывается в литературе [1, с. 237–243].

Знакомство с Пхеньяном предполагало осмотр его главных достопримечательностей. И глубоко символично, что одним из первых стало посещение расположенного в центральном парке, на холме Моранбон Монумента Освобождения – памятника советским воинам, павшим в августе 1945 года при освобождении Кореи от японских оккупантов.

Необходимо напомнить, что экспансия Японии, развернувшаяся в Азии в конце XIX – начале XX века после ее побед в войнах с Китаем и Россией, привела к тому, что 17 ноября 1905 года между Японией и Кореей был подписан договор, превращавший Корею в протекторат Японии. В августе 1910 года, в соответствии с новым японо-корейским договором, страна превратилась в японскую колонию. На протяжении нескольких десятилетий японцы стремились ассимилировать корейцев, уничтожая их культуру и языки.

Освобождение принесла Красная армия. По договоренности с союзниками по антигитлеровской коалиции, СССР объявил 8 августа 1945 года войну Японии, и на следующий день начались боевые действия в Маньчжурии против Квантунской армии. В Корее их вела 25-я армия 1-го Дальневосточного фронта под командованием генерала И.М. Чистякова с высадкой морских десантов на побережье Японского моря. Япония 15 августа капитулировала, но советские войска продолжали боевые действия в Корее и после этого. Организованное сопротивление прекратилось 18 августа, но отдельные японские части не останавливали его до последних дней войны. Преодолевая очаги сопротивления и высаживая воздушные десанты, 24 августа 25-я армия освободила Пхеньян, ставший столицей Северной Кореи, а в 1948 году – столицей КНДР. За время боев в Северной Корее потери этой армии составили более 4,7 тыс. чел., в т. ч. около 1,5 тыс. убитыми. Потери понесли также части и соединения морской пехоты, летный состав и экипажи кораблей Тихоокеанского флота.

Монумент Освобождения был воздвигнут к годовщине капитуляции Японии – 15 августа 1946 года. Этот 30-метровый памятник вен-

чает пятиконечная звезда. Еще в 1950-е годы Ким Ир Сен признавал вклад советских войск в освобождение Северной Кореи, но в дальнейшем в историографии КНДР стало утверждаться, что страна была освобождена корейскими партизанами во главе с «Великим Вождем» [13, с. 50–52]. Поэтому вспомнить о реалиях тех дней и возложить цветы к памятнику, изначально символизирующему советских воинов-освободителей Северной Кореи, было высокой миссией. Важно заметить, что КНДР празднует 15 августа День освобождения Родины.

Неподалеку, на холме Мансудэ, где раньше находилась Пхеньянская крепость, располагается архитектурно-скульптурный ансамбль Мансудэ, или так называемый Большой монумент. К 60-летию Ким Ир Сена, в 1972 году, здесь была воздвигнута его 70-метровая статуя. Северокорейский вождь указывал рукой на юг, в сторону Сеула, что должно было знаменовать светлое будущее корейского народа и его неизбежное объединение. Как сообщают источники, в 2012 году этот монумент был подвергнут капитальной перестройке. Статуя Ким Ир Сена была «переодета» из френча и военной шинели в костюм с галстуком и пальто. Выражение лица вождя КНДР со спокойного было изменено на улыбающееся, и на лице появились очки. Эта реконструкция олицетворяла уже постаревшего Ким Ир Сена, занимавшегося мирным строительством и обновлением страны. По левую руку от Ким Ир Сена находится статуя его сына Ким Чен Ира. Она поменьше размерами, что говорит не о меньшей его значимости для истории КНДР, а лишь о том, что он был меньше ростом. Этот капитально реконструированный ансамбль был торжественно открыт 13 апреля 2012 года, накануне дня рождения Ким Ир Сена.

Подъем к архитектурно-скульптурному ансамблю Мансудэ предваряет инструкция гида. Необходимо подняться на площадку перед памятником, выстроиться в шеренгу и затем следовать друг за другом вверх по ступеням. После возложения цветов к монументу надлежит дружно поклониться этим северокорейским

вождям. Фотографироваться на фоне мемориала необходимо в строгой позе, прижав руки к бокам.

Примечательно, что внизу, вблизи этого комплекса, находилось много людей, в т. ч. участники свадебных процессий, в праздничных одеждах, которые пришли, чтобы возложить цветы к монументу вождей. Это является обязательным церемониалом свадеб, благословением молодых супругов на счастливую жизнь.

За бронзовыми фигурами Ким Ир Сена и Ким Чен Ира располагается Музей корейской революции, открытый, как и памятник Ким Ир Сену, в 1972 году. На стене этого здания находится огромное мозаичное панно горы Пэктуusan, расположенной на границе с Китаем, – символа начала революционной и антияпонской борьбы корейского народа. Здесь в годы противостояния японским оккупантам, по утверждению северокорейских историков, находилась Ставка командования Корейской народной армии, где жил и работал Ким Ир Сен.

Если следовать исторической хронологии, то следующим нужно назвать Музей корейской войны. Иные его наименования – Музей победоносной войны, Музей освободительной войны за Отечество, Музей Отечественной освободительной войны. Перед входом в музей – большая очередь из северокорейских экскурсантов, в первую очередь военнослужащих и учащихся военных училищ. Российских гостей пропускают вне очереди.

Этот музей был создан сразу по окончании корейской войны, в августе 1953 года, и назывался «Музей войны за освобождение Родины». В апреле 1963 года он был перенесен в район Сосон и заново открыт в специально построенном здании. В 2013–2014 годах музей был отремонтирован и модернизирован.

Расположенный на большой площади в центре города, этот военно-исторический музей, сегодня включающий более 80 залов, посвящен войне КНДР с войсками Южной Кореи, а также военной коалицией западных стран во главе с США, прикрывавшейся флагом ООН, в

1950–1953 годах. КНДР получала в ходе этой войны поддержку со стороны КНР и Советского Союза. В войне пострадали несколько миллионов корейцев. Было разрушено более 80 % жилого фонда, промышленной и транспортной инфраструктуры обоих государств. Колossalный ущерб понесла прежде всего КНДР, ибо на нее обрушилась вся военная мощь западной военной коалиции. Она была подвергнута страшным бомбардировкам американской авиации. О событиях той войны повествует обширная историческая литература [14–16]. В ходе войны был полностью разрушен Пхеньян, на который, по данным, приведенным гидом, американцами было сброшено 428 тыс. бомб, больше, чем было жителей города в то время.

КНДР от американских варварских авиаалетов защищала советская авиация. Это была неафишируемая многие годы советско-американская воздушная война, которая только спустя десятилетия стала предметом некоторых опубликованных воспоминаний и лишь в последнее годы – предметом изучения [17]. В воздушной войне участвовали 26 тыс. советских летчиков, совершивших более 63 тыс. боевых вылетов и принявших участие почти в 1800 воздушных боях. В этих боях и огнем зенитной артиллерии было сбито 1309 самолетов противника. Советский авиационный корпус потерял в боях 120 летчиков, а военно-воздушные силы США, для сравнения, – 1609 чел., из них 1097 были уничтожены советскими летчиками. Общие безвозвратные потери советских частей и соединений в Корейской войне составили 315 чел., в т. ч. 168 офицеров [17; 18, с. 554].

Памятники и экспонаты Музея корейской войны производят сильное впечатление, в т. ч. экспозиция с трофеейной американской военной техникой – самолетами, вертолетами, танками, бронетранспортерами и др. Знакомство с музеем завершается посещением американского военного разведывательного судна «Пуэбло» (AGER-2). Оно вело шпионскую деятельность и было захвачено северокорейскими судами 23 января 1968 года, когда находилось, по утверждению официальных лиц КНДР, в территориаль-

ных водах страны, а ранее неоднократно нарушило ее морскую границу. Американцы требовали вернуть это судно, действуя разными методами, в т. ч. выдвигая ультиматум с угрозой ядерного нападения, но получили отказ. Это единственный корабль военно-морских сил США, который до сих пор находится в строю и удерживается в плену. С начала 2013 года «Пуэбло» пришвартован у канала Потхонган в качестве корабля-музея.

Другой знаковой достопримечательностью Пхеньяна является Монумент идей Чучхе. Стоит напомнить, что Чучхе – это государственная идеология, разработку которой связывают с именем Ким Ир Сена, а суть ее заключается в освобождении от внешних идеально-политических влияний – марксизма, ленинизма, маоизма и др. и обосновании собственного, северокорейского национального пути к социализму. Согласно декларации, опубликованной в июле 1997 года, в КНДР был введен новый календарь и 1912 год, год рождения Ким Ир Сена, стал «Первым годом эры Чучхе» [1, с. 22–23, 75–79]. Этот календарь действовал до 13 октября 2024 года, когда решением властей был отменен.

Характеризуя упомянутый монумент, следует отметить, что его высота 170 м и он, по утверждению гида, является высочайшим в мире. Монумент был сооружен к 70-летию Ким Ир Сена. На его лицевой и тыльной сторонах находятся золотые буквы, сложенные в слово «Чучхе». На вершине 150-метрового столба расположен факел высотой 20 м, символизирующий «великое и немеркнущее торжество идей Чучхе». В темное время суток огонь имитируется при помощи подсветки.

Специальный эскалатор поднимает на смотровую площадку, расположенную на вершине этого монумента, откуда открывается прекрасный вид на Пхеньян, но фотографировать здесь запрещено. Внизу, перед памятником, находится 30-метровая скульптурная группа, состоящая из рабочего с молотом, крестьянки с серпом и интеллигента с кистью, что олицетворяет единство и братский союз основных групп населения КНДР. Перекрещивающиеся молот, серп и кисть являются эмблемой ТПК,

правящей в КНДР. На задней стороне монумента, в нише, находится стена, внутри которой размещены более 200 мраморных и гранитных плит, присланных главами, политическими деятелями ряда государств и лидерами коммунистических партий. В верхнем ряду располагается плита от Коммунистической партии Российской Федерации и ее лидера Г.А. Зюганова.

Триумфальные ворота Пхеньяна также входят в программу посещения и считаются гигантской копией Парижской триумфальной арки. Эти ворота были открыты в честь сопротивления японской оккупации к 70-летию Ким Ир Сена в 1982 году. Количество гранитных блоков в них составляет 25 500, по одному на каждый день его жизни. Со смотровой площадки открывается прекрасный вид на Пхеньян, и посетители делают здесь множество фотографий столицы КНДР.

Сильное впечатление оставляет посещение как Музея метро в Пхеньяне, посвященного его строительству, с акцентом на роли в последнем Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, так и самого метрополитена, считающегося самым глубоким в мире. Сегодня действуют две линии метро с 17 станциями. Метрополитен прекрасно декорирован мрамором, мозаикой, фресками, огромными люстрами и призван повествовать о знаковых страницах истории КНДР и ее вождях, выполняя, таким образом, и культурно-идеологическую функцию. Также он будет служить бомбоубежищем в случае войны.

Своеобразной достопримечательностью Пхеньяна является 105-этажный долгострой – гостиница «Рюгён», в честь одного из старых названий столицы КНДР, что означает «ивовая столица». Строительство отеля было начато еще в 1987 году, и он должен был стать самым высоким отелем в мире и одним из символов КНДР. Но в трудные 1990-е строительство было приостановлено. В последующие десятилетия оно не раз возобновлялось, в т. ч. с участием иностранных компаний, но так и осталось незавершенным. Этот гигант пирамидальной формы, высотой 330 м и площадью 360 тыс. м² возвышается сегодня над северо-

корейской столицей, являясь самым высоким зданием КНДР, вызывая полярные суждения и оценки. Установленный на крыше здания большой светодиодный дисплей обеспечивает яркую расцветку отеля вечером и ночью и показ различных сцен. В результате «Рюгён» стал одним из символов Пхеньяна и КНДР, и его фотографии непременно увозят с собой туристы.

Что касается гостиничной инфраструктуры Пхеньяна, то она обеспечивает существующий туристический поток. Автор этих строк жил в 47-этажной современной гостинице «Янга́до», отвечающей высоким стандартам и требованиям. Внутри нее располагаются рестораны, магазины, плавательный бассейн и даже казино. На верхнем этаже отеля находится обзорная площадка.

Ограниченные размеры статьи не позволяют продолжить рассказ о столице КНДР, поэтому далее речь пойдет о поездках по этой стране и некоторых вынесенных впечатлениях. День ушел на посещение живописного горного района Мёхан, расположенного в северо-западной части КНДР. Поездка в одну сторону занимает 3 ч по покрытой асфальтом бетонной дороге с выбоинами. Гид откровенно говорила о нехватке асфальта в стране.

За Пхеньяном, по пути следования, располагалось несколько агрогородов с прекрасными двух- и трехэтажными зданиями. В дальнейшем селения, уже более скромного вида, как правило, с одно- и двухэтажными домами, находились на значительном удалении от автодороги. Все земли по пути следования были обработаны. На полях можно было увидеть немало крестьян, в работе которых превалировал ручной труд. Кстати, в ходе обратной поездки в Пхеньян, после 17 и 18 ч., многие из них еще трудились. Долго ехали вдоль рек и рядом с горной и лесистой местностью, имея возможность наблюдать работу рыбаков и гидростанций. Нужно признать, что в КНДР дефицит электроэнергии, а энергетика нуждается в кардинальной модернизации, с использованием альтернативных видов энергии, и оптимальным вариантом было бы, вероятно,

строительство атомной электростанции. Эта тема эпизодически поднимается на страницах северокорейской и мировой печати. Здесь не исключено и сотрудничество с Россией.

По прибытии в Мёхан, после посещения современного отеля «Хянсан» и обеда, несколько часов знакомились с главной достопримечательностью – «Международной выставкой дружбы», или Музеем подарков северокорейским лидерам. Более чем в 100 залах этого музейного комплекса находятся, по разным данным, от 117 до 140 тыс. подарков. В большинстве своем это подарки иностранных лидеров, гостей КНДР, а также представителей государственных и общественных организаций разных стран. Экспозиции залов были наполнены подарками, распределенными по годам, относимым к правлению сменяющихся северокорейских вождей. Среди наиболее запомнившихся экспонатов – бронированный вагон и черный бронированный автомобиль «ЗИМ», подаренные Сталиным Ким Ир Сену, а также самолет «Ил-14», подаренный ему Хрущевым. К сожалению, фотографировать в залах этого музея запрещено.

В дальнейшем были уже упомянутое ранее посещение храма Бхён и прогулка по живописной горной и лесистой местности (здесь протекает небольшая горная река), а также фотографирование местных пейзажей.

В ходе этой поездки возник вопрос о том, как граждане КНДР передвигаются по стране и, в частности, посещают Пхеньян. Дело в том, что неподалеку от столицы автобус, везущий туристов, с логотипом ведущего туристического агентства страны «Корейская международная туристическая компания» несколько раз останавливали военные патрули на контрольно-пропускных пунктах и гиду приходилось выходить и предъявлять пропуск для проезда. В дальнейшем выяснилось, что жить в Пхеньяне – привилегия, а для поездок по стране, и особенно в столицу, гражданам КНДР требуется получать специальные разрешения. Это интересная тема, характеризующая особенности северокорейской жизни и присутствующая в литературе [1, с. 250–255].

Ранее уже упоминалась другая поездка за пределы Пхеньяна, к «могиле Тангуна». В ходе ее удалось посетить и суперсовременное тепличное хозяйство, сданное в эксплуатацию военными строителями в 2024 году. Теплицы по насыщенности современной техникой и технологиями водного орошения и освещения произвели очень сильное впечатление.

Хотелось бы остановиться еще на двух сюжетах. Один из них касается системы образования. В ответ на вопрос, какая профессия в КНДР является самой популярной, прозвучал примечательный ответ гида – учитель. В сопоставлении с российскими реалиями в образовании и положением учителя такой ответ означает, несомненно, благоприятные перспективы для развития КНДР. Прекрасные впечатления остались после посещения Дворца школьников и детей в Пхеньяне, некоего аналога Дворца пионеров советского времени, как с точки зрения его архитектуры, так и внутреннего наполнения: 150 различных кружков и студий, плавательный бассейн, спортивные площадки, замечательные дети, занимающиеся в разных сферах творчества.

Важно подчеркнуть, что в КНДР всегда уделялось серьезное внимание образованию, и это является характерной чертой стран, избравших путь социалистического развития. В КНДР не только обеспечивается полная грамотность населения, но и налицо стремление граждан к достижению образовательных вершин, получению высшего образования через прохождение «жесткого сита» вступительных экзаменов с рекомендациями от школ и трудовых, армейских коллективов, высокие требования к студентам вузов. Компьютеризация образования, современные технологии обучения, не форсированная, а продуманная университетизация, связь с производством – все это обеспечивает развитие системы высшей школы и удовлетворение потребности страны в высококвалифицированных специалистах. Примерно 15–20 % выпускников средних школ в КНДР получают высшее образование, и это неплохой показатель, если иметь в виду высокие требования к получению дипломов.

Одним из ярких впечатлений стало посещение концерта симфонической музыки в Пхеньяне, в котором участвовали около 100 музыкантов, прекрасные певцы и дирижеры. Часть концерта была посвящена российским музыкальным произведениям. По окончании мероприятия корейские слушатели провожали россиян аплодисментами, и это было приятно.

Посещение КНДР стало своеобразной ломкой стереотипов о ней как о якобы слаборазвитой, бедной стране, население которой живет в условиях жестокой диктатуры. Что касается уровня науки и промышленности, то запуск на космическую орбиту северокорейских спутников, развитие ракетно-ядерного потенциала и, наконец, производство и успешные испытания гиперзвукового оружия¹, которые не могут пока освоить и поставить на вооружение даже США, говорят сами за себя. К сожалению, КНДР в условиях внешних угроз, в т. ч. нахождения 9 крупных военных баз и почти 30-тысячной американской военной группировки на территории Южной Кореи, вынуждена тратить большие средства на оборону, содержать крупную армию. При этом к военнослужащим в КНДР относятся с большим уважением, памятя о суровых уроках истории.

На протяжении последних десятилетий в этой стране произошли значительные перемены, хотя идеализировать современные реалии не следует, ибо перед КНДР и ее народом стоит много проблем, которые предстоит решить. Но северокорейцы трудолюбивы, энергичны, стремятся к знаниям, в развитии опираются на собственные силы, готовы защищать Родину и, несомненно, заслуживают лучшего будущего.

Хотелось бы подчеркнуть дружественный характер отношений между Россией и КНДР, в т. ч. на высшем уровне. В ходе посещения президентом России В.В. Путиным Пхеньяна в 2024 году им и Ким Чен Ыном был подписан Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и КНДР. В соответствии со ст. 4 названного документа, северокорейские военнослужащие принимали участие в освобождении оккупированной части территории Курской области. Для автора данных строк это особая тема, ибо, направляясь в КНДР, довелось несколько часов беседовать со штурмовиком 810-й бригады морской пехоты Черноморского флота, который подробно и откровенно описывал сложные и драматические реалии происходивших там боев.

В конце апреля 2025 года руководство России и КНДР сделали публичной информацию о героическом участии северокорейского спецназа в освобождении захваченной территории Курской области. По имеющейся информации, в боях участвовали от 13 до 15 тыс. солдат КНДР, внесших большой вклад в изгнание оккупантов, при этом около 600 чел. погибли².

Ким Чен Ын заявил о предстоящем сооружении в Пхеньяне памятника северокорейским воинам – участникам указанной военной операции. В свою очередь, посол России в КНДР А.И. Мацегора, выступая на приеме в Пхеньяне по случаю 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, заявил: «В освобожденных городах и селах будут воздвигнуты прекрасные обелиски корейским героям, а восстановленные улицы и площади будут названы их именами – именами тех, чей подвиг навсегда останется в благодарной памяти и в сердцах народа России»³.

¹Главное управление ракетостроения КНДР: испытательный запуск новейшего типа гиперзвуковой баллистической ракеты средней и промежуточной дальности // Корея. 2025. № 1. С. 60–61.

²«Хотелось наступать красиво». Раскрыты число воюющих на стороне России солдат из Северной Кореи и потери среди них // Лента.ру. 2025. 30 мая. URL: <https://lenta.ru/news/2025/04/30/hotelos-nastupat-krasivo-raskryty-chislo-voyuyuschih-na-storone-rossii-soldat-iz-severnoy-korei-i-poteri-sredi-nih/> (дата обращения: 03.05.2025); Асмолов К., Мостов А. Как бойцы Ким Чен Ына защищали Россию // Еженедельник «ЗВЕЗДА». 2025. 22 мая. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/20255143-YLCU3.html> (дата обращения: 22.05.2025).

³В Курской области появятся памятники в честь северокорейских военных // РБК. 2025. 9 мая. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/05/2025/681e0c479a794741bcf9794d> (дата обращения: 23.05.2025).

Таким образом, северокорейские воины отплатили добром и кровью за кровь советских солдат, ранее пролитую на их земле, о чем шла речь в этой статье выше. Поэтому сегодня справедливо говорится о борьбе воинов двух стран за общую свободу. Ныне планируется прибытие в Курскую область нескольких тысяч северокорейских саперов и военных строителей для разминирования территории и восстановления разрушенных в результате украинских атак объектов. Все это укрепляет фундамент дальнейшего развития отношений между КНДР и Россией и народами наших стран.

В заключение хотелось бы отметить состоявшийся в начале сентября 2025 года приезд Ким Чен Ына в КНР в связи с торжествами и военным парадом в Пекине по случаю 80-летия победы над Японией и окончания Второй мировой войны. В китайской столице прошли переговоры Ким Чен Ына и В.В. Путина. Президент России высоко оценил роль северокорейских военных в освобождении Курской области, заявив, что Москва никогда этого не забудет, и попросил передать самые теплые слова благодарности народу КНДР. В ходе переговоров были обсуждены двусторонние отношения стран по всем направлениям и их перспективы⁴.

Список литературы

1. Ланьков А.Н. К Северу от 38-й параллели: как живут в КНДР. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 522 с.
2. Ланьков А.Н. Корея: рывок в современность. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. 384 с.
3. Ланьков А.Н. Не только кимчхи: история, культура и повседневная жизнь Кореи. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 608 с.
4. Асмолов К.В. Не только ракеты: путешествие историка в Северную Корею. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2018. 314 с.
5. Асмолов К.В. Корейская политическая культура: традиции и трансформация. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2017. 704 с.
6. Кирьянов О.В. Северная Корея в кармане. 2-е изд., испр. М.: Рипол-Классик, 2020. 464 с.
7. Захарченко И.С. Северная Корея: прошлое и настоящее закрытого государства. М.: АСТ, 2023. 320 с.
8. Демик Б. Повседневная жизнь в Северной Корее: пер. с англ. 3-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 428 с.
9. Тюдор Д., Пирсон Дж. Северная Корея изнутри: черный рынок, мода, лагеря, диссиденты и перебежчики / под ред. А.Н. Ланькова, пер. А. Соловьева. М.: Эксмо, 2018. 288 с.
10. Файфилд А. Великий преемник: божественно совершенная судьба выдающегося товарища Ким Чен Ына: пер. с англ. М: Альпина Паблишер, 2020. 376 с.
11. Сон Чжунхо. Корея. Полная история страны: пер. с кор. М.: АСТ, 2025. 252 с. (Сер.: Иллюстрир. история на пальцах).
12. Пак Б.Д. Россия и Корея. 2-е изд., доп. М.: ИВ РАН, 2004. 519 с.
13. Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 541 с.
14. Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М.: РОССПЭН, 2000. 308 с.
15. Орлов А.С., Гаврилов В.А. Тайны корейской войны. М.: Вече, 2003. 398 с.
16. Ачкасов Н.Б., Ачкасов Б.Н. Война в Корее. М.: Вече, 2018. 269 с.
17. Сейдов И. «Красные дьяволы» в небе Кореи. Советская авиация в войне 1950–1953 гг.: хроника воздушных сражений. М.: Язуа: Эксмо, 2007. 701 с.
18. Кривошеев Г.Ф., Андронников В.М., Буриков П.Д., Гуркин В.В. Россия и СССР в войнах XX века: книга потерь. М.: Вече, 2010. 624 с.

⁴Путин встретился с Ким Чен Ыном в Китае: они прибыли на переговоры на одном Aurus // Бизнес Online. 2025. 3 сент. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/681869> (дата обращения: 03.09.2025).

References

1. Lan'kov A.N. *K Severu ot 38-y parallel': kak zhivut v KNDR* [The 38th Parallel North: How People in North Korea Live]. Moscow, 2020. 522 p.
2. Lan'kov A.N. *Koreya: ryvok v sovremennost'* [Korea: A Leap into Modernity]. Novosibirsk, 2021. 384 p.
3. Lan'kov A.N. *Ne tol'ko kimchki: istoriya, kul'tura i povsednevnaya zhizn' Korei* [Not Just Kimchi: History, Culture, and Everyday Life of Korea]. Moscow, 2024. 608 p.
4. Asmolov K.V. *Ne tol'ko rakety: puteshestvie istorika v Severnyu Koreyu* [Not Just Rockets: A Historian's Journey to North Korea]. Moscow, 2018. 314 p.
5. Asmolov K.V. *Koreyskaya politicheskaya kul'tura: traditsii i transformatsiya* [Korean Political Culture: Traditions and Transformation]. Moscow, 2017. 704 p.
6. Kir'yanov O.V. *Severnaya Koreya v karmane* [North Korea in Your Pocket]. Moscow, 2020. 464 p.
7. Zakharchenko I.S. *Severnaya Koreya: proshloe i nastoyashchee zakrytogo gosudarstva* [North Korea: Past and Present of the Closed State]. Moscow, 2023. 320 p.
8. Demick B. *Nothing to Envy: Ordinary Lives in North Korea*. New York, 2009. 314 p. (Russ. ed.: Demik B. *Povsednevnaya zhizn' v Severnoy Koree*. Moscow, 2020. 428 p.).
9. Tudor D., Pearson J. *North Korea Confidential: Private Markets, Fashion Trends, Prison Camps, Dissenters and Defectors*. Tokyo, 2015. 225 p. (Russ. ed.: Tyudor D., Pirson Dzh. *Severnaya Koreya iznutri: chernyy rynok, moda, lagerya, dissidenty i perebezhchiki*. Moscow, 2018. 288 p.).
10. Fifield A. *The Great Successor: The Secret Rise and Rule of Kim Jong Un*. London, 2019. 308 p. (Russ. ed.: Fayfield A. *Velikiy preemnik: bozhestvenno sovershennaya sud'ba vydayushchegosya tovarishcha Kim Chen Yna*. Moscow, 2020. 376 p.).
11. Song Jong-ho. *Koreya. Polnaya istoriya strany* [A Complete History of Korea]. Moscow, 2025. 252 p.
12. Pak B.D. *Rossiya i Koreya* [Russia and Korea]. Moscow, 2004. 519 p.
13. Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.F. *Koreyskiy poluostrov: metamorfozy poslevoennoy istorii* [The Korean Peninsula: Metamorphoses of Post-War History]. Moscow, 2008. 541 p.
14. Torkunov A.V. *Zagadochnaya voyna: koreyskiy konflikt 1950–1953 godov* [The Mysterious War: The Korean Conflict of 1950–1953]. Moscow, 2000. 308 p.
15. Orlov A.S., Gavrilov V.A. *Tayny koreyskoy voyny* [Secrets of the Korean War]. Moscow, 2003. 398 p.
16. Achkasov N.B., Achkasov B.N. *Vojna v Koree* [The War in Korea]. Moscow, 2018. 269 p.
17. Seydov I. *“Krasnye d'yavoly” v nebe Korei. Sovetskaya aviatsiya v voynie 1950–1953 gg.: khronika vozдушnykh srazheniy* [“Red Devils” in the Skies of Korea. Soviet Aviation in the War of 1950–1953: A Chronicle of Air Battles]. Moscow, 2007. 701 p.
18. Krivosheev G.F., Andronnikov V.M., Burikov P.D., Gurkin V.V. *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka: kniga poter'* [Russia and the USSR in the Wars of the 20th Century: A Book of Casualties]. Moscow, 2010. 624 p.

Информация об авторе

В.И. Голдин – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2).

Поступила в редакцию 25.05.2025
Одобрена после рецензирования 23.06.2025
Принята к публикации 25.06.2025

Information about the author

Vladislav I. Goldin, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Prof. at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Sciences, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Submitted 25 May 2025
Approved after reviewing 23 June 2025
Accepted for publication 25 June 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 4. С. 57–65.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 57–65.

Научная статья
УДК [81'23+81'27]:81'42
DOI: 10.37482/2687-1505-V449

Актуальность лингвопрагматического исследования образовательного медиадискурса

Евгения Анатольевна Мурашова

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета, Таганрог, Ростовская область, Россия,
e-mail: shenetschka@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6018-955X>

Аннотация. Целью представленной статьи является обоснование необходимости расширения исследовательских рамок дискурса, в системе которого инициируется интеракция субъектов образовательного процесса, – от педагогического до образовательного. Образовательный дискурс, к субъектам которого относятся не только учитель и ученик / студент и преподаватель, но также родители, эксперты, администраторы, авторы образовательных текстов и т. д., рассматривается как суперординарное понятие, включающее в себя, в качестве координатного, понятие «педагогический дискурс». Новизна предлагаемого подхода заключается в анализе образовательного дискурса и его подвидов с позиций лингвистической прагматики как гипертекстуальной системы в совокупности с широким диапазоном экстралингвистических факторов, позволяющих на основании содержательно-смысловой и жанровой классификации выделить образовательный медиадискурс как отдельный подвид образовательного дискурса и исследовать трансформацию индивидуального и надиндивидуального коммуникативного пространства его субъектов в условиях тотальной информатизации общества в целом и образовательной системы в частности. Инновационные средства, форматы, каналы восприятия и передачи информации, инициирующие изменение традиционных антропологических речевых моделей, а также появление новых антропоморфных моделей коммуникации в пространстве образовательного медиадискурса представляются перспективным материалом для новых лингвопрагматических исследований. Реализация теоретико-методологического потенциала этих исследований имеет выраженную теоретическую и практическую ценность, поскольку должна расширить модель институционального описания педагогического дискурса, сформулированную В.И. Карасиком и представителями его научной школы, до формата образовательного дискурса и перенести ее на модель образовательного медиадискурса; ввести в поле исследований прагматический параметр успешной вербальной интеракции активных субъектов образовательного медиадискурса, что должно способствовать разностороннему обоснованию модели образовательного медиадискурса как полиаспектной смыслогенерирующей и формомоделирующей коммуникативной системы.

Ключевые слова: образовательная система, образовательный дискурс, категориальные характеристики образовательного дискурса, образовательный медиадискурс, коммуникативное пространство, лингвистическая прагматика

Для цитирования: Мурашова, Е. А. Актуальность лингвопрагматического исследования образовательного медиадискурса / Е. А. Мурашова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 57-65. – DOI 10.37482/2687-1505-V449.

Original article

Relevance of Linguopragmatic Research into Educational Media Discourse

Evgeniya A. Murashova

A.P. Chekhov Institute (Branch) in Taganrog, Rostov State University of Economics, Taganrog, Russia,
e-mail: shenetschka@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6018-955X>

Abstract. The purpose of this article is to substantiate the need to expand the research framework of the discourse – from pedagogical to educational – in whose system the interaction of participants in the educational process is initiated. Educational discourse, whose active subjects include not only teacher and student, but also parents, experts, administrators, authors of educational texts and so on, is considered as a generic concept that includes pedagogical discourse. In this article, educational discourse and its subtypes are studied from the standpoint of linguistic pragmatics as a hypertextual system in combination with a wide range of extralinguistic factors that allow us, based on the content-semantic and genre classification, to distinguish educational media discourse as a separate subtype of educational discourse and to explore the transformation of the individual and supra-individual communicative space of its subjects in the context of total informatization of society in general and the educational system in particular. Novel means, formats and channels of perception and transmission of information that cause changes in the traditional anthropological speech models as well as lead to the emergence of new anthropomorphic communication models in the educational media discourse appear to be a promising material for future linguopragmatic research. Realization of the theoretical and methodological potential of these studies will expand the model of institutional description of pedagogical discourse (formulated by V.I. Karasik and representatives of his scientific school) to the format of educational discourse and transpose it to the model of educational media discourse. In addition, it will introduce into the research field the pragmatic parameter of successful verbal interaction of active subjects of educational media discourse, thus contributing to a comprehensive substantiation of the model of educational media discourse as a multidimensional sense- and form-generating communicative system.

Keywords: educational system, educational discourse, categorical characteristics of educational discourse, educational media discourse, communicative space, linguistic pragmatics

For citation: Murashova E.A. Relevance of Linguopragmatic Research into Educational Media Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 57–65. DOI: 10.37482/2687-1505-V449

Введение. Первая четверть XXI века отмечена многочисленными социальными вызовами, значительно изменившими привычную картину мира и требующими кардинального пересмотра целого ряда онтологически значимых проблем. Одним из таких вызовов становится тотальная информатизация общества. Глобальные информационные сети, цифровые платформы, новые средства и способы коммуникации, развитие искусственного интеллекта и другие инновации инициируют необратимые преобразования во всех проявлениях жизнедеятельности современного социума: экономике, политике, духовной, культурной и социальной сферах. Выступающая составной частью последней система образования сталкивается с необходимостью решения проблемы продуктивной вербальной интеракции в сложившихся условиях.

Решение этой проблемы оказывается катализатором переосмыслиния феномена дискурса, в системе которого инициируется интеракция субъектов образовательного процесса, подвидов такого типа дискурса, их составляющих, функций и свойств, а также приемов и методов изучения.

Обзор литературы. Сформировавшийся на фоне общенационального становления дискурсивной онтологии традиционный подход к выделению педагогического дискурса в качестве дискурса, основной целью которого изначально постулировалась образовательная социализация отдельного члена общества, дискурса, предполагающего высокий уровень институциональности, при котором его субъекты действуют в рамках заранее определенных социальных ролей (учитель – ученик) [1, с. 209–210, 211], в контексте сегодняшней глобальной цифровизации требует переосмыслинения. Это обусловлено многими факторами.

Прежде всего, изменяется канал передачи информации, что способствует дальнейшим преобразованиям. Значительно расширяются горизонты образовательного пространства. Определенный хронотоп, типичный для традиционного педагогического дискурса (урок в школе, лекция в университете и т. д.) (ср.: [1, с. 211]), переносится в виртуальное пространство, не ограниченное жесткими контекстными рамками [2, с. 142].

Изменение канала передачи информации приводит к изменению степени институциональности [2, с. 143–144]. Изначально привычные роли размываются – например, при онлайн-обучении роль учителя может замещаться несколькими субъектами одновременно (составителем курса, тьютором, инструктором информационно-коммуникационных технологий, экспертом, тренером), что, в свою очередь, влечет за собой размытие ответственности и повышение анонимности агентов.

Кроме того, возникают новые образовательные жанры. Наряду с традиционными (урок, лекция, семинар, зачет, экзамен, родительское собрание) [1, с. 219] появляются онлайн-лекции, вебинары, образовательные посты и сторис, образовательные форумы и т. д. Участниками образовательного процесса сознательно снижается уровень статусно-ориентированного общения, стираются границы между образованием и развлечением [2, с. 142–143].

Все это, как нам представляется, стимулирует значительное расширение исследовательских рамок дискурса, направленного на передачу знаний, умений и навыков, а также на воспитание и развитие личности учащихся, и инициирует переосмысливание самого понятия «педагогический дискурс».

Педагогический дискурс начинает рассматриваться как составляющая более широкого понятия – «образовательный дискурс» (по аналогии соотнесения понятий «педагогика» и «образование») [3, с. 101–102]. И хотя в некоторых смежных научных направлениях термины «педагогический дискурс» и «образовательный дискурс» до настоящего времени функционируют как взаимозаменяемые [4, с. 113–114, 119], в лингвистических исследованиях все чаще прослеживается тенденция к их устойчивому размежеванию.

При том, что педагогический дискурс и образовательный дискурс соотносятся как частное и общее, имея единые свойства целенаправленности, диалогичности, рефлексивности и соответствия нормам и стандартам языковой системы, в которой они существуют, акцентируется также наличие их специальных свойств.

Так, если педагогический дискурс рассматривается как ориентированный преимущественно на взаимодействие пассивного (обучающего) и пассивного (обучаемого) субъектов (учителя и ученика, преподавателя и студента и проч.), то образовательный дискурс трактуется как дискурс, направленный на интеракцию всех участников образовательного процесса, роли которых могут меняться в зависимости от контекста образовательной ситуации (обучающий, обучаемый, эксперт, исследователь, администратор, родитель, автор образовательного теста и др.).

Кроме того, масштаб взаимодействия в рамках педагогического дискурса ограничивается рамками определенного образовательного кластера (класса, группы), в то время как масштаб взаимодействия в рамках образовательного дискурса помимо разнообразных образовательных кластеров охватывает весь образовательный процесс (в т. ч. такие широкие понятия, как образовательная политика, образовательные стандарты и др.).

К числу категориальных характеристик образовательного дискурса относится также интердискурсивность, проявляющаяся в специальных признаках актуализации динамической системы ценностей и ежедневной речевой практике его участников, и изменчивость, проявляющаяся в непрерывном переосмыслинении концептуальных знаков, реализующих представления участников об окружающей их действительности [5, с. 68].

В целом, образовательный дискурс анализируется как непрерывно видоизменяющаяся, объективно существующая система ценностно-смысовой коммуникации активных участников образовательного процесса, включающая в себя и их цели, предполагающие создание условий для развития целостной личности и формирования ценностей [6, с. 3–4].

При этом структура образовательного дискурса в современных лингвистических исследованиях представлена фрагментарно. В вопросе содержательно-смысовой и жанровой класси-

фикаций образовательного дискурса в настоящее время наиболее успешна когнитивная лингвистика, в русле которой активно изучаются такие подвиды образовательного дискурса, как, например, научно-образовательный [7, с. 220–224] и академический военно-образовательный [8, с. 49–57]. Следует отметить также исследования, осуществленные в интересах концептуальной лингвистики, посвященные, в частности, рассмотрению такого оценочного речевого жанра, как студенческий отзыв о преподавателе [9, с. 109–117].

Однако выделение подвидов образовательного дискурса (в т. ч. образовательного медиадискурса) и их функциональных свойств не имеет системного характера. И это обуславливает актуальность дискуссий в рамках различных научных направлений, среди которых лингвистическая прагматика выделяется как одно из наиболее перспективных.

Результаты. В русле лингвистической прагматики образовательный медиадискурс рассматривается как отдельный подвид образовательного дискурса, гетерогенная структура которого представлена центром, фиксирующим прототипные жанры образовательной коммуникации, и периферией, отображающей соответствующие жанры на стыке смежных типов дискурса [10, с. 71].

В этом ракурсе кажется абсолютно логичной жанрово-функциональная классификация образовательного медиадискурса, а также классификация образовательного медиадискурса с учетом используемых его участниками коммуникативно-информационных каналов (публицистический образовательный медиадискурс, рекламный образовательный медиадискурс и т. д.).

При этом каждый из подтипов образовательного медиадискурса раскрывается как образовательный текст (в широком смысле этого слова – как синоним понятия «гипертекстуальное образование») в совокупности с широким диапазоном эксталингвистических факторов (психологических, социокультурных, прагматических), участвующих в социокультурном взаимодей-

ствии и отражающих специфику сознания коммуникантов (ср.: [11, с. 132]).

В ряду различных научных направлений лингвистическая прагматика выделяется как наиболее перспективная для изучения образовательного медиадискурса благодаря стремительному расширению ее исследовательского диапазона в последние десятилетия, в т. ч. в связи с глобальной трансформацией индивидуального и надиндивидуального (конвенционального) коммуникативного пространства в условиях тотальной информатизации современного общества.

Центральные проблемы лингвистической прагматики (определение актуальных и потенциальных источников и носителей субъективной и объективной коммуникативной информации; уточнение алгоритмов объективизации информации в индивидуально и социально детерминированных контекстах; изменение речевых поведенческих моделей под влиянием инновационных технологий и т. д.) сегодня не ограничиваются натуральной коммуникативной средой.

Инновационные способы восприятия и передачи информации, затрагивающие все уровни (как бытового, так и профессионального) общения (в нашем случае образовательного медиадискурса), не только инициируют появление новых средств, образовательных форматов, обучающих каналов коммуникации, но и в целом ведут к формированию новых коммуникативных стандартов и норм:

– *средства коммуникации*: выражение эмоциональных реакций субъектов образовательного процесса посредством эмодзи и стикеров (😂 (смех до слез) – смех или веселье; 🙌 (большой палец вверх) – одобрение или согласие; ❤ (красное сердце) – любовь или симпатия; 😊 (улыбка с глазами) – дружелюбие и радость; 🙏 (сложенные вместе ладони) – благодарность или просьба; 🎉 (воздушные шары) – праздничный настрой, празднование; 🚀 (ракета) – достижение целей, прогресс и др.) или использование сокращений (спс – спасибо; пжлст – пожалуйста; ок – хорошо; мм – мmm... (задумчивость); кст – кстати и др.) и акронимов

(ЛОЛ – смех до слез (от англ. laughing out loud); РОФЛ – катающийся по полу от смеха (от англ. rolling on the floor laughing); ОМГ (от англ. oh my God – Боже мой) и др.);

– *образовательные форматы*: блоги, видеобзоры, чаты;

– *обучающие каналы коммуникации* (типы взаимодействия): общение с голосовыми ассистентами, такими как Алиса (голосовой помощник, разработанный компанией «Яндекс»); Капсула (голосовой ассистент, представленный оператором мобильной связи «МТС»); Маруся (голосовой ассистент, созданный компанией «VK» (ранее Mail.ru Group)); Салют (семейство голосовых ассистентов (Сбер, Афина и Джой), выпущенных «Сбербанком») и др.

Это происходит помимо прочего в сфере онлайн- и онлайн-обучения и дистанционного образования, где ввиду изменения формата активно трансформируются образовательные речевые модели лекций, семинаров и дискуссий, а в связи с включением аудио-, видео- и графического контента в учебные материалы меняются традиционные подходы к передаче информации. Появление и активное внедрение в образовательный процесс технологий искусственного интеллекта (например, платформы для изучения языков Duolingo; образовательной платформы Coursera, предлагающей курсы от ведущих университетов мира; платформы Netflix, направленной на создание персонализированных курсов и лекций) стимулируют создание антропоморфных коммуникативных моделей в образовательной сфере, а также в других сферах жизнедеятельности общества.

Центральные проблемы лингвистической прагматики предстают в новом ракурсе особенно актуальными ввиду активного междисциплинарного обмена и одновременного расширения и уточнения собственного терминологического и методологического аппарата.

Наряду со ставшими уже классическими методами и приемами, реализуемыми в лингвопрагматических исследованиях, такими как

метод перевода [12, с. 23–26, 30–37], методы лингвистической статистики (группировки, моделирования, оценивания неизвестных параметров и проверки статистических гипотез) [13, с. 201–222; 14, с. 224–233], собственно лингвопрагматические методы перлокутивного и объективного прагмалингвистического эксперимента [12, с. 39, 43–58; 15, с. 126–127; 16, с. 154–195], появляются новые методы и приемы, которые можно условно разделить на формальные и экспериментальные (ср.: [17, с. 246]) и, на наш взгляд, целесообразно апробировать на новом материале – материале образовательного медиадискурса.

Кроме того, на материале образовательного медиадискурса могут быть отработаны:

- новая формальная лингвопрагматическая методика рассмотрения микро- (например, дискурсивной анафоры) и макропрагматических (экспликации вежливости) феноменов с учетом их социальной природы [18, с. 21–38];

- формальная методика анализа синтаксиса, семантической информации и прагматических контекстуальных параметров в пределах единой синтетической модели, в частности модели, которая реализуется с учетом принципов системы естественного языка и эксплицирует истинную позицию отправителя в отношении того, о чем он сообщает [19, с. 123–145];

- методика многоаспектного исследования актуализируемых отправителем количественных импликатур в целом и скалярных импликатур в частности [20, с. 49–66] с учетом экспериментальных данных;

- новые экспериментальные методы лингвопрагматической интерпретации [21, с. 195–238] и лингвопрагматической атрибуции [22, с. 240–290].

Внедрение и адаптация на лингвопрагматическом материале методов и приемов корпусной и компьютерной лингвистики, прошедших определенный уровень апробации и доказавших свою эффективность [21–23], должны способствовать:

- объективизации в вопросах идентификации субъективных данных;

- автоматизации их сбора и систематизации, в т. ч. вычисления средних показателей, дисперсий, корреляционных коэффициентов

и других показателей актуализации речевых средств-носителей субъективной информации;

- обеспечению возможности контекстной интерпретации с включением большого объема данных;

- обеспечению валидности проводимых экспериментов, в т. ч. за счет документирования всех этапов сбора, анализа и интерпретации данных.

Заключение. Апробация методов и приемов лингвистической прагматики может значительно расширить горизонты исследования образовательного медиадискурса, до настоящего времени подвергавшегося комплексному анализу преимущественно представителями когнитивной лингвистики с опорой на модель описания институционального дискурса В.И. Карасика, ориентированную на выделение таких дискурсивно значимых параметров, как цель, стратегии, участники, хронотоп, ценности и жанровая организация дискурса. Принципиально значимым видится введение в данную модель описания образовательного медиадискурса системно значимых прагматических параметров, в частности прагматического параметра «успешная вербальная интеракция».

Представляется, что сочетание формального и экспериментального подхода в приведенных выше методах и приемах лингвопрагматического исследования позволит:

- достигнуть систематизации в вопросах интеграции социального и культурно-исторического контекстов в процесс анализа и интерпретации значения языковых/речевых единиц различных эпизодов вербальной интеракции в образовательном медиапространстве;

- изучить функционал данных речевых средств, их прямое и имплицитное воздействие на субъекты образовательного медиадискурса с точки зрения разных аспектов;

- диагностировать основные способы взаимодействия субъектов в пределах подтипов образовательного медиадискурса различного уровня сложности.

Таким образом, актуализация различных теоретико-методологических достижений лингвистической прагматики позволяет разносторонне обосновать изучение ак-

туального образовательного медиадискурса в качестве полиаспектной смыслогенерирующей и формомоделирующей коммуникативной системы.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
2. Гончарова М.А., Никитин В.Н. Институциональность образовательного дискурса в условиях цифровизации // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 2. С. 139–145. <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-139-145>
3. Пичугина В.К. Образовательный, педагогический и антропологический дискурсы в современной педагогике // Инновации в образовании. 2010. № 11. С. 99–110.
4. Галушки Т.Г. Перспективные направления развития образовательного дискурса: конструктивизм и герменевтика // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2020. № 197. С. 113–120. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-197-113-120>
5. Пеньков Б.В. Интердискурсивность: образовательный дискурс // Вестн. Ассоц. вузов туризма и сервиса. 2011. № 1. С. 67–74.
6. Артюхова И.С. Образовательный дискурс как система ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса // Развитие соврем. образования: теория, методика и практика. 2016. № 1(7). С. 56–59.
7. Найден Е.В. Жанровое своеобразие научно-образовательного дискурса современного вуза: к постановке проблемы // Изв. Томск. политехн. ун-та. 2010. Т. 316, № 6. С. 220–224.
8. Эмер Ю.А., Андреевская С.А. Академический военно-образовательный дискурс: к модели описания // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2023. № 6(230). С. 49–57. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-49-57>
9. Анисимова А.Т. Студенческий отзыв о преподавателе как оценочный речевой жанр в российском и американском образовательных дискурсах // Жанры речи. 2021. № 2(30). С. 109–117. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-109-117>
10. Сергеева О.В. Лингвоэкологические проблемы современного образовательного медиадискурса // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2023. № 9(479). С. 70–82. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2023-479-9-70-82>
11. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М.: ИЯ РАН; Волгоград: ВФ МУПК, 2003. 654 с.
12. Матвеева Г.Г., Бутусова А.В., Ломова О.Е., Моисеенко Л.А., Одарюк И.В., Чигрикова Н.Ю. Теория и практика анализа текста в аспекте скрытой прагмалингвистики. Ростов н/Д.: ИУБиП, 2007. 196 с.
13. Мартыненко Г.Я. Методы статистического моделирования в языкоznании // Приклад. языкоznание. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 525 с.
14. Штерн Б.Н. Статистическая обработка экспериментальных данных // Приклад. языкоznание. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 525 с.
15. Матвеева Г.Г. Особенности контент-анализа при обработке данных объективного прагмалингвистического эксперимента в рамках скрытой прагмалингвистики // Язык. Дискурс. Текст. Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ, 2004. Ч. 2. С. 125–129.
16. Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики. М.: Флинта, 2013. 232 с.
17. Долгоруков В.В. Новые книги по лингвистической прагматике // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 35, № 1. С. 246–249. <https://doi.org/10.5840/eps201335196>
18. Clark R. Meaningful Games: Exploring Language with Game Theory. Cambridge: MIT Press, 2011. 354 p. <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262016179.001.0001>
19. Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. 398 p.
20. Geurts B. Quantity Implicatures. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. 212 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511975158>
21. Мурашова Е.А. Вербальная объективизация субъективной информации (на уровне прагматических компонентов контекстного значения): дис. д-ра филол. наук. Таганрог, 2024. 343 с.

22. Мурашова Е.А. Общие тенденции актуализации фатических речевых средств в русско-, немецко- и англоязычных телевью // Медиалингвистика. 2024. Т. 11, № 2. С. 200–208.
23. Мурашова Е.А. Вербальные фатические паттерны в русско-, немецко- и англоязычном экзаменационном дискурсе // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2024. Т. 24, № 1. С. 28–37. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V307>

References

1. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, 2002. 477 p.
2. Goncharova M.A., Nikitin V.N. Institutionality of Educational Discourse in the Conditions of Digitalization. *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 2021, vol. 27, no. 2, pp. 139–145 (in Russ.). <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-139-145>
3. Pichugina V.K. *Obrazovatel'nyy, pedagogicheskiy i antropologicheskiy diskursy v sovremennoy pedagogike* [Educational, Pedagogical and Anthropological Discourses in Modern Pedagogy]. *Innovatsii v obrazovanii*, 2010, no. 11, pp. 99–110.
4. Galushko T.G. *Perspektivnye napravleniya razvitiya obrazovatel'nogo diskursa: konstruktivizm i germenevtika* [Development Prospects for Educational Discourse: Constructivism and Hermeneutics]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertseva*, 2020, no. 197, pp. 113–120. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-197-113-120>
5. Pen'kov B.V. *Interdiskursivnost': obrazovatel'nyy diskurs* [Interdiscursivity: Educational Discourse]. *Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa*, 2011, no. 1, pp. 67–74.
6. Artyukhova I.S. *Obrazovatel'nyy diskurs kak sistema tsennostno-smyslovoy kommunikatsii sub"ektorov obrazovatel'nogo protsessa* [Educational Discourse as a System of Value-Semantic Communication of Subjects of the Educational Process]. *Razvitiye sovremennoy obrazovaniya: teoriya, metodika i praktika*, 2016, no. 1, pp. 56–59.
7. Nayden E.V. *Zhanrovoe svoeobrazie nauchno-obrazovatel'nogo diskursa sovremennoy vuza: k postanovke problemy* [Genre Uniqueness of the Scientific and Educational Discourse of a Modern University: Formulating the Problem]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, 2010, vol. 316, no. 6, pp. 220–224.
8. Emer Yu.A., Andrievskaya S.A. *Akademicheskiy voenno-obrazovatel'nyy diskurs: k modeli opisaniya* [Academic Military-Educational Discourse: Towards a Description Model]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2023, no. 6, pp. 49–57. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-49-57>
9. Anisimova A.T. Student Comments on a Professor's Rating as an Evaluating Speech Genre in Russian and American Educational Discourse. *Speech Genres*, 2021, no. 2, pp. 109–117 (in Russ.). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-109-117>
10. Sergeeva O.V. Linguoecological Problems of the Modern Educational Media Discourse. *Bull. Chelyabinsk State Univ.*, 2023, no. 9, pp. 70–82 (in Russ.). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2023-479-9-70-82>
11. Zheltukhina M.R. *Tropologicheskaya suggestivnost' mass-medial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdeystviya tropov v yazyke SMI* [Tropological Suggestiveness of Mass Media Discourse: On Persuasion Through the Use of Tropes in the Language of Mass Media]. Moscow, 2003. 654 p.
12. Matveeva G.G., Butusova A.V., Lomova O.E., Moiseenko L.A., Odaryuk I.V., Chigridova N.Yu. *Teoriya i praktika analiza teksta v aspekte skrytoy pragmalingvistiki* [Theory and Practice of Text Analysis in the Aspect of Implicit Pragmatic Linguistics]. Rostov-on-Don, 2007. 196 p.
13. Martynenko G.Ya. *Metody statisticheskogo modelirovaniya v yazykoznanii* [Statistical Modelling Methods in Linguistics]. *Prikladnoe yazykoznanie* [Applied Linguistics]. St. Petersburg, 1996. 525 p.
14. Shtern B.N. *Statisticheskaya obrabotka eksperimental'nykh dannykh* [Statistical Processing of Experimental Data]. *Prikladnoe yazykoznanie* [Applied Linguistics]. St. Petersburg, 1996. 525 p.
15. Matveeva G.G. *Osobennosti kontent-analiza pri obrabotke dannykh ob"ektivnogo pragmalingvisticheskogo eksperimenta v ramkakh skrytoy pragmalingvistiki* [Peculiarities of Content Analysis When Processing Data of an Objective Pragmalinguistic Experiment Within the Framework of Implicit Pragmalinguistics]. *Yazyk. Diskurs. Tekst* [Language. Discourse. Text]. Rostov-on-Don, 2004, pp. 125–129.

16. Matveeva G.G., Lenets A.V., Petrova E.I. *Osnovy pragmalingvistiki* [Fundamentals of Pragmalinguistics]. Moscow, 2013. 232 p.
17. Dolgorukov V.V. *Novye knigi po lingvisticheskoy pragmatike* [New Books on Linguistic Pragmatics]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2013, vol. 35, no. 1, pp. 246–249. <https://doi.org/10.5840/eps201335196>
18. Clark R. *Meaningful Games: Exploring Language with Game Theory*. Cambridge, 2011. 354 p. <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262016179.001.0001>
19. Wilson D., Sperber D. *Meaning and Relevance*. Cambridge, 2012. 398 p.
20. Geurts B. *Quantity Implicatures*. Cambridge, 2010. 212 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511975158>
21. Murashova E.A. *Verbal'naya ob"ektivizatsiya sub"ektivnoy informatsii (na urovne pragmatischeskikh komponentov kontekstnogo znacheniya)* [Verbal Objectification of Subjective Information (at the Level of Pragmatic Components of Contextual Meaning)]. Diss.]. Taganrog, 2024. 343 p.
22. Murashova E.A. General Trends in the Actualization of Phatic Speech Tools in Russian, German and English TV Interviews. *Media Linguist.*, 2024, vol. 11, no. 2, pp. 200–208 (in Russ.).
23. Murashova E.A. Verbal Phatic Patterns in the Russian-, German- and English-Language Examination Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 28–37. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V307>

Информация об авторе

Е.А. Мурашова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого и французского языков Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (адрес: 347900, Ростовская обл., г. Таганрог, ул. Петровская, д. 68).

Information about the author

Evgeniya A. Murashova, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Prof. at the German and French Languages Department, A.P. Chekhov Institute (Branch) in Taganrog, Rostov State University of Economics (address: ul. Petrovskaya 68, Taganrog, 347900, Rostovskaya obl., Russia).

Поступила в редакцию 31.01.2025
Одобрена после рецензирования 14.05.2025
Принята к публикации 16.05.2025

Submitted 31 January 2025
Approved after reviewing 14 May 2025
Accepted for publication 16 May 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 4. С. 66–74.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 66–74.

Научная статья
УДК 81'373.21:811.511.112
DOI: 10.37482/2687-1505-V450

Методика выявления ошибочных записей топонимов Карелии в автоматизированном Государственном каталоге географических названий

Павел Андреевич Хорохорин

Карельский научный центр Российской академии наук, Петрозаводск, Россия,
e-mail: pavel.horohorin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-4542-3636>

Аннотация. Статья представляет разработанную методику выявления ошибочных записей топонимов Республики Карелии в автоматизированном Государственном каталоге географических названий. Актуальность данного исследования обусловлена значимостью играющих ключевую роль в идентификации и сохранении языкового разнообразия топонимов как культурного и исторического наследия, а также необходимостью их корректного использования в различных сферах общественной жизни. В работе представлены основные подходы к исправлению ошибок и неточностей в записи топонимов на прибалтийско-финских языках (карельском и вепсском), основанные на сравнении данных автоматизированного Государственного каталога географических названий с полевыми записями и отечественными картографическими материалами. Особое внимание уделяется проблемам передачи нерусских названий и особенностям их адаптации в русской топосистеме. Кроме того, описываются этапы выявления ошибок, начиная от сбора исходных данных и заканчивая созданием электронных баз данных, таких как геоинформационный ресурс «ТопКар – Топонимия Карелии», которые позволяют интегрировать топонимические данные в официальную русскую топосистему и облегчают их дальнейшее исследование. Основные выводы подтверждают наличие значительных погрешностей и неточностей в передаче карельских топонимов, что требует системного подхода и разработки единой инструкции для корректного внесения топонимов в официальные реестры. Настоящая статья подчеркивает важность сохранения топонимического наследия для будущих поколений и его значение для междисциплинарных исследований в области истории, этнографии и языкоизнания. Текст содержит рекомендации по дальнейшему изучению и исправлению ошибок, что является шагом к более точному отражению топонимического ландшафта Республики Карелии, в частности на карелоязычной территории республики.

Ключевые слова: Государственный каталог географических названий, Республика Карелия, топонимическая база данных, карельские топонимы, официальная русская топосистема, ошибочные записи топонимов

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Карельского научного центра Российской академии наук (научно-исследовательская работа № 124022000089-4).

Для цитирования: Хорохорин, П. А. Методика выявления ошибочных записей топонимов Карелии в автоматизированном Государственном каталоге географических названий / П. А. Хорохорин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 66-74. – DOI 10.37482/2687-1505-V450.

Original article

Methodology for Identifying Erroneous Entries of Karelian Toponyms in the Automated State Catalogue of Geographic Names

Pavel A. Khorokhorin

Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia,
e-mail: pavel.horohorin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-4542-3636>

Abstract. The paper presents a developed methodology for identifying erroneous entries of Karelian toponyms in the automated State Catalogue of Geographic Names. The relevance of this study is determined by the importance of toponyms, which play a key role in revealing and preserving linguistic diversity as a cultural and historical heritage, as well as by the need for their correct use in various spheres of public life. The article presents key approaches to correcting errors and inaccuracies in the spelling of Baltic-Finnish (Karelian and Vepsian) place name. These approaches are based on a comparison of the data from the automated State Catalogue of Geographic Names with field records and Russian cartographic materials. Special attention is given to the problems of spelling non-Russian names and to their adaptation to the Russian toponymic system. In addition, the stages of error detection are described, starting from the collection of initial data and ending with the creation of electronic databases, such as the geographic information resource TopKar (Toponymy of Karelia), which help integrate toponymic data in the official Russian toponymic system and facilitate further research. The main conclusions confirm the presence of significant errors and inaccuracies in the spellings of Karelian toponyms, which requires a systematic approach and the development of standard instructions for the correct entry of toponyms into official registers. The study highlights the importance of preserving the toponymic heritage for future generations and its significance for interdisciplinary research in the fields of history, ethnography and linguistics. The article contains recommendations for further investigation and correction of errors, which is a step towards a more accurate reflection of the toponymic landscape of the Republic of Karelia, in particular, on its Karelian-speaking territory.

Keywords: *State Catalogue of Geographic Names, Republic of Karelia, toponymic database, Karelian toponyms, official Russian toponymic system, erroneous toponymic entries*

Funding. The research was carried out within the framework of the state assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (research project no. 124022000089-4).

For citation: Khorokhorin P.A. Methodology for Identifying Erroneous Entries of Karelian Toponyms in the Automated State Catalogue of Geographic Names. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 66–74. DOI: 10.37482/2687-1505-V450

Настоящая статья призвана представить методику выявления ошибочных записей топонимов, относящихся к карелоязычной территории Республики Карелии, в автоматизированном Государственном каталоге географических названий (ГКГН).

Согласно Федеральному закону «О наименованиях географических объектов» от 18 декабря 1997 года¹, топонимы представляют собой важный элемент исторического и культурного наследия народов России и находятся под защитой государства. В соответствии с указанным законом, произвольная замена одних географических названий другими и использование искаженных наименований географических объектов строго запрещены. Помимо собственно культурной ценности топонимы имеют важное практическое применение и востребованы в разных сферах социальной жизни, поэтому корректность и точность в их использовании имеют первостепенное значение.

Для контроля за корректным применением наименований географических объектов был разработан ГКГН – официальный источник стандартизованных наименований, к которому обращаются органы государственной власти, местного самоуправления, различные ведомства, СМИ и граждане. С помощью этого каталога должны проверяться написания названий, использующиеся на официальном уровне.

Употребление географических наименований широко обсуждается в рамках прикладной топонимики. В зоне интереса специалистов – регулирование процесса официального наименования и переименования топонимов [1, с. 262–276]. Согласно Г.В. Судакову [2, с. 193–204] и Ю.А. Качалковой [3, с. 212–222], значительное внимание уделяется нормализации, а также кодификации географических названий населенных мест. Особо остро встают вопрос об орфографических правилах в части написания топонимов

[4, с. 207–214], а также проблема правописания топонимических единиц [5, с. 256–277].

На ранних этапах становления прикладной топонимики активно обсуждалась тема интеграции зарубежных топонимов в официальную русскую топосистему. Особое внимание этому вопросу уделял родоначальник современной картографической топонимики в России Е.М. Поспелов, разработавший основные принципы транскрипции иностранных географических названий, включая наименования, относящиеся к зарубежным регионам [6]. А.В. Суперанская предложила понимание задач практической транскрипции, отличное от существовавшего ранее [7]. На этом фоне проблемы адаптации нерусской топонимии национальных регионов РФ менее изучены [8, с. 244–248]. В 1970–1980-е годы был подготовлен ряд инструкций по русской передаче топонимов на территориях национальных республик. В связи с бесписьменным статусом карельского и вепсского языков такого документа для Карелии не появилось. Это одна из основных причин, почему ГКГН отличается значительной непоследовательностью в передаче облика карельских и вепсских топонимов и включает откровенно ошибочные написания.

Основные стратегии передачи карельских топонимов в ГКГН. Реестр зарегистрированных в ГКГН географических названий (примерно 16 тыс.) включает 6 информационных полей о каждом из них, которые можно свести к двум основным разделам: 1) географическое название – содержит данные о наименовании объекта и его типе (река, озеро, гора и т. д.); 2) сведения о местоположении, т. е. географических координатах и положении относительно более крупного географического объекта, а также привязке к листу топографической карты масштабом 1:100 000, т. е. 1 см : 1 км.

Анализ географических названий Карелии, внесенных в ГКГН, показал, что основным

¹О наименованиях географических объектов: федер. закон Рос. Федерации от 18 дек. 1997 г. № 152-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 17 окт. 1997 г.; одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 3 дек. 1997 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

источником для него послужили топографические карты масштабом 1:100 000. Можно констатировать, что в силу особенностей материала для передачи карельских топонимов использовались две принципиально разные стратегии. Составители карт и официальных списков топонимов работали с названиями, имевшими устоявшиеся русскоязычные соответствия как на устном уровне, так и в предшествующих официальных источниках.

История многих официальных географических названий может быть прослежена по статистическим и картографическим источникам прошлых веков. Наиболее ранние фиксации наименований населенных мест относятся к XV–XVI векам, когда появились первые писцовые описания Карелии. На смену писцовым и переписным книгам пришли ревизские сказки, а в XIX веке – списки населенных мест. Особенности ойконимов в перечисленных источниках – отсутствие единообразия в облике названия, значительное варьирование от одного источника к другому и внутри одного документа. Так, название карельской деревни *Декнаволок* – *Dekunniemi* отражено в источниках как *Лаврентьевская* (1563), на *Ек-Наволоке* (1617), на *Лен-наволоке* (1646), *Декой-наволок* (1720), *Дек-Наволок* (1873)².

В приведенном хронологическом ряду наблюдается значительное варьирование, вызванное, с одной стороны, изменением правил написания сложных топонимов с дефисного на слитное, с другой, сменой самих топонимов на протяжении столетий (Лаврентьевская становится Декнаволоком). Явно видны и описки или, возможно, неправильные прочтения исследователями и издателями документов (Лен-наволок).

Унификация и современные правила русской передачи карельских ойконимов сформировались в более или менее завершенном виде только ко второй половине XX века.

Гидронимия представлена в тех же документах, но в более фрагментарном виде, чем ойконимы. Значительно полнее она присутствует на первых картах Карелии XVIII–XIX веков (Матюшкина, Клешнина, позднее – Шуберта и, например, Стрельбицкого). Облик названий рек и озер в целом вполне узнаваем, хотя некоторые базовые современные стандарты еще не устоялись. Так, сложные по структуре топонимы *Мунозеро*, *Пялозеро*, *Сямозеро* на карте Матюшкина и позднее выглядят как озера *Муно*, *Пяло*, *Сямо*. На карте Клешнина современные *Кумчозеро*, *Семчозеро* и оз. *Онгамукса* представлены в еще неадаптированном виде: *Кумсаярви*, *Семсоярви* и *Онгамусаярви*. На карте Стрельбицкого нередко раздельное написание: *Океръ Ламби*, *Метчи Ламби* и др. Есть погрешности в собственно передаче облика: р. *Нямля* вместо *Нялма* или *Воткозеро* на месте *Вохтозеро*. Карты XX века (например, карта Рабоче-крестьянской Красной армии 1941 года) свидетельствуют о том, что процесс унификации продолжался и в указанное время. Понятно, что это был двусторонний процесс. С одной стороны, происходили естественная, через этап двуязычия населения, фонологическая, морфологическая и семантическая адаптация карельских топонимов к русской топосистеме и закрепление их в документах. С другой стороны, государственные люди/структуры активно участвовали в фиксации топонимов на разных этапах.

Вторая стратегия составителей топографических карт, послуживших основой для ГКГН, – передача звучания в письменной форме. Такой подход предписывается действующей инструкцией по передаче географических названий на картах: «Нерусские географические названия на национальных территориях СССР, не относящиеся к обязательным, должны передаваться в русской транскрипции с языка преобладающей национальности на данной территории»³.

²Захарова Е.В., Муллонен И.И. Словарь названий населенных мест карелов-людиков / под общ. ред. И.И. Муллонен. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2021. С. 47.

³Общая инструкция по передаче географических названий на картах. М.: Изд-во геодез. лит., 1955. 32 с.

Этот способ применялся к топонимам, за которыми не стояла устойчивая традиция устного или письменного русского бытования. Подобные названия записывались топографами и геодезистами в ходе геодезических и картографических работ, в основном во второй половине XX века. Немногие из картографов знали местный язык и еще меньше – правила транскрибирования прибалтийско-финских названий с помощью русского алфавита. При транскрибировании неизбежно возникали ошибки, множащиеся на следующем этапе обработки материала. В итоге записанные с разного рода погрешностями топонимы становились официальными.

Самые распространенные погрешности обусловлены передачей нестандартных для русской фонетики звуков: долгих и переднеязычных гласных, дифтонгов, удвоенных согласных. Кроме того, ошибки были связаны с передачей сложной структуры карельских названий, с тем, что один и тот же карельский звук передавался в разных топонимах по-разному. Были и просто описки.

Картотека топонимов Карелии как коллекция оригинальной карельской топонимии. Конечная цель нашей работы – предложить инструкцию по передаче карельских топонимов на русский язык и, соответственно, внесение правок в ГКГН. Такие инструкции существуют и для целого ряда национальных регионов России, и для зарубежных топонимов. Однако, прежде чем это сделать, нужно собрать исходный материал, сопоставить данные реестра с оригинальными карельскими материалами и выявить стратегии, которые использованы в реестре, ошибки и описки, разнобой в передаче отдельных звуков, их сочетаний, сбои в отражении структурного членения сложных названий.

Основной источник для сверки – Научная картотека топонимов Карелии (НКТК), которая хранится в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (г. Петрозаводск). Она содержит более 300 тыс. топонимических карточек, полевых записей топонимов Карелии,

собранных сотрудниками института в ходе ежегодных полевых экспедиций, проводящихся с 1970 года. Материал собирается по программе, нацеленной на выявление всей совокупности топонимов (наименований макро- и микрообъектов) в окрестностях поселения. При этом в центре внимания находится как собственно лингвистическая (варианты названия, падежные формы, ударение, мотивация названия), так и внеязыковая (например, особенности названного объекта, его использование в хозяйственной деятельности населения) информация. Для полноты сбора и достоверности сведений применяется методика параллельного опроса нескольких человек.

Как правило, в НКТК карельские и вепсские по бытovanию топонимы записаны на латинице, в финно-угорской фонетической транскрипции, ориентированной на точную передачу звучания. Стратегия сверки написания вариаций прибалтийско-финского топонима требует комплексного подхода, учитывавшего различные аспекты (фонетические особенности, исторические контексты, лексические вариации и культурные факторы). Важно иметь в виду, что для топонимии свойственна вариативность: существование простых и сложных по форме вариантов (д. *Randu* ~ *Rannunkylä*), разных фонетических вариантов (хутор *Onofri* ~ *Onufrie*) и даже разных названий одного объекта (хутор *Abroi* ~ *Suvenhaudu*). Устное бытование ведет к целому ряду фонетических упрощений: редукции звуков на стыке элементов сложного топонима, ассимиляции, гаплогогии (наложению сходно звучащих слогов) и др. Кроме того, на облике топонима иногда сказываются народное переосмысление его содержания, новые исторические и культурные контексты, в которых он оказывается с течением времени. В редких случаях вариант, зафиксированный в ГКГН и опирающийся на записи середины XX века, может быть более адекватен и близок к первоначальному оригиналу, чем записи в НКТК. Поэтому сверка – процесс двусторонний, который приходится проводить на более широком карельском

(вепсском), а иногда – прибалтийско-финском материале.

Важная составляющая полевого сбора – картографирование собранного материала, т. е. нанесение его на топонимическую карту. Как показал опыт использования карт, встречаются случаи несовпадения привязки топонимов на карте к тем объектам, на которые указывают местные жители [9].

Помимо собственно НКТК задействуется также создающийся на ее основе электронный геоинформационный ресурс «ТопКар – Топонимия Карелии»⁴, позволяющий хранить, классифицировать и анализировать топоним по многим базовым параметрам, касающимся как его лингвистической, так и внеязыковой стороны. Для разработки ресурса используются полевые данные НКТК, а также информация ГКГН.

Этапы работы по выявлению погрешностей в ГКГН. Выявление ошибочных записей в ГКГН проводится в несколько этапов.

1. Сбор исходных данных. Этот этап возник из-за неудобств соотносить напрямую топонимию ГКГН с карельскими оригиналами. ГКГН сформирован в алфавитном порядке, без учета административной и географической привязки, что затрудняет поиск карельского аналога, поскольку основной источник карельских топонимов (НКТК) сформирован как раз по административному принципу: район – сельсовет – деревня. Следовательно, используются географические карты, позволяющие свести ГКГН и НКТК и отражающие наглядно систему топонимов в зоне определенного поселения, на которые опирается ГКГН.

На данном этапе составляется список топонимов с одного листа карты или находящихся в окрестностях выбранного населенного пункта. Топоним с карты проверяется на присутствие в ГКГН.

2. Поиск для каждого названия соответствующего карельского топонима в НКТК или на электронном ресурсе «ТопКар». Использование

двух источников вызвано тем, что только примерно 1/3 материалов НКТК переведена в настоящее время в электронный вид (около 60 тыс. фиксаций). В ряде случаев приходится обращаться к исходным полевым дневникам, поскольку значительная часть материала не представлена в НКТК и не внесена в электронную базу.

3. Занесение собранного с карт материала в электронную базу «ТопКар», где есть возможность связать его с соответствующим карельским названием. В качестве источника топонима указывается и топонимическая карта, и ГКГН. Одновременно вносятся в базу и карельские топонимы. Так формируется электронная база данных для проведения исследования.

В настоящий момент главная проблема, тормозящая сбор материала, – большой объем топонимов в «ТопКаре» и НКТК в сравнении с ГКГН. Не во всех случаях удается обнаружить исходный, карельский оригинал для официального русского названия из ГКГН. Оснований несколько. Есть топонимы, которые не были собраны по какой-то причине в полевых экспедициях (вышли из употребления или, например, в полевых материалах и на картах оказались зафиксированы разные названия одного объекта). Надо иметь в виду и то, что картографические съемки и запись названий проходили на территории южной Карелии в начале 1950-х годов, на территории северной – в 1960-е, когда сеть поселений была значительно шире и, соответственно, бытовали топонимы, через четверть века, во время сбора топонимов в Карелии, уже исчезнувшие в связи с утратой целого ряда поселений.

Иначе говоря, карты – ценный топонимический источник, и остается только сожалеть, что запись топонимии велась не вполне квалифицированно. Для устранения пробелов приходится привлекать дополнительные карельские топонимические данные. Среди них наиболее ценные полевые материалы, которые со-

⁴ТопКар – Топонимия Карелии. URL: <http://topkar.krc.karelia.ru/ru> (дата обращения: 11.09.2024).

бириались во время Великой Отечественной войны (в основном в 1943 году) финнами. Эти полевые дневники хранятся в Топонимическом архиве Финляндии, и Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра получил их копии в конце XX века. В настоящее время удается выстроить пары из карельского и русского вариантов топонима примерно в 75–80 % случаев.

4. Заполнение вкладки «Ошибочное написание» в системе «ТопКар», куда выносится явно ошибочное или сомнительное написание топонима с указанием источника (топонимическая карта или ГКГН). Это позволяет в дальнейшем автоматически отбирать все ошибки и анализировать их.

В качестве примера приведем небольшой фрагмент озерных именований окрестностей Щеккилы (в составе Ведлозерского сельского поселения Пряжинского района Республики Карелии). В НКТК содержится информация о 17 озерах и их ливвиковских названиях. При этом лишь 10 лимнонимов в русифицированном виде вынесены в ГКГН: озера *Сориколамби*, *Харитан*, *Оникеламби*, *Юрмеколамби*, *Щеккила*, *Кайджари*, *Габозеро*, *Витяри*, *Каскозеро*, *Агвейярви*. Сопоставление с карельскими оригиналами показало, что по крайней мере три вызывают вопросы:

1) *Уоккламби* – ливв. *Ukonlambi*: *ukko* – Gen. *ukon* ‘дед’, т. е. ‘Дедова ламба’. Здесь явная описка в передаче карельского показателя, генитива *-n*, замененного в русском буквой *-k* (описка);

2) *Оникеламби* – ливв. *Onikeinlambi*: *Onikei* – Gen. *Onikeinlambi* ‘ламба Аникея’. Выпущено окончание генитива: на границе двух элементов сложного топонима оно редуцировано, звучит слабо, и сборщик его не услышал;

3) *Сориколамби* – ливв. *Suorikkolambi*: *suorikko* ‘островок’. В данном случае две принципиальные позиции отличают русскую запись от ливвиковского оригинала: передача дифтонга *uo* одиночным русским *o* и отсутствие геминаты, несвойственной русской фонетике, т. е. ливв. *kk* → рус. *k*.

Далее происходит работа с выявленными погрешностями и в результате анализа принимается

решение, что однозначно подлежит исправлению, а что требует специального исследования. Так, решение по интеграции в официальную русскую топосистему несвойственных русской фонетике звуков следует принимать в общем ряду других топонимов с аналогичными признаками и вырабатывать единые правила. Например, дифтонги чаще передаются одиночными гласными, чем сочетанием двух гласных. В то же время в одних случаях удвоенная согласная геминат передается в русском написании, в других – нет. Здесь нужно общее принципиальное заключение.

Подводя итог, можно выделить следующее. Во-первых, основная масса погрешностей в передаче карельских топонимов в ГКГН представлена в микротопонимах, не имеющих длительной и закрепленной в источниках традиции русского написания. Они перекочевали в ГКГН из топографических карт-километровок, запись топонимов на которых производилась не профессиональными лингвистами, а картографами/топографами/геодезистами в процессе ведения съемок местности для составления карт.

Во-вторых, для выявления ошибочных записей карельских топонимов в ГКГН важны наличие карельского оригинального топонима и соблюдение способов адаптации карельских (прибалтийско-финских) названий к русской топосистеме. Источником первых является НКТК и создающийся на ее основе электронный ресурс «ТопКар». В настоящее время удается идентифицировать, выстроить пары из оригинального карельского топонима и его русского официального эквивалента примерно в 75–80 % случаев. Основные способы интеграции прибалтийско-финских топонимов в русское бытование исследованы на материале субстратной топонимии так называемой русской Карелии [10]. Они носят универсальный характер и в полной мере пригодны для решения задачи формирования официальной русской топонимии на карельской языковой территории. Сложности связаны с передачей звуков и их комбинаций, а также структурных особенностей, отсутствующих в русском языке или маргинальных для него.

Список литературы

1. Морозова М.Н. Процедура присвоения официальной формы названиям географических объектов // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика: сб. ст. памяти Е.М. Постелова / отв. ред. А.В. Баандеев. М.: Наука, 2009. С. 262–276.
2. Судаков Г.В. Проблемы употребления названий населенных пунктов (на примере ойконимии Вологодской области) // Вопр. ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 193–204. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.039
3. Качалкова Ю.А. Лексикографические проблемы урбанонимии: на материале названий топообъектов Екатеринбурга и Челябинска // Вопр. ономастики. 2018. Т. 15, № 3. С. 212–222. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.3.038
4. Баандеев А.В. О пользе новой редакции Правил русского правописания для орфографии топонимов // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика: сб. ст. памяти Е.М. Постелова / отв. ред. А.В. Баандеев. М.: Наука, 2009. С. 207–214.
5. Арутюнова Е.В., Бешенкова Е.В., Иванова О.Е. Прописные и строчные буквы в географических и административно-территориальных названиях: академические правила русской орфографии // Вопр. ономастики. 2020. Т. 17, № 2. С. 256–277. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.027
6. Постелов Е.М. Транскрипция географических названий. М.: РИО ВТС, 1957. 134 с.
7. Суперанская А.В. Теоретические основы практической транскрипции. М.: Наука, 1978. 283 с.
8. Дамбуев И.А. Причины топонимического варьирования (на примере топонимии Бурятии) // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. 2012. № 7(66). С. 244–248.
9. Захарова Е.В., Кузьмин Д.В., Муллонен И.И. Карельская топонимия в Государственном каталоге географических названий: работа над ошибками // Вопр. ономастики. 2022. Т. 19, № 3. С. 256–281.
10. Муллонен И.И. Материалы к «словарю топонимов Карелии» // Альм. североевроп. и балт. исслед. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materialy-k-slovaryu-toponimov-karelii> (дата обращения: 11.09.2024).

References

1. Morozova M.N. Protsedura prisvoeniya ofitsial'noy formy nazvaniyam geograficheskikh ob"ektov [The Procedure for Assigning an Official Form to Names of Geographical Objects]. Barandeev A.V. (ed.). *Voprosy geografii. Sb. 132. Sovremennaya toponimika* [Issues of Geography. Coll. 132. Modern Toponymy]. Moscow, 2009, pp. 262–276.
2. Sudakov G.V. Settlement Names: Problems of Conventional Usage (with Reference to Oikonyms of the Vologda Region). *Voprosy onomastiki*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 193–204 (in Russ.). https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.039
3. Kachalkova Yu.A. Lexicographic Problems of Urbanonymy: Names of Topographic Objects in Ekaterinburg and Chelyabinsk. *Voprosy onomastiki*, 2018, vol. 15, no. 3, pp. 212–222 (in Russ.). https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.3.038
4. Barandeev A.V. O pol'ze novoy redaktsii Pravil russkogo pravopisaniya dlya orfografii toponimov [On the Benefits of the New Edition of the Rules of Russian Spelling for Toponyms]. Barandeev A.V. (ed.). *Voprosy geografii. Sb. 132. Sovremennaya toponimika* [Issues of Geography. Coll. 132. Modern Toponymy]. Moscow, 2009, pp. 207–214.
5. Arutyunova E.V., Beshenkova E.V., Ivanova O.E. Uppercase and Lowercase Letters in Geographical and Administrative Territorial Names: Academic Rules of Russian Spelling. *Voprosy onomastiki*, 2020, vol. 17, no. 2, pp. 256–277 (in Russ.). https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.027
6. Pospelov E.M. *Transkriptsiya geograficheskikh nazvaniy* [Transcription of Geographical Names]. Moscow, 1957. 134 p.
7. Superanskaya A.V. *Teoreticheskie osnovy prakticheskoy transkriptsii* [Theoretical Foundations of Orthographic Transcription]. Moscow, 1978. 283 p.
8. Dambuev I.A. Prichiny toponimicheskogo var'irovaniya (na primere toponimii Buryatii) [Reasons of Toponymical Variation (on Example of Toponymy in Buryatia)]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2012, no. 7, pp. 244–248.

9. Zakharova E.V., Kuzmin D.V., Mullonen I.I. Karelian Toponymy in the State Index of Place Names: Mistakes Correction. *Voprosy onomastiki*, 2022, vol. 19, no. 3, pp. 256–281 (in Russ.).

10. Mullonen I.I. Materialy k “slovaryu toponimov Karelii” [Materials to the *Dictionary of Karelia’s Place-Names*]. *Al’manakh severoevropeyskikh i baltiyskikh issledovaniy*, 2018, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/materialy-k-slovaryu-toponimov-karelii> (accessed: 11 September 2024).

Информация об авторе

П.А. Хорохорин – младший научный сотрудник, аспирант сектора языкоznания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (адрес: 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11).

Information about the author

Pavel A. Khorokhorin, Junior Researcher, Postgraduate Student, Linguistics Section, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (address: ul. Pushkinskaya 11, Petrozavodsk, 185910, Russia).

Поступила в редакцию 09.11.2024

Одобрена после рецензирования 21.04.2025

Принята к публикации 23.04.2025

Submitted 9 November 2024

Approved after reviewing 21 April 2025

Accepted for publication 23 April 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 4. С. 75–87.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 75–87.

Научная статья
УДК [81'42+811.111]:378
DOI: 10.37482/2687-1505-V451

Устный жанр *Vice-Chancellor's Address*: структурно-композиционные, синтаксические, лексико-семантические характеристики коммуникативного события

Сергей Георгиевич Николаев¹✉

Марина Анатольевна Сухомлинова²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹e-mail: nikolaev_s@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6896-5034>

²e-mail: marinasukhomlinova74@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4092-1480>

Аннотация. Настоящая работа представляет собой попытку интегративного лингвистического анализа англоязычного ежегодного обращения ректора университета к академическому сообществу. Исследование выполнено в рамках современной теории дискурса и рассматривает ректорское обращение как сложившийся, традиционный устный речевой жанр *Vice-Chancellor's Address*. В статье поднимаются вопросы квалификации и взаимного соотношения понятий «устная коммуникация», «текст», «дискурс» и «жанр». Каждое из этих понятий трактуется в органической связи с прилагательным-детерминантом «академический». К структурно-композиционным особенностям обращения ректора относится членение сообщения на 4 логически расположенные части – предтекст, вступление, основная часть, итог. Синтаксические особенности проявляются в виде приемов и средств актуального синтаксиса, выражающих смысловые категории проспекции и ретроспекции. Область синтаксиса обнаруживает и случаи намеренного употребления логических связок, риторических вопросов, инверсии, вариативного синтаксического параллелизма. Среди лексико-семантических признаков рассматриваемого жанра особыми коммуникативными функциями наделены: лексический повтор (как словесный, так и смысловой); слова и выражения с количественными семами, в т. ч. цифровые данные; топонимы; аббревиатуры; термины; цитаты; «сигнальная лексика»; отдельная группа вводимых в обращение слов и выражений. Последняя по своим семантическим характеристикам призвана конструировать и передавать позитивный образ «своего» учебного заведения (история и престиж, международная деятельность, качество образования, миссия, перспективы развития и т. п.). Содержательной базой при подготовке и реализации обращения ректора как устного жанра англоязычной академической коммуникации прежде всего выступает авторское видение задач, стоящих перед университетом, и путей их предельно оптимального, эффективного решения.

Ключевые слова: англоязычный академический дискурс, устный речевой жанр, коммуникативное событие, публичное выступление, ежегодное обращение ректора, структурные и композиционные особенности, синтаксические особенности, лексико-семантические особенности

Для цитирования: Николаев, С. Г. Устный жанр *Vice-Chancellor's Address*: структурно-композиционные, синтаксические, лексико-семантические характеристики коммуникативного события / С. Г. Николаев, М. А. Сухомлинова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 75-87. – DOI 10.37482/2687-1505-V451.

Original article

Vice-Chancellor's Address as an Oral Genre: Structural, Compositional, Syntactic and Lexico-Semantic Features of the Communicative Event

Sergey G. Nikolaev¹✉

Marina A. Sukhomlinova²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹e-mail: nikolaev_s@bk.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6896-5034>

²e-mail: marinasukhomlinova74@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4092-1480>

Abstract. This article presents an integrative linguistic analysis of the annual English-language address of a university vice-chancellor to the academic community. The research was performed within the framework of contemporary discourse theory and views the vice-chancellor's address as an established traditional oral speech genre. The paper raises the questions of qualifying and balancing the notions of oral communication, text, discourse, and genre; each of these is interpreted in a symbiotic connection with the determining adjective 'academic'. The structural and compositional features of the vice-chancellor's address include the subdivision of the speech into four logically arranged parts: pre-text, introduction, main body, and conclusion. The syntactic features manifest themselves as means and devices of information packaging that express the semantic categories of prospection and retrospection. In addition, we can observe cases of intentional use of logical connectives, rhetorical questions, inversion, and variable syntactic parallelism. Special communicative functions are performed by the following lexicosemantic features of the genre under discussion: repetition (reiteration of both words and senses); words and phrases expressing quantity, numerical data included; toponyms; abbreviations; terms of science; quotes; words representing key concepts of the speech; and a separate group of lexical units. The latter, through their semantic features, serve to create and promote a positive image of the institution (its history and prestige, international activities, quality of education, mission, prospects for development, etc.). The preparation and delivery of the vice-chancellor's address as an oral genre in the English-language academic communication is primarily based on the speaker's idea of challenges faced by the university and the most effective ways of responding to them.

Keywords: English-language academic discourse, oral speech genre, communicative event, public speech, annual vice-chancellor's address, structural and compositional features, syntactic features, lexical and semantic features

For citation: Nikolaev S.G., Sukhomlinova M.A. Vice-Chancellor's Address as an Oral Genre: Structural, Compositional, Syntactic and Lexico-Semantic Features of the Communicative Event. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 75–87. DOI: 10.37482/2687-1505-V451

Введение. Большинство исследователей сходится во мнении, что академическая коммуникация – это и процесс информационного взаимодействия между учеными [1, с. 243–246], и совокупность видов профессионального общения внутри научного сообщества [2]. Такую коммуникацию можно рассматривать и как комплекс средств распространения информации в академической среде [3, с. 58], и как механизм распространения научных идей. Проводником академической коммуникации выступает академический (или, шире, научно-академический) дискурс – не только умеренно герметичный, реализуемый в рамках жанровых установок и правил, но и наиболее эффективный инструмент общения в учебных заведениях. При интегрированном подходе академический дискурс – это нормативно организованное речевое взаимодействие, обладающее как лингвистическим, так и экстралингвистическим планами, учитывающее статусно-ролевые характеристики участников [4, с. 298].

В основе устройства любого современного британского университета лежит иерархический принцип. В его составе – собственно университет в классическом смысле слова, университетские колледжи, политехнические вузы. Университет Кембриджа – одно из самых престижных в мире учебных и исследовательских заведений, и в нем издавна бытует традиция ежегодных обращений ректора. Текстологически обращения выделяются в самостоятельный речевой жанр (об аналогичных коммуникативных событиях в российских университетах с позиции теории жанров – генристики см., например: [5]), а жанр, общеизвестно, следует расценивать как инструмент прочтения, причем не только в теории литературы [6], но и в теории текста и дискурса (функциональной корреляции феноменов в диаде «жанр – институциональный дискурс» посвящена статья [7]).

Причины и назначение публичного обращения административного главы университета могут быть разными. Выделяются, например, инаугурационные речи / *inaugural speeches*;

приветственные речи / *welcoming speeches*, *opening speeches*; в именованиях обращений могут употребляться такие лексемы, как *oration* (*annual oration to the university*) и *address*. Настоящее исследование предполагает анализ ежегодных обращений ректора университета Кембриджа в контексте теории дискурсивных жанров. Два смысловых узла подобных речей – это подведение итогов прошедшего академического года и определение перспективных направлений дальнейшего развития заведения.

Цель статьи видится в комплексной лингвистической характеризации жанра *the annual address of the Vice-Chancellor* / ежегодное обращение ректора посредством выявления его структурно-композиционных, лексико-семантических и синтаксических особенностей в контексте современного англоязычного академического дискурса. Целью обусловлены следующие задачи: описать общие признаки названного дискурсивного жанра; выявить его структурно-композиционные особенности; определить лексико-семантическую специфику; обрисовать преимущественные синтаксические черты.

Актуальность работы состоит в необходимости более детального рассмотрения современного англоязычного академического дискурса, в выделении и описании в нем до сих пор не изученных, но вполне сформировавшихся жанров устной академической коммуникации – на фоне существующих исследований письменных жанров, таких как англоязычная научная статья [8]. Актуальность заключается и в необходимости научного осмыслиения разнонаправленных векторов воздействия на аудиторию, оказываемого неординарным, «законовым» субъектом коммуникации – ректором университета и представленного его ежегодными обращениями к академическому сообществу.

Материалы и методы. В качестве репрезентативного эмпирического материала нами были отобраны 7 речей ректора Кембриджского университета с 2011 по 2017 год, обращенных к студенческому и профессорско-преподавательскому составу (далее в статье они обозначают-

ся цифрами от 1 до 7). Все они доступны на сайте университета¹. Общий объем письменного текста – около 75 стандартных страниц (≈ 135 тыс. символов).

Анализируемые обращения были составлены и произнесены одним лицом – сэром Лесеком Борисевичем / Sir Leszek Borysiewicz, занимавшим пост ректора в указанный период. Начиная с 2014 года сайт университета размещает не только письменные скрипты, но и видеозаписи обращений. Таким образом, письменно-текстовый формат оказывается дополненным аудиовизуальной презентацией.

Предмет, цель и задачи исследования обусловили комплексное использование следующих общенакальных и собственно лингвистических методов: понятийный анализ, интерпретация и классификация материала, лингвистическое наблюдение и описание, композиционный анализ текста с элементами стилистической оценки речи, дискурсивный и контекстологический анализ, жанровый анализ, прием доказательной иллюстрации.

Обзор литературы. Теория речевых жанров продуктивно пользуется сегодня категорией дискурсивности, в частности при рассмотрении жанра как единицы моделирования дискурса (см. об этом: [9, 10]). Но и в обратной перспективе видовое понятие жанра, по мнению филологов, интегрировано в родовое понятие дискурса: «...научно-академический дискурс строится на синтезе оснований жанровой специфики, в которой сегодня наблюдается диффузность, вызывающая взаимопроникновение различных признаков» [11, с. 118]. На русском материале жанр ректорского обращения исследовался Т.С. Кунгурцевой и А.В. Ланских [5]. Что же касается англоязычного материала, то в наше поле зрения такие труды не попадали. Более того, ректорское выступление – вне зависимости от его национально-языкового воплощения – квалифицируется как отдельный, автономный речевой жанр впервые.

Результаты. Современный англоязычный академический дискурс представляет собой иерархический ряд научно-исследовательских и учебно-педагогических жанров. Под академическим дискурсом с исследовательским фокусом на понятии жанра подразумевается спектр речевых жанров, развивающихся в рамках продолжительной университетской деятельности. Иначе говоря, англоязычные академические жанры нормативны, стандартизованы, историчны.

В настоящее время понятие жанра достаточно активно привлекается к дискурсивному анализу, т. к. речевой жанр является той категорией, в которой объективируются дискурсивные механизмы и факторы речепорождения [12, с. 52]. Понятие жанра в лингвистике – явление относительно новое. Как отмечает В.В. Дементьев, лингвистическое изучение речевых жанров сводится к осмыслинию сущностной связи жанров и языка как моделей коммуникативного поведения, имеющих сходную природу [13, с. 16]. В общефилологическом смысле *жанр* трактуется нами как *совокупность исторически сложившихся и относительно устойчивых с позиций тематики, композиции и стиля текстов, которые используются в заданных условиях общения с целью решения конкретной коммуникативной задачи* [14, с. 92].

При характеризации конкретного речевого жанра целесообразно различать его важнейшие аспекты: 1) формальный: речевой жанр существует в качестве самостоятельного, завершенного текста/сегмента дискурса и в силу своей языковой природы обладает грамматическими, лексическими, стилистическими и структурно-композиционными особенностями; 2) коммуникативно-прагматический: речевой жанр представляет собой устойчивую форму, которая обслуживает коммуникативные нужды носителей языка и соотносится с типичной ситуацией речевого общения; 3) содержательный: речевой жанр имеет смысловую сторону; 4) когнитив-

¹University of Cambridge. URL: <https://www.cam.ac.uk/about-the-university/how-the-university-and-colleges-work/people/vice-chancellor/speeches> (дата обращения: 09.03.2025).

ный: речевой жанр является компонентом реальности и языковой картины мира [15, с. 15].

Жанры целесообразно рассматривать как жесткие схемы, обладающие диалогической природой, явной или скрытой. Жанры обнаруживают стандартные лингвистические признаки (тип «поглощающего» дискурса, ведущие стилевые черты, особенности лексического, синтаксического, композиционно-структурного оформления) и экстралингвистические идентификаторы (коммуникативная цель, адресность, объем речевого произведения, реализуемый в нем тип мышления, функция, инвариантные мотивы содержания) [14, с. 92]. *Vice-Chancellor's Address* – академический жанр официального общения, реализуемого по вектору «ректор → студенты, профессорско-преподавательский состав, администрация университета, гости университета, заинтересованные лица». По своему каналу передачи это устный жанр.

Рассмотрим **структурно-композиционные особенности** обращения ректора. Композиционный анализ показывает, что каждая речь условно распадается на 4 логические части: заглавие с последующим обозначением имени говорящего и даты обращения (разумеется, этот предтекстовый компонент актуализирован исключительно в письменной версии); вступление; основная часть; заключение (итог). Все речи примерно одинаковы по объему. Длительность каждой – около 6 мин. Основная часть обращения традиционно является наиболее масштабной и информативной; в речах разных лет она представлена различным набором подразделов – от 2 до 11, что обусловлено непосредственной темой выступления и задачами текущего момента.

Особую функционально-смысловую нагрузку несет *титул* – название речи. Титулы меняются каждый год, определяя новый вектор развития университета: *University of Cambridge. The New Imperatives* / Университет Кембриджа. Новые императивы (1); *The Scale of Our Ambition* / Шкала наших амбиций (2); *Choices and Responsibility* / Выбор и ответственность за него (3); *Responsibility* / Ответственность (4); *Partnership* / Партнерские отношения (5);

A Global Community / Глобальное сообщество (6); *Putting New Wine into Old Bottles* / Вливая молодое вино в мехи старые (7). Как следует из приведенных примеров, среди названий преувеличивают односоставные назывные предложения. Аналогичная ситуация наблюдается и с названиями подразделов: *Review of the year* / Обзор года; *Our transformative research* / Наши научные исследования, преобразующие мир; *Growth* / Рост; *Change* / Перемены; *Values* / Ценности; *The provision of education and research* / Обеспечение образовательного процесса и научных исследований; *Philanthropy* / Благотворительность; *Strength in the face of new challenges* / Сила перед лицом новых вызовов; *Excellence in research* / Выдающиеся достижения в области научных исследований. Если название речи ректора трактовать как заглавие ее письменной версии – текста, то следует признать, что «заглавие – это сжатый до минимума текст, а текст – это развитое заглавие» [16, с. 19].

Рассматривая **синтаксические особенности** материала, отметим, что продуцент, объединяя события прошлого и настоящего, а также анализируя влияние произошедших событий на будущее университета, делает это подчас посредством актуального синтаксиса. В текстах речей в заметном количестве представлены примеры предложений, в которых наблюдаются категории *проспекции* и *ретроспекции*. Следует также подчеркнуть, что в речах намечаются планы как на краткосрочную, так и на долгосрочную перспективы, например: *During this year, we have strengthened* [ретроспекция] *our ties with the City and County. Most important for the long term has been our engagement with the City Deal* [ретроспекция] (4) / В течение этого года мы укрепили наши связи с городом и округом. Самым важным в долгосрочной перспективе было наше участие в соглашении с городом.

Регулярно встречаются логические связи, соединяющие умозаключения продуцента речи в единую цепочку: *Firstly, what Cambridge contributes to society has been put into sharper focus. How is that contribution to be assessed and given its full value? This is of particular*

importance in the Arts, Humanities and Social Sciences (1) / Во-первых, особое внимание было уделено тому вкладу, который Кембридж вносит в развитие общества. Как оценить этот вклад и оценить по достоинству? Этот вопрос особенно важен в области искусства, гуманитарных и социальных наук. Связка *firstly* употребляется для структурирования, выстраивания речи с соблюдением логической последовательности идей.

В каждом выступлении ректора употребляются *вопросительные конструкции*, оформленные чаще всего как *риторические вопросы*: *So why, given our philanthropic heritage, do we need to continue to strengthen our engagement with donors?* I believe there are three key reasons (5) / *Итак, почему, учитывая наше наследие в сфере благотворительности, нам необходимо продолжать укреплять наше взаимодействие с донорами?* Я считаю, что для этого есть три основные причины. Использование риторических вопросов объясняется желанием говорящего придать речи большую выразительность с целью оказания эмоционального воздействия на слушателя, а в смысловом плане – указания на суть и смысл дальнейшего высказывания.

Наблюдаются случаи *инверсии*, которую следует рассматривать как принцип особой организации английской речи, помогающий говорящему избежать синтаксической монотонии: *Nor, by affirming our autonomy, are we resisting accountability* (3) / И при этом, заявляя о нашей независимости, мы не уходим от ответственности.

Имеются примеры *синтаксического параллелизма*, направленного на выделение наиболее существенных положений, повышение экспрессивности высказывания. Параллелизм способствует ритмической организации речи, членению ее на логические сегменты, а в устном выражении – актуализации интонационного эмфатического компонента: *In that time, there is scarcely a department he did not visit, scarcely a new building he did not open, scarcely a benefactor he did not meet and encourage and thank on our behalf* (1) / За это время едва ли

найдется факультет, который он не посетил, едва ли найдется новое здание, которое он не открыл, едва ли отыщется благотворитель, с которым он не встретился, не поддержал и не поблагодарил от нашего имени.

В приведенном примере параллелизм подкреплен и усилен троекратным повтором слова *scarcely* со значением «едва, еле, чуть» в инициальной позиции (анафора). Это свидетельствует о стремлении говорящего к организации текста по типу *выдвижения*, которое, как отмечает Н.М. Щаренская, «служит подсказкой, позволяющей находить ключ к распутыванию сложной системы взаимосвязей»; «...выдвижение связано с заметностью каких-либо элементов речевой стороны текста» [17, с. 90]. В нашем случае «заметным» элементом становится наречие, призванное, по обратной логике, не преуменьшить, а преувеличить, т. е. подчеркнуть и усилить смысл сказанного.

Именно синтаксическая составляющая академического дискурса, представленного речами ректора, со всей очевидностью демонстрирует стремление говорящего к построению эффективной академической коммуникации, которая подразумевает «достижение адекватного смыслового восприятия передаваемого сообщения в соответствии с замыслом продуцента» [18, с. 53].

Несмотря на то, что жанр ректорского обращения считается устным, а в устных высказываниях конвенциально доминирует синтаксический лаконизм, в речах периодически встречаются довольно объемные предложения разных типов – *простые, сложносочиненные и сложноподчиненные с перечислительными рядами, а также осложненные конструкциями с неличными глагольными формами*. Отмеченная черта свидетельствует о предположительном влиянии академической письменной речи, т. е. речи ученого, исследователя, «кабинетного работника», на устную презентацию: *The past academic year has certainly provided the expected turbulence, and has played out* [однородные члены] *largely to the tune of politics: clashing beliefs over what 'responsibility' means in an era*

of national deficit (1) / Прошедший учебный год, безусловно, вызвал ожидаемую турбулентность и в значительной степени определялся политикой: столкновение мнений по поводу того, что означает «ответственность» в эпоху национального дефицита.

В композиционно-содержательном отношении речь выстраивается таким образом, что в каждом последующем выступлении эксплицируется связь с предыдущим, прошлогодним. При этом намеренные референтные отсылки подобного рода не всегда размещаются во вступительной части, чего можно было бы ожидать с учетом требования когезии, создаваемой в новом тексте средствами затекстовой, экзофорической референции. Следует помнить, что из трех видов референтных связей, обеспечивающих когезию текста (анафорической, катафорической и экзофорической), именно последняя выводит реципиента за «физические границы» исходного сообщения, выстраивая «дискурс как мир», в который органически встроен «дискурс как текст» (более детально см.: [19, с. 39–40]): *Last year, I highlighted the importance of a strategic approach in giving a clear direction to research funders and potential benefactors, alongside the continued commitment to investigator-led research* (3) / В прошлом году я подчеркивал важность стратегического подхода и задавал четкое направление для спонсоров научных исследований и потенциальных благотворителей, а также говорил о неизменной приверженности исследованиям под руководством ученых. Выражение *last year* отсылает слушателя к прошлогодней речи ректора, эксплицируя связь между выступлениями и создавая непрерывный, хотя и фрагментированный, коммуникативный континуум.

Рассмотрим лексико-семантические особенности жанра. Лексический повтор часто бывает основан на реитерации одного и того же слова или словосочетания в пределах предложения или даже всего текста. Повторяющийся лексический элемент в таких случаях наделяется ключевыми смыслами: *There have been considerable successes already: as an example, take our eight*

strategic research initiatives and seven strategic research networks, initiated and developed by the academic community, working across schools, building research capacity and partnerships (3) / Уже достигнуты значительные успехи: в качестве примера можно привести наши 8 стратегических исследовательских инициатив и 7 стратегических исследовательских сетей, инициированных и разработанных академическим сообществом, работающих в разных школах, укрепляющих исследовательский потенциал и партнерские отношения. Как следует из примера, носителями ключевых смыслов выступают лексемы *strategic* и *research*.

Речь ректора характеризуется большим количеством примеров со ссылками на предыдущий опыт: *I was determined when I took up the post* [ссылка на собственный опыт] not only to maintain (or even improve) the quality of our educational offer, but also to widen its availability to talented applicants, wherever they were from (6) / Вступая в должность, я был полон решимости не только сохранить (или даже улучшить) качество нашего образовательного продукта, но и расширить его доступность для талантливых абитуриентов, откуда бы они к нам ни приехали. Здесь обращает на себя внимание инициальная фраза *I was determined*, передающая значение решимости, непреклонности, целеустремленности и переходящая в разряд речевых жанрообразующих клише. Персональное мнение говорящего – продуцента речи – также выражается типизированными оборотами *I would argue, I remain absolutely convinced, I am confident, I would argue* и др.

В текстах обращений часто приводится количественная (цифровая) информация, выраженная цифровыми данными, что служит доказательством или подтверждением тех или иных положений: *20 % of acceptances to Cambridge in the 2015 admissions cycle came from BME backgrounds – the highest it has ever been* (6) / 20 % поступивших в Кембридж в 2015 году были выпускниками БУТЭ [Будапештского университета технологий и экономики] – это самый высокий показатель за всю историю.

Ректор в обязательном порядке упоминает уход из жизни сотрудников университета. При этом используются такие лексемы и словосочетания, как *staggering* (метафорический эпитет), *incalculable* (эпитет-гиперболизация), *ultimate sacrifice, individual sacrifice* (метафоры), *tragic loss* (гипербола) и др., в которых отражается горе потери близких людей, подчеркивается важность свершений и поступков членов учебного и научного коллектива университета, выражается уважение к их достижениям.

Существенно, что в речах последовательно создается *позитивный образ своей страны – Великобритании – и ее граждан*. Вместе с тем отдельной смысловой линией в каждой речи проходит *создание позитивного имиджа своего заведения* путем сдержанного восхваления университета Кембриджа: говорящий напоминает о его престиже, долгой и богатой истории, качестве образования и т. п.; подчеркивает статус университета как научно-исследовательского центра; выражает уверенность в том, что университет справится со всеми вызовами, реальными или вероятными, в начавшемся учебном году. Соответственно, в речь вводятся лексемы *world-leading, internationally excellent* (об университете), *world-class staff and students* и др.: *Cambridge continues to be a world-leader in research – from the molecular level, to the human, to the cosmic* (7) / Кембридж продолжает оставаться мировым лидером в области научных исследований – от молекулярного уровня до человеческого и космического.

Наряду с этим вариативно подчеркивается значимость профессорско-преподавательского состава и студентов; указание на «свой» университет может быть имплицировано обобщением – упоминанием любого университета: *People – staff and students – are the bedrock of any university* (4) / Люди – сотрудники и студенты – являются основой любого университета.

Цитатность, включая самоцитирование, а также употребление прецедентных текстов – пословиц и поговорок, является заметной лингвистической чертой жанра: *In keeping with the international nature of partnership, I would*

like to close with a well-known but nonetheless apposite African proverb: "If you want to travel fast then travel alone. If you want to go far travel together" (4) / Придерживаясь международного характера партнерства, я хотел бы закончить известной, но тем не менее уместной африканской пословицей: «Если хочешь путешествовать быстро, путешествуй один. Если хочешь идти на дальнее расстояние, путешествуй вместе с другими людьми». Здесь цитата подчеркивает важность установления партнерских отношений между университетами, научными центрами, бизнес-сообществами: работая вместе, сообща, можно достичь высоких результатов и принести максимальную пользу обществу.

Одной из черт жанра является *персонализация дискурса* посредством передачи и описания личных размышлений (*personal reflection*) говорящего с употреблением местоимения *I: Allow me, if I may, to end on a more personal reflection. I have been asked a lot recently: what have I most enjoyed about my time as Vice-Chancellor? What will I remember most fondly?* (6) / Позвольте мне закончить более личными размышлениями. В последнее время меня часто спрашивают: что мне больше всего понравилось во время работы на посту ректора? Что я буду вспоминать с наибольшей теплотой? Из примера следует, что ректор старается сделать речь более привлекательной для аудитории, показать, что он и его слушатели – две равные стороны одного целого, проявить личностные качества и таким образом расположить к себе аудиторию.

Еще одной особенностью жанра выступает использование так называемой *сигнальной лексики* – слов и выражений, акцентирующих внимание читателя на ключевых понятиях речи. К ним относятся существительные *innovation, partnerships, growth, challenge, commitment, development, quality, excellence, research, achievement, leader* и др., глаголы *need, must, encourage, contribute, show, offer, believe, require, support, witness, contribute, strengthen*. В большинстве своем это лексемы, выражающие ответственность, мотивированность, ориентацию

на успех и т. д. От выступления к выступлению сигнальная лексика варьирует, но имеются и такие слова и сочетания, которые упоминаются во всех речах, что, с одной стороны, говорит об общей цели – предоставлении качественного высшего образования университетом Кембриджа, а с другой – об иных задачах, которые ставит руководство учебного заведения перед академическим сообществом в начале нового учебного года.

Лексический состав текстов заявленного жанра подразделяется на 4 основные относительно автономные группы: общеупотребительная лексика; общеобразовательная университетская / академическая лексика; общеучебная лексика / терминология; терминологическая, или узкоспециальная, лексика. Но ввиду отсутствия строгой ограниченности данного жанра рамками научного или образовательного дискурса первые две группы являются наиболее репрезентативными: *Today it comprises nearly 4000 researchers* [общенаучная лексика] *across all fields – the fastest growing staff group* (6) / *Сегодня в нем работают около 4 тыс. исследователей во всех областях – самая быстрорастущая группа сотрудников.*

В текстах выступлений наблюдается использование эмотивной (например, *dear*) и оценочной лексики. Оценочность чаще всего представлена адъективами (*memorable, unique, significant, highest, considerable, insufficient, exceptionally successful, inspirational, extraordinary, essential, paramount* и др.); реже встречаются номинативы (*success, failure, importance, strength* и др.). Как правило, ректор употребляет оценочные единицы с целью создания позитивного образа своей страны и ее граждан (например, *thoughtful and educated citizens*); подчеркивания престижа своего университета (например, *leading university*); описания учебного года (например, *tumultuous year, challenging year*); оценки отдельных персоналий (например, *outstanding individuals*) и научной карьеры (например, *successful research careers*); описания истории страны (например, *a rich cultural history*), перемен в обществе (например, *grand challenges*), целей (например,

ambitious goals), событий (например, *the most memorable events*), кампаний (например, *the most ambitious campaign ever launched by a UK university*) и т. д.

Использование аббревиатур ограничено, но регулярно встречаются сложносоставные слова, такие как *much-envied, multi-disciplinary, Cambridge-led, bottom-up, top-down, short-term, long-term, Pro-Vice-Chancellor, investigator-led*.

Благодарность аудитории выражается с помощью глагольных фраз *thank on our behalf, owe him a debt of gratitude* и др.

В речах упоминаются *важные исторические события, даты, а также имена известных персонажей, исторических личностей, оказавших влияние на развитие общества* (Ньютон, Колумб, Гуттенберг, Черчилль и др.): *In October 1943 at the height of the Second World War, Churchill received an Honorary Degree from Harvard University and he gave an inspiring speech* (4) / *В октябре 1943 года, в разгар Второй мировой войны, Черчилль получил почетную степень Гарвардского университета и выступил с вдохновляющей речью.* Здесь, с одной стороны, приводится информация о важнейшем событии XX века, изменившем ход истории, – о Второй мировой войне, с другой – упоминается имя премьер-министра Великобритании У. Черчилля. Знакомство с историческими событиями и людьми, творившими историю, вдохновляет аудиторию, укрепляет принадлежность к своему народу, заставляет испытывать гордость, служит источником вдохновения.

Ректор отмечает *основную миссию* университета – служение обществу путем предоставления качественных и соответствующих времени знаний, постоянного и успешного ведения научных исследований: *If we are to be true to our mission, it is imperative that we remain among the top tier of global research institutions. I would not be doing my job if I did not seek to protect and nurture the diversity of income streams that are vital to deliver that mission* (5) / *Если мы хотим быть верными своей миссии, крайне важно, чтобы мы оставались в числе ведущих мировых*

исследовательских институтов. Я бы не занимался своей работой, если бы не стремился защищать и развивать разнообразие источников дохода, которые жизненно важны для выполнения этой миссии. Использование лексем *mission* и *top tier* подчеркивает, что говорящий осознает престижность возглавляемого им университета. При этом он понимает важность и, главное, сложность сохранения и преумножения позиций заведения.

Чрезвычайно показателен в смысловом отношении фактический финал речи, оказывавший усиленный эффект на слушателя/читателя как безусловная сильная позиция текста. И в связи с этим интересно то, что автор обращения (а это одно и то же лицо) завершает каждую речь по-разному. Так, в последнем предложении речи (1) говорится об императивах (т. е. принципах, правилах и требованиях, обязательных к исполнению), которые требуют особого к себе внимания и новых подходов: *The imperatives for the world of 2012 may seem familiar, but they command new attention and require fresh commitment – a task to which all of us must rise* (1) / *Задачи, стоящие перед миром в 2012 году, могут показаться знакомыми, но они требуют нового внимания и новых обязательств – задача, с которой все мы должны справиться.* В финале текста (2) говорящий привлекает внимание слушателей к тому факту, что университет Кембриджа благодаря качественному обучению и проведению научных исследований преображает жизнь общества и тем самым стимулирует другие университеты мира соответствовать высокому уровню образования и науки. Окончание речи (3) содержит данные, которые подчеркивают лидирующие позиции университета внутри страны и за рубежом. Текст речи (4) завершается цитатой, а финал обращения (5) гласит, что благодаря партнерским отношениям университет способен изменить мир к лучшему во имя всеобщего блага. Подводя итоги в речи (6), говорящий подчеркивает, что ответственность, возлагаемая на человека его должности, спустя год будет передана преемнику, но у него самого

навсегда останется чувство сопричастности к Кембриджскому университету. Речь (7) завершается цитированием речи британского политика XX века Клемента Ричарда Эттли: *"I think the British", he said, "have the distinction above all other nations of being able to put new wine into old bottles without bursting them" / "Я думаю, – сказал он, – что британцы отличаются от всех других наций тем, что умеют вкладывать новое содержание в старую форму".* Таким финалом говорящий словно поднимает роль и значение возглавляемого им университета до общенационального уровня. При этом нивелировать пафос ему удается благодаря библейскому метафорическому обороту, включающему образы «молодого вина» (актуальных знаний), «старых мехов» (университетских традиций) и «неслучившихся взрывов» (умение избегать коллизий и кризисов). В письменной версии лексика финала используется в качестве опорной в названии речи.

Отмеченная специфика завершающих сегментов ректорских выступлений свидетельствует об очевидной неспонтанности, тщательной продуманности и предварительной содержательной и композиционной выверенности публичных речей, а также чувстве социальной ответственности, с которым говорящий подходит к каждому выступлению. Таким образом, лингвистический анализ ежегодных публичных обращений ректора университета Кембриджа выявляет прототипическую природу текста, а само выступление может быть названо сложившимся текстотипом, по набору своих характеристик сравнимым с любым иным аналогичным феноменом в рамках конкретного дискурсивного жанра (см. об этом: [20]).

Заключение. Итак, англоязычный академический дискурс, представленный обращениями ректора, есть традиционная, нормативная, специализированная коммуникативная практика, отвечающая основным формальным и содержательным критериям, которыми определяется любой сформировавшийся вербальный жанр. Рассматриваемые тексты реализуются в двух форматах – устном и письменном; первичной

является устная презентация, письменная – вторичной. Важным параметром ректорского выступления следует считать его композиционную организацию. Сфера лексического и синтаксического как основополагающие жанровые составляющие представляются взаимно согласованными; и лексическая, и синтаксическая компоненты текста подчинены авторским интенциям как с позиций выражаемых ими смыслов, так и с точки зрения заложенной в сообщении экспрессивности. Бесспорной основой жанрообразования в данном случае служит авторский взгляд на насущные проблемы университетской жизни и пути их решения.

Средства воздействия на реципиента (прагматика высказывания) можно разделить

на две категории. В сфере лексики видим тщательный отбор слов и выражений, обусловленный стремлением говорящего к ясности, лаконизму, определенности, недвусмыслиности излагаемых идей и положений. В сфере синтаксиса доминируют достаточно объемные, при этом емкие по содержанию предложения практически всех типов. Важную роль играет вариативный повтор (ключевых слов и сочетаний), во многих случаях служащий основой для построения синтаксического параллелизма. В композиционном отношении существенное значение придается названию, заключительному сегменту речи; основную смысловую нагрузку несет на себе срединная часть сообщения.

Список литературы

1. Шеннон К.Э. Работы по теории информации и кибернетике: сб. ст.: пер. с англ. / предисл. А.Н. Колмогорова; под ред. Р.Л. Добрушина, О.Б. Лупанова. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. 829 с.
2. Мирский Э.М., Барботько М.М., Войтов В.А. Научная коммуникация: традиционные структуры и новые средства // Тр. Ин-та систем. анализа Рос. акад. наук. 2010. Т. 55. С. 155–171.
3. Левченко В.В., Агрикова Е.В., Воронина М.А. Формирование навыков академической коммуникации: организация работы // Высш. образование в России. 2017. № 4(211). С. 58–62.
4. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: моногр. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2006. 392 с.
5. Кунгурцева Т.С., Ланских А.В. Особенности жанра печатного обращения (на материале обращения ректора УрФУ к студентам) // Книжное дело: достижения, проблемы, перспективы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. Вып. 5. С. 54–58.
6. Жанр как инструмент прочтения: сб. ст. / под ред. В.И. Козлова. Ростов н/Д.: Инновац. гуманит. проекты, 2012. 234 с.
7. Колмогорова А.В., Козачина А.В. Жанр речи в динамике дискурса // Terra Linguist. 2023. Т. 14, № 4. С. 79–94. <https://doi.org/10.18721/JHSS.14406>
8. Вахтерова Е.В. Жанрово-видовые характеристики англоязычной исследовательской статьи: анализ содержательной макроструктуры разделов «Результаты» и «Обсуждение» // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 2. С. 78–86. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V168>
9. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / под ред. Н.А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 405 с.
10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
11. Обдалова О.А., Харапудченко О.В. Когнитивно-прагматические и лингвостилистические характеристики англоязычного устного научно-академического дискурса // Яз. и культура. 2019. № 46. С. 102–125.
12. Алефиренко Н.Ф. Речевой жанр, дискурс и культура // Жанры речи: сб. науч. ст. / отв. ред. В.В. Дементьев. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов: Изд. центр «Наука», 2007. С. 44–55.
13. Дементьев В.В. Аспекты проблемы «жанр и язык»: жанры речи и... «язык речи»? // Жанры речи: сб. науч. ст. / отв. ред. В.В. Дементьев. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. С. 5–22.
14. Сухомлинова М.А. Дискурсивные жанры академической коммуникации: лингвостилистический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д., 2024. 600 с.

15. Покровская Е.А., Дудкина Н.В., Кудинов Е.В. Речевые жанры в диалоге культур. Ростов н/Д.: Foundation, 2011. 200 с.
16. Николаев С.Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов. Ч. II. Онтологические, корреляционные и функциональные характеристики иноязычия в поэзии. Ростов н/Д.: Старые русские, 2005. 295 с.
17. Щаренская Н.М. Особенности выдвижения в художественном творчестве А.П. Чехова (к постановке проблемы) // Науч. мысль Кавказа. 2023. № 3. С. 89–97.
18. Зубкова О.С., Никитичев И.Г. Убеждение как стратегия речевого воздействия в академическом дискурсе билингвов // Terra Linguist. 2023. Т. 14, № 4. С. 52–66. <https://doi.org/10.18721/JHSS.14404>
19. McCarthy M. Discourse Analysis for Language Teachers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. 224 p.
20. Иванова С.В. Новость как дискурсивный жанр: не отсутствующая структура // Terra Linguist. 2022. Т. 13, № 3. С. 7–14. <https://doi.org/10.18721/JHSS.13301>

References

1. Shannon C.E. *Raboty po teorii informatsii i kibernetike* [Works on the Theory of Information and Cybernetics]. Moscow, 1963. 829 p.
2. Mirskiy E.M., Barbot'ko M.M., Voytov V.A. Nauchnaya kommunikatsiya: traditsionnye struktury i novye sredstva [Scientific Communication: Traditional Structures and New Means]. *Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossiyskoy akademii nauk*, 2010, vol. 55, pp. 155–171.
3. Levchenko V.V., Agrikova E.V., Voronina M.A. Development of Academic Communication Skills: Methods of Work Organization. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2017, no. 4, pp. 58–62 (in Russ.).
4. Kulikova L.V. *Kommunikativnyy stil' v mezhl'urnoy paradigmе* [Communicative Style in the Cross-Cultural Paradigm]. Krasnoyarsk, 2006. 392 p.
5. Kungurtseva T.S., Lanskikh A.V. Osobennosti zhanra pechatnogo obrashcheniya (na materiale obrashcheniya rektora UrFU k studentam) [Genre Features of a Printed Address (Based on the Address of Vice-Chancellor of the Ural Federal University to Students]. *Knizhnoe delo: dostizheniya, problemy, perspektivy* [Publication: Achievements, Problems, Prospects]. Yekaterinburg, 2015, no. 5, pp. 54–58.
6. Kozlov V.I. (ed.). *Zhanr kak instrument prochteniya* [Genre as a Tool for Interpretation]. Rostov-on-Don, 2012. 234 p.
7. Kolmogorova A.V., Kozachina A.V. Speech Genre in Discourse Dynamics. *Terra Linguist.*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 79–94 (in Russ.). <https://doi.org/10.18721/JHSS.14406>
8. Vakhterova E.V. Genre-Specific Characteristics of the English Research Article: Analysis of the Content Macrostructure of the Results and Discussion Sections. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, no. 2, pp. 78–86. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V168>
9. Borisova I.N. *Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika* [Russian Spoken Dialogue: Structure and Dynamics]. Yekaterinburg, 2001. 405 p.
10. Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of Discourse Theory]. Moscow, 2003. 280 p.
11. Obdalova O.A., Kharapudchenko O.V. Kognitivno-pragmatische i lingvostilisticheskie kharakteristiki angloyazychnogo ustnogo nauchno-akademicheskogo diskursa [Cognitive Pragmatic and Linguistic Characteristics of English Scientific Academic Discourse]. *Yazyk i kul'tura*, 2019, no. 46, pp. 102–125.
12. Alefrenko N.F. Rechevoy zhanr, diskurs i kul'tura [Speech Genre. Discourse and Culture]. Dement'ev V.V. (ed.). *Zhanry rechi. Vyp. 5. Zhanr i kul'tura* [Speech Genres. Iss. 5. Genre and Culture]. Saratov, 2007, pp. 44–55.
13. Dement'ev V.V. Aspekty problemy “zhanr i yazyk”: zhanry rechi i... “yazyk rechi”? [Aspects of the “Genre and Language” Problem: Genres of Speech and... “Language of Speech”?]. Dement'ev V.V. (ed.). *Zhanry rechi. Vyp. 6. Zhanr i yazyk* [Speech Genres. Iss. 6. Genre and Language]. Saratov, 2009, pp. 5–22.
14. Sukhomlinova M.A. *Diskursivnye zhanry akademicheskoy kommunikatsii: lingvostilisticheskiy aspekt* [Discursive Genres of Academic Communication: A Linguostylistic Aspect: Diss.]. Rostov-on-Don, 2024. 600 p.
15. Pokrovskaya E.A., Dudkina N.V., Kudinov E.V. *Rechevye zhanry v dialogue kul'tur* [Speech Genres in the Dialogue of Cultures]. Rostov-on-Don, 2011. 200 p.
16. Nikolaev S.G. *Fenomenologiya bilingvizma v tvorchestve russkikh poetov. Ch. II. Ontologicheskie, korrelyatsionnye i funktsional'nye kharakteristiki inoyazychiya v poezii* [Phenomenology of Bilingualism in the Works

of Russian Poets. Pt. II. Ontological, Correlational and Functional Characteristics of Foreign Language in Poetry]. Rostov-on-Don, 2005. 295 p.

17. Shcharenskaya N.M. Osobennosti vydvizheniya v khudozhestvennom tvorchestve A.P. Chekhova (k postanovke problemy) [Characteristic Traits of Foregrounding in A.P. Chekhov's Creative Work (Formulating the Problem)]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2023, no. 3, pp. 89–97.

18. Zubkova O.S., Nikitichev I.G. Persuasion as a Strategy of Speech Influence in Bilingual Academic Discourse. *Terra Linguist.*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 52–66 (in Russ.). <https://doi.org/10.18721/JHSS.14404>

19. McCarthy M. *Discourse Analysis for Language Teachers*. Cambridge, 1991. 224 p.

20. Ivanova S.V. News as a Genre of Discourse: a Non-Missing Structure. *Terra Linguist.*, 2022, vol. 13, no. 3, pp. 7–14 (in Russ.). <https://doi.org/10.18721/JHSS.13301>

Информация об авторах

С.Г. Николаев – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Южного федерального университета (адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, д. 93).

М.А. Сухомлинова – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Южного федерального университета (адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, д. 93).

Поступила в редакцию 13.03.2025

Одобрена после рецензирования 24.06.2025

Принята к публикации 25.06.2025

Information about the authors

Sergey G. Nikolaev, Dr. Sci. (Philol.), Prof., Head of the English Philology Department, Southern Federal University (address: per. Universitetskiy 93, Rostov-on-Don, 344006, Russia).

Marina A. Sukhomlinova, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the English Philology Department, Southern Federal University (address: per. Universitetskiy 93, Rostov-on-Don, 344006, Russia).

Submitted 13 March 2025

Approved after reviewing 24 June 2025

Accepted for publication 25 June 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 4. С. 88–97.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 88–97.

Научная статья
УДК 94(594):297
DOI: 10.37482/2687-1505-V452

Эволюция исламской религиозной идентичности в Индонезии во второй половине XX – начале XXI века

Владислав Владимирович Безменов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
e-mail: bezmenov.vlad@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7764-7003>

Аннотация. В статье рассматриваются процессы формирования и конструирования исламской религиозной идентичности в Индонезии, начавшиеся, по мнению автора, во второй половине XX века. В рамках изучения этих процессов внимание концентрируется на деятельности правительственные структур и крупных исламских религиозных объединений, транслирующих свои направления исламской религиозной идентичности в Индонезии. К таким организациям относятся «Нахдатул Улама» и «Мухаммадия», появившиеся в первой половине XX столетия эволюционным путем, без стороннего воздействия, а также «Индонезийский совет улемов», искусственно созданный в независимой Индонезии в 1975 году. Под формированием исламской религиозной идентичности в Индонезии после обретения страной независимости в 1949 году автор понимает деятельность «Нахдатул Уламы» и «Мухаммадии», являющихся идеологическими ретрансляторами двух исламских идентичностных традиций, зародившихся на территории Индонезии в позднее Средневековье и Новое время. «Нахдатул Улама» выступает за сохранение локальных доисламских традиций Индонезии. «Мухаммадия», напротив, призывает отказаться от локального адата и унифицировать индонезийскую исламскую традицию, опираясь на положения Корана и Сунны. Под конструированием исламской религиозной идентичности в Индонезии автор подразумевает работу «Индонезийского совета улемов», созданного для легитимации политики режима президента Сухарто во второй половине XX века. В совет помимо улемов «Нахдатул Уламы» и «Мухаммадии» входили богословы других индонезийских исламских объединений, что обеспечивало представленность всех исламских традиций страны при вынесении религиозных постановлений. Анализ рассмотренных процессов позволил проследить трансформацию индонезийского ислама и его роли в жизни страны после обретения независимости.

Ключевые слова: «Нахдатул Улама», «Мухаммадия», «Индонезийский совет улемов», Индонезия, исламская религиозная идентичность, исламские религиозные объединения

Для цитирования: Безменов, В. В. Эволюция исламской религиозной идентичности в Индонезии во второй половине XX – начале XXI века / В. В. Безменов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 88–97. – DOI 10.37482/2687-1505-V452.

Original article

Evolution of Islamic Religious Identity in Indonesia in the Second Half of the 20th and Early 21st Centuries

Vladislav V. Bezmenov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia,

e-mail: bezmenov.vlad@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7764-7003>

Abstract. The article analyses the formation and construction of Islamic religious identity in Indonesia, which, according to the author, began in the second half of the 20th century. The paper is focused on the activities of large Islamic religious associations that broadcast their Islamic religious identity in Indonesia. These include Nahdlatul Ulama and Muhammadiyah, which evolved in the first half of the 20th century without outside influence, as well as Ulema Council, artificially constructed in independent Indonesia in 1975. The author believes that the formation of Islamic religious identity in Indonesia after the country gained its independence in 1949 includes the activities of Nahdlatul Ulama and Muhammadiyah, which are ideological vehicles of two Islamic identity traditions that originated on the territory of Indonesia in the late Middle Ages and Modern Times. Nahdlatul Ulama advocates the preservation of Indonesia's local pre-Islamic traditions, while Muhammadiyah, on the contrary, calls for abandonment of the local adat and for the unification of the Indonesian Islamic tradition based on the Koran and Sunnah. By the construction of Islamic religious identity in Indonesia the author means the work of the Indonesian Ulema Council, which was created in the second half of the 20th century to legitimize the policies of President Suharto's regime. In addition to Nahdlatul Ulama and Muhammadiyah ulamas, the Council included theologians from other Indonesian Islamic associations, which ensured that all of the country's Islamic traditions were represented when making religious decisions. Through the analysis of the processes under study, the author was able to trace the transformation of Indonesian Islam and its role in the life of the country after it gained independence.

Keywords: Nahdlatul Ulama, Muhammadiyah, Indonesian Ulema Council, Indonesia, Islamic religious identity, Islamic religious associations

For citation: Bezmenov V.V. Evolution of Islamic Religious Identity in Indonesia in the Second Half of the 20th and Early 21st Centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 88–97. DOI: 10.37482/2687-1505-V452

Введение. На сегодняшний день Индонезия является одной из самых больших мусульманских стран мира. По приблизительным оценкам, в ней проживает около 270 млн чел., из которых 87 %¹ придерживается суннитского ислама – шафиитского мазхаба [1, с. 28]. Активная исламизация и вытеснение индо-буддийской культуры на территории современной Индонезии

начались в период с XII по XIV столетие. Ислам распределялся волнами и неравномерно. Основными очагами религии Пророка в регионе стали прибрежные торговые поселения, в которых оседали арабские и персидские купцы, а также суфии и проповедники. Ввиду географических особенностей архипелага и длительности исламизации многочисленных народностей в со-

¹Индонезия. Население. URL: <https://bigenc.ru/c/indonezija-naselenie-4b4d90> (дата обращения: 02.03.2025).

временную исламскую культуру Индонезии вошло множество индо-буддийских и местных традиций [2, с. 126].

В отечественной академической среде исследования, рассматривающие процессы формирования и конструирования исламской религиозной идентичности в Индонезии во второй половине XX столетия, в основном посвящены изучению роли национального, социально-политического или экономического факторов в становлении исламских идентичностных систем, транслируемых крупными исламскими организациями и региональными объединениями.

Данной проблематикой занимались такие отечественные исследователи, как Л.М. Ефимова [3], М.В. Кирchanов [4], А.Ю. Другов [5]. Л.М. Ефимова концентрирует внимание на идеологической концепции организации «Нахдатул Улама», исламе Нусантара, а также на халяльном секторе экономики Индонезии как факторе проявления внешней исламской религиозной идентичности в регионе. Под внешней исламской религиозной идентичностью мы понимаем поведение, когда верующие подчеркивают свое отношение к исламу через потребление халяльных товаров и услуг. М.В. Кирchanов рассматривает национальный фактор развития самосознания различных индонезийских групп и формирования индонезийской политической нации. Исламский фактор этот автор называет элементом индонезийского нациостроительства. А.Ю. Другов изучает политическую активность крупных исламских объединений в Индонезии.

Новизна настоящего исследования обусловлена его религиоведческим характером. На наш взгляд, религиоведческое изучение феномена исламской религиозной идентичности на территории Индонезии позволит проследить эволюцию и трансформацию индонезийского ислама, а также определить специфические черты, отличающие его от ислама в других регионах. В этом состоит актуальность настоящей работы.

Цель исследования заключается в попытке описать специфику исламской религиозной

идентичности в Индонезии во второй половине XX – начале XXI века, а также конструирование этого феномена исламскими организациями «Нахдатул Улама», «Мухаммадия», «Индонезийский совет улемов».

В исследовании был использован метод структурно-функционального анализа, опирающийся на работы Б. Малиновского [6], что позволило сконцентрировать внимание на крупных исламских идеологических структурах, таких как «Нахдатул Улама», «Мухаммадия» и «Индонезийский совет улемов». Эти организации, по нашему мнению, являются основными идентичностными центрами в Индонезии, формирующими культурное, религиозное и социальное пространства в индонезийской умме. Исламская религиозная идентичность в Индонезии воспроизводит себя в рамках этих структур.

Определение феномена исламской религиозной идентичности в Индонезии. Разрабатывая проблематику исламских социальных институтов, формирующих структурированную исламскую религиозную идентичность в Индонезии в XX веке, следует определить специфические черты рассматриваемой идентичности. В постструктурализме исламская религиозная идентичность трактуется как неустойчивая ценностная система, которая обуславливает взаимоотношения человека с другими людьми и общественными институтами. Она не является монолитной и с течением времени может трансформироваться. В этом она схожа с национальной идентичностью [7, с. 31].

Мы пришли к выводу, что в Индонезии исламская религиозная идентичность также не является монолитной, а ретранслируется тремя организациями: «Нахдатул Улама», «Мухаммадия» и «Индонезийский совет улемов». Мы считаем, что две первые являются религиозными институтами, которым удалось структурировать и оформить две исторически сложившиеся на территории современной Индонезии исламские идентичностные традиции, зародившиеся в Средневековье.

Исламская организация «Нахдатул Улама», появившаяся в 1926 году, выступала за

защиту доисламских элементов, вошедших в традицию индонезийского ислама². Опираясь на внутренние документы «Нахдатул Уламы», можно утверждать, что организация, не отходя от традиционных норм суннитского ислама – шафиитского мазхаба, защищает адатные традиции региона³. Организация признает себя сторонницей шафиитского мазхаба и в своих решениях опирается на Коран и Сунну (Ахлю Сунна валь Джамаа). Кроме того, она признает значимость доисламских элементов для индонезийских мусульман (например, молитву за усопших – тахлилан), а также культурные традиции (например, театр теней «Ваянг», национальную борьбу пенчак силат) и т. д.

Исламская организация «Мухаммадия» с момента своего основания в 1912 году выступала за унификацию индонезийского ислама и очищение его от локальных адатных традиций, потому как основные носители идеи унификации, ставшие идеологическими вдохновителями «Мухаммадии», являются потомками арабских миссионеров, осевших на Малайских островах еще в Средневековье. Действующий лидер «Мухаммадии» Хеадер Нашим, описывая идеологию организации, утверждает, что она – продукт не только исторического развития исламской традиции на территории современной Индонезии, но и исламского модернизма начала XX столетия [8]. При своем появлении «Мухаммадия» копировала риторику исламских реформаторских организаций Ближнего Востока и Северной Африки.

Обе идеологические структуры направлены против колониальной политики Нидерландов. Основные паттерны исламской религиозной идентичности, транслируемые организациями до момента войны за независимость в Индонезии (1945–1949), касались борьбы с колониаль-

ным правительством и создания независимого исламского индонезийского государства. На начальном этапе функционирования этих религиозных институтов мы не наблюдаем устойчивых вертикалей власти и вероучения.

Государственное конструирование исламской религиозной идентичности в Индонезии. Попытка искусственного конструирования единой исламской религиозной идентичности была предпринята в 1975 году с созданием «Индонезийского совета улемов». Организация появилась во время военно-бюрократического режима президента Сухарто. Ее основная цель – легализация курса правительства среди мусульман страны: «ИСУ [Индонезийский совет улемов] стал зонтичной структурой для исламских организаций и был призван служить форумом, который координировал бы различные интересы и устремления многочисленных исламских организаций, групп и улемов Индонезии, а главное, позволил бы держать их всех в поле зрения властей» [9, с. 72]. В «Индонезийский совет улемов» входили представители всех крупных исламских религиозных движений, в т. ч. «Нахдатул Уламы» и «Мухаммадии», что делало его, на наш взгляд, легитимным среди уммы Индонезии: он мог выносить «усредненные» решения по различным проблемам. Помимо этого, «Индонезийский совет улемов» принимал решения по индивидуальным запросам мусульман страны. Подобная практика существует и по сей день: любой мусульманин Индонезии может запросить фетву (богословское решение в исламе) по любому интересующему его вопросу⁴. Фактически организация стала идеологическим монополистом и формировала единую исламскую повестку в стране вплоть до падения режима Сухарто в 1998 году.

²Какой ислам победит в Индонезии? URL: <https://islam.kz/ru/news/v-mire/kakoi-islam-pobedit-v-indonezii-14631/#gsc.tab=0> (дата обращения: 02.03.2025).

³Arifianto A. Islam Nusantara & Its Critics: The Rise of NU's Young Clerics. URL: <https://www.eurasiareview.com/24012017-islam-nusantara-and-its-critics-the-rise-of-nus-young-clerics-analysis/> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴MUI – Majellis Ulama Indonesia. URL: <https://mui.or.id/> (дата обращения: 02.03.2025).

Опираясь на все вышесказанное, можно утверждать, что исламская религиозная идентичность в Индонезии в XX столетии носила несистематизированный характер: «Нахдатул Улама» и «Мухаммадия» видели этот феномен по-своему, продвигая две идентичностные линии – сохранение локальных исламских традиций и унификацию индонезийского исламского пространства.

Оформление исламской религиозной идентичности как государственной доктрины началось лишь в конце XX столетия. Один из лидеров движения «Нахдатул Улама», Абдуррахман Вахид, в своей работе «Islamku, Islam Anda, Islam Kita» («Мой ислам – это твой ислам») отмечает, что организация зародилась в начале XX столетия и являлась реакцией на колониальную политику Нидерландов в Голландской Ост-Индии [10]. Автор подчеркивает, что переосмысление исторического и идеологического развития «Нахдатул Уламы» произошло лишь в конце XX столетия. Скорее всего, эта рефлексия стала возможной по причине победы Абдуррахмана Вахида в 1999 году на президентских выборах в Индонезии. Эта победа являлась окончанием эпохи военной бюрократии режима Сухарто. В рамках нового этапа развития исламские религиозные организации, как и институты других конфессий, перестали жестко контролироваться индонезийским министерством по делам религии, благодаря чему появились новые возможности для осмысливания их места в индонезийском и мировом обществе.

Ислам Нусантара и его влияние на религиозную идентичность в Индонезии. Абдуррахман Вахид, описывая развитие своей организации, отмечает, что к началу XXI столетия исламская идеология «Нахдатул Уламы», как и критерии идентичности, толком не оформлены и многие члены организации не до конца понимали ее цели и задачи, из-за чего внутри нее стали возникать конфликты. Если раньше «Нахдатул Улама», как и «Мухаммадия», была целостной из-за внешнего давления государства, то в начале XXI века внешний скрепля-

ющий фактор ушел и организации пришлось искать новые внутренние ориентиры. Таким ориентиром стала идеология ислама Нусантара. Тезисы неоформленного идентичностного движения Нусантара внутри «Нахдатул Уламы» звучали среди последователей еще в начале XXI столетия. Официально эта идеология была провозглашена лишь в 2015 году на съезде организации: «Индонезийский вариант ислама развивался в рамках традиционных мусульманских училищ-песантенов. Отсюда соблюдение определенных правил поведения и декорума, почитание наставников-кьяи и богословов-улемов. Другой знаковой чертой является особый пиетет по отношению к принципу Rahmatanlil Alamin – благословению всей Вселенной как универсальной исламской ценности, которая призывает к миру, терпимости, взаимному уважению и плюралистическому подходу к взаимоотношениям в исламской общине-умме, а также и межрелигиозным отношениям» [3, с. 272].

Основным документом, систематизирующим и объясняющим принципы Нусантара, является текст 2017 года «Islam Nusantara & Its Critics: The Rise of NU's Young Clerics» («Ислам Нусантара и его критики: возвышение молодых священнослужителей “Нахдатул Уламы”»). Ислам Нусантара провозглашает веротерпимость внутри мусульманской уммы и миролюбивое отношение к другим конфессиям. Особый акцент делается на уважении локальных адатных традиций, если они не противоречат 5 столпам ислама, 6 столпам имана (вере в истинность ислама) и акыде (богословской системе воззрений в исламе). В тексте документа подчеркивается, что идеология ислама Нусантара, формирующая идентичностную модель последователей организации «Нахдатул Улама», не является желанием руководства реформировать движение. Отмечается, что курс на систематизацию идеологии «Нахдатул Уламы» был запущен бывшим лидером Абдуррахманом Вахидом в середине 1990-х [10].

Принятие новой, систематизированной идеологической и идентичностной концепции Ну-

сантара вызвало раскол внутри «Нахдатул Уламы», что показало различное понимание исламской религиозной идентичности последователями организации. С критикой новой концепции выступил блок преимущественно молодых богословов организации «Нахдатул Улама Гарис Лурус» («Нахдатул Улама – истинный путь»)⁵. Костяк оппозиции находился на Восточной Яве. Молодые богословы видели попытку систематизировать индонезийский ислам как создание новой идентичности. Похожую практику мы можем наблюдать в идентичностной идеологии «Мухаммадии», выступающей за унификацию индонезийского ислама с исключением адатных традиций. В случае Нусантары, на наш взгляд, происходит адаптация и систематизация адатных традиций региона в рамках исламского вероучения и доктрины.

Юридические истоки исламской религиозной идентичности в Индонезии. Стоит отметить, что религиозная идентичность как многостороннее явление получила право на существование в 1945 году, когда увидела свет конституция Индонезии, в рамках которой были озвучены принципы Панчасилы («Пять основ»). В ходе анализа развития феномена исламской религиозной идентичности в Индонезии следует изучить 5-й пункт доктрины, утверждающий веру в единого Бога, и преамбулу к самой конституции. В тексте документа разделяются определения «Бог» и «Аллах». Преамбула гласит: «С благоволения Всемогущего Аллаха, движимы возвышенным желанием жить в семье свободных наций»⁶. Подобное решение при создании индонезийской конституции, можно сказать, утверждало ислам как базовую идеологическую, идентичностную и культурную ценность при формировании индонезийского государства. Пункт о вере в единого Бога, который указывался абстрактно, создавал базу для межконфессионального диалога с представителями многочисленных неисламских течений

внутри Индонезии. Важно отметить, что пункты идеологии Панчасила оставались неизменными в стране при любом режиме. Таким образом, на конституционном уровне закреплялась основа для формирования множества религиозных идентичностей, в т. ч. исламских.

Исламская идентичность в Индонезии в XXI веке. В начале 2000-х мы наблюдаем процесс расщепления единых конструкций исламской религиозной идентичности, транслируемой «Нахдатул Уламой», «Мухаммадией» и «Индонезийским советом улемов». Под расщеплением мы понимаем отход в вопросах исповедания ислама от исторически сложившихся исламских институтов в сторону новых исламских структур. После упразднения контроля государства перечисленные религиозные организации начали терять свой авторитет среди индонезийской уммы. Ослабление государственного контроля за религиозной политикой привело к тому, что в Индонезии стали появляться новые исламские объединения, чего не было в период правления президента Сухарто. Новые игроки отличались резкой риторикой по отношению к крупным исламским социальным и идеологическим институтам. Их основная критика заключалась в том, что «Нахдатул Улама», «Мухаммадия» и «Индонезийский совет улемов» стали частью государственного аппарата и озабочены проблемами расширения своего влияния внутри Индонезии и за ее пределами. К исламским организациям нового тысячелетия можно отнести «Фронт защитников ислама», появившийся в 1998 году [11, с. 115] и основанный радикальными мусульманами из «Нахдатул Уламы». За годы своей деятельности организация не смогла сформулировать четкой идеологии и социальной программы. Ее деятельность в XXI столетии сводилась к резкой критике нововведений и традиций, которые считались неисламскими. Самым ярким эпизодом существования «Фронта защитников

⁵Arifanto A. Op. cit.

⁶Конституция Индонезии, 1945 г. (ред. 2003 г.) URL: <https://constitutions.ru/?p=29158> (дата обращения: 02.03.2025).

ислама» можно назвать преследование сторонников движения «Ахмадия» [12, с. 5–6]. Также организация призывала очистить индонезийский ислам от нововведений, привнесенных модернистами и народным адатом в начале XX столетия. Несмотря на отсутствие четкой идеологии, она нашла множество последователей среди молодых мусульман Индонезии. Это, на наш взгляд, объясняется, во-первых, отсутствием идеологического контроля со стороны государства, во-вторых, утратой доверия к традиционным исламским институтам среди молодых мусульман, в-третьих, началом развития средств массовой информации.

Взаимовлияние национальной и религиозной идентичности в Индонезии. Немаловажную роль в процессе конструирования исламской религиозной идентичности на территории Индонезии играет национальная идентичность. Религиозная идентичность в контексте государственного построения современной Индонезии оказывается «социальным kleем», скрепляющим множество народностей и языковых групп, исторически проживавших на территории Малайского архипелага и исповедующих ислам. Процесс искусственного регулирования социальных процессов на территории Малайских островов не является изобретением индонезийской власти второй половины XX столетия. К практике регулирования социальных и государственных процессов исламских богословов начали прибегать голландцы во время своего господства над территорией современной Индонезии: «Голландские колонизаторы, установившие контроль над индонезийскими островами, также обращались к посредничеству мусульманских богословов в вопросах наиболее эффективных форм и методов управления подчиненными территориями» [9, с. 69].

Как и в случае с исламской религиозной идентичностью, говоря о национальной идентичности на территории Индонезии, мы не можем представить монолитную идеологию. Любую идентичность на территории Индонезии с серединой XX века следует рассматривать

в нескольких плоскостях. Такие феномены, как национальная и религиозная идентичность, стали формироваться лишь в начале XX столетия среди индонезийской светской и религиозной интеллигенции. Основной целью этих феноменов была консолидация различных групп населения для противостояния голландской колониальной администрации. Системное оформление идей национальной и религиозной идентичности, как уже было отмечено ранее, нашло свое отражение в 5 пунктах государственной концепции Панчасила. Вторая половина XX столетия является периодом продвижения и утверждения данной идеологии среди различных конфессиоанльных и национальных групп. Опираясь на это предположение, можно сделать вывод, что жители индонезийского государства воспринимают себя одновременно как носителей религиозной, национальной и языковой традиций. Эта идентичностная система выступает базисным конструктом, к которому могут прибавляться такие элементы, как принадлежность к политической партии и социальной группе. Если наложить указанную модель на исламскую религиозную идентичность, транслируемую организациями «Нахдатул Улама», «Мухаммадия» и «Индонезийский совет улемов», то можно увидеть, что эти религиозные движения транслируют идентичностный конструкт своим последователям. Сами организации на сегодняшний день являются мощными социальными системами с огромной сетью учебных и социальных заведений, предоставляющими социальные лифты своим сторонникам. Исключением является «Индонезийский совет улемов», куда входит определенный круг богословов из крупных исламских организаций. «Нахдатул Улама» делает значимый упор своей идентичностной политики на национальный фактор как источник самобытного ислама Нусантара. «Мухаммадия», наоборот, основывает свою идентичностную повестку на общеисламских ценностях, отодвигая национальную идентичность на второй план.

Продолжая рассматривать специфические особенности исламской религиозной идентич-

ности в Индонезии, мы также должны обратить внимание на региональные очаги исламской религиозной идентичности, являющиеся противовесами идеологий крупных исламских религиозных организаций. Региональные центры исламской идентичности делают акцент на национальной идентичности как решающем факторе в жизни мусульман региона. Иногда политика локальных центров религиозной идентичности помимо национального фактора апеллирует к сакральной традиции региона. К сакральному фактору проявления региональной религиозной идентичности можно отнести институт султаната Джокьякарты. Еще во время колониального господства Нидерландов на территории современной Индонезии была упразднена должность султанов Джокьякарты. У них отняли административные и экономические функции управления. Однако за султана-ми сохранилась главная роль в защите религиозных традиций региона, а также проведение исламских религиозных ритуалов.

Институт султаната Джокьякарты продолжил существовать и после обретения Индонезии независимости в 1949 году [13, с. 109]. Также он не подвергся реформам и не был упразднен при военно-бюрократическом режиме президента Сухарто во второй половине XX столетия. Институт султаната существует по сей день, скорее всего, по причине того, что верховная власть не хотела ссориться с региональными элитами, вошедшими в состав правительства Индонезии после обретения независимости. Стоит отметить, что многие представители региональной элиты Индонезии являются потомками аристократии и феодалов изнанки: «Прияи (priyayi) были потомками традиционной феодальной аристократии, социальный статус и социальные границы которой в колониальный период оказались в значительной степени размыты. Прияи, будучи в значительной степени традиционным сообществом, оказались не в состоянии выдержать конкуренцию с голландскими элитами, и к периоду между двумя мировыми войнами значение и влияние прияи ограничивалось, вероятно, местны-

ми сообществами. Будучи влиятельными среди индонезийцев, потомки древней феодальной аристократии, вероятно, не пользовались ни поддержкой, ни авторитетом со стороны нидерландских колониальных властей» [4, с. 29–30].

Национальный фактор проявления исламской религиозной идентичности заключается в административной неоднородности индонезийского государства. Голландская колониальная администрация расширяла границы Голландской Ост-Индии до начала XX столетия. Последним исламским государством, окончательно вошедшим в состав Голландской Ост-Индии в 1913 году, был султанат Аче. К моменту демократических преобразований и ослабления власти военных в конце XX века на территории бывшего султаната еще сохранялось государственное самосознание, что привело к кампании по провозглашению индонезийской провинцией Аче независимости. На территории провинции хотели создать исламское государство с опорой на локальные традиции региона. Острая фаза конфликта была пройдена при президенте Абдурахмане Вахиде [14, с. 113]. Провинцию удалось оставить в составе Индонезии, однако помимо значительной автономии на ее территории были введены шариатские суды, чьи полномочия не распространялись на государственные структуры и светское законодательство.

Заключение. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что исламская религиозная идентичность в Индонезии как структурированное явление сформировалась после обретения страной независимости в 1949 году. На процесс становления исламских идентичностных систем активно влияло государство, что отражено в конституции страны и государственной концепции Панчасила. Вместе с тем в современной Индонезии не существует единой исламской религиозной идентичности. Она представлена ценностными системами трех крупных исламских религиозных организаций – «Нахдатул Улама», «Мухаммадия» и «Индонезийский совет улемов».

Исламские традиции, транслируемые «Надхатул Уламой» и «Мухаммадией», берут свое начало еще в Средневековые и Новом времени. Их оформление и систематизация начались по-

сле обретения страной независимости в 1949 году. Идеологическая доктрина «Индонезийского совета улемов» была сконструирована правительством Индонезии для влияния на мусульман страны.

Список литературы

1. Исмаилов А.Ш. Мазхабы в исламе // Исламоведение. 2009. № 2. С. 23–30.
2. Уткин М. Ислам в Индонезии // Россия и мусульм. мир. 2007. № 5. С. 125–129.
3. Ефимова Л.М. Ислам Нусантара – против радикализма и экстремизма // Minbar Islam. Stud. 2018. Т. 11, № 2. С. 268–280. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-2-268-280>
4. Кирчанов М.В. Национализм и модернизация в Индонезии в XX веке. Воронеж: Науч. кн., 2009. 251 с.
5. Другов А.Ю. Индонезия между идеологией и реальностью: социальное расслоение // Юго-Вост. Азия: актуал. проблемы развития. 2023. Вып. 4, № 3. С. 64–77. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-064-077>
6. Малиновский Б. Научная теория культуры / пер. с англ. И.В. Утехина; под науч. ред. А.К. Байбурина. 2-е изд., испр. М.: ОГИ, 2005. 184 с.
7. Курбанов М.Г. Теоретические проблемы понимания исламской религиозной идентичности и ее роли в развитии общества // Исламоведение. 2023. Т. 14, № 4(58). С. 28–41. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2023-14-4-28-41>
8. Nashir H. Muhammadiyah a Reform Movement. Surakarta: Muhammadiyah Univ. Press, 2015. 299 р.
9. Ефимова Л.М. Ислам и власть в современной Индонезии: поиск баланса в условиях демократии // Юго-Вост. Азия: актуал. проблемы развития. 2018. Т. 2, № 4. С. 69–87.
10. Wahid A. Islamku, Islam Anda, Islam Kita. Jakarta: Whaid Institute, 2006. 412 р.
11. Другов А.Ю. Индонезия: почему распущен Фронт защитников ислама? // Юго-Вост. Азия: актуал. проблемы развития. 2021. Вып. 1, № 1. С. 114–130. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-114-130>
12. Мартыненко А.В. Ахмадийя в Юго-Восточной Азии: трудный путь религиозного меньшинства // Соврем. мусульм. мир. 2019. № 2. С. 1–9.
13. Попов А.В. Султанат Джокьякарта в современной Индонезии // Юго-Вост. Азия: актуал. проблемы развития. 2011. № 17. С. 106–146.
14. Ефимова Л.М. Президент Индонезии Абдуррахман Вахид и «исламский фактор» в политике // Полития. 2000. Т. 16, № 2. С. 105–115.

References

1. Ismailov A.Sh. Mazkhaby v islame [Madhhabs in Islam]. *Islamovedenie*, 2009, no. 2, pp. 23–30.
2. Utkin M. Islam v Indonezii [Islam in Indonesia]. *Rossiya i musul'manskiy mir*, 2007, no. 5, pp. 125–129.
3. Efimova L.M. Islam Nusantara – Against Radicalism and Extremism. *Minbar Islam. Stud.*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 268–280 (in Russ.). <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-2-268-280>
4. Kirchanov M.V. *Natsionalizm i modernizatsiya v Indonezii v XX veke* [Nationalism and Modernization in Indonesia in the 20th Century]. Voronezh, 2009. 251 p.
5. Drugov A.Yu. Indonesia Between Ideology and Reality: Social Stratification. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 2023, vol. 4, no. 3, pp. 64–77 (in Russ.). <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-064-077>
6. Malinowski B. *Nauchnaya teoriya kul'tury* [A Scientific Theory of Culture]. Moscow, 2005. 184 p.
7. Kurbanov M.G. Theoretical Problems of Understanding Islamic Identity and Its Role in the Development of Society. *Islamovedenie*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 28–41 (in Russ.). <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2023-14-4-28-41>
8. Nashir H. *Muhammadiyah a Reform Movement*. Surakarta, 2015. 299 p.

9. Efimova L.M. Islam i vlast' v sovremennoy Indonezii: poisk balansa v usloviyakh demokratii [Islam and Power in Modern Indonesia: A Search for Balance in a Democracy]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 2018, vol. 2, no. 4, pp. 69–87.
10. Wahid A. *Islamku, Islam Anda, Islam Kita*. Jakarta, 2006. 412 p.
11. Drugov A.Yu. Indonesia: Why the Islamic Defenders Front Was Disbanded? *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 2021, vol. I, no. 1, pp. 114–130 (in Russ.). <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-114-130>
12. Martynenko A.V. Akhmadiyah v Yugo-Vostochnoy Azii: trudnyy put' religioznogo men'shinstva [Ahmadiya in South East Asia: Difficult Way of Religious Minority]. *Sovremennyj musul'manskiy mir*, 2019, no. 2, pp. 1–9.
13. Popov A.V. Sultanat Dzhok"yakarta v sovremennoy Indonezii [The Sultanate of Yogyakarta in Modern Indonesia]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 2011, no. 17, pp. 106–146.
14. Efimova L.M. Prezident Indonezii Abdurrahman Vakhid i "islamskiy faktor" v politike [President of Indonesia Abdurrahman Wahid and the "Islamic Factor" in Politics]. *Politiya*, 2000, vol. 16, no. 2, pp. 105–115.

Информация об авторе

В.В. Безменов – аспирант кафедры религиоведения Казанского (Приволжского) федерального университета, обозреватель отдела по развитию информационного агентства «Татар-информ» (адрес: 420066, г. Казань, ул. Декабристов, д. 2).

Поступила в редакцию 21.03.2025
Одобрена после рецензирования 23.05.2025
Принята к публикации 26.05.2025

Information about the author

Vladislav V. Bezmenov, Postgraduate Student, Department of Religious Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, Columnist at the Development Department, Tatar-Inform Information Agency (address: ul. Dekabristov 2, Kazan, 420066, Russia).

Submitted 21 March 2025
Approved after reviewing 23 May 2025
Accepted for publication 26 May 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 4. С. 98–109.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 98–109.

Научная статья
УДК 113+141.333
DOI: 10.37482/2687-1505-V454

Философско-антропологические идеи Э. Кассирера и постчеловеческая перспектива

Эллен Мартин

Лидский университет, Лидс, Великобритания,
e-mail: Ellenmrtn@googlemail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9489-9931>

Аннотация. На фоне активного постулирования постчеловеческой перспективы теоретиками трансгуманизма и постгуманизма, стирающими грань между человеческим миром и нечеловеческим, упрощающими философские рефлексии о внутреннем мире человека, антропологические идеи Эрнста Кассирера приобретают особый интерес и актуальность. Цель настоящего исследования – рассмотреть особенности функционально-символического подхода Кассирера к объяснению сущности человека и раскрыть релевантность его философско-антропологических идей в контексте трансгуманизма и постгуманизма. Кассирер, описывая человека через его главную функцию – деятельность духа, определяет его как существо символическое в силу обладания уникальной способностью придавать символическое значение окружающему. Символ у Кассирера замещает кантовские формы интуиции и категории рассудка. Физическая реальность доступна человеку только посредством символа. Согласно Кассиреру, символическая природа сознания создает особое бытие человека, где действуют не физические, а духовные законы, обуславливающие особый внутренний мир человека, который является отличительной антропологической характеристикой. Именно эту характеристику игнорируют теоретики постгуманизма, постулируя идею гибридизации, помещая человека в статус, онтологически равный нечеловеческим существам и даже технике. Эта же проблема типична и для трансгуманизма, преодолевающего грань между человеком и техникой. По мнению Кассирера, уникальная символическая природа сознания означает, что человек живет в особом мире – символической вселенной, из чего следует, что человеческий мир не может «переплетаться» с окружающей средой, как считают теоретики постгуманизма. Концептуальное представление Кассирера о человеке, который воспринимает реальность через символы, подрывает постгуманистические идеи о радикальной онтологической открытости, гибридизации и трансгуманистический постулат, согласно которому техника дает средства для безграничного изменения биологической природы человека с целью достижения трансчеловеческой фазы как переходного этапа к постчеловечеству. Идеи Кассирера возвращают вопрос о внутреннем человеке в антропологический дискурс.

Ключевые слова: Э. Кассирер, философская антропология, символическая природа сознания, внутренний человек, трансгуманизм, постчеловечество

Для цитирования: Мартин, Э. Философско-антропологические идеи Э. Кассирера и постчеловеческая перспектива / Э. Мартин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 98–109. – DOI 10.37482/2687-1505-V454.

Original article

Philosophical and Anthropological Ideas of E. Cassirer and the Posthuman Perspective

Ellen Martin

University of Leeds, Leeds, United Kingdom,

e-mail: Ellenmrtn@googlemail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9489-9931>

Abstract. Against the backdrop of the active postulation of a posthuman perspective by theorists of transhumanism and posthumanism, blurring the boundaries between the human and the non-human worlds and simplifying philosophical reflections on the inner world of man, the anthropological ideas of Ernst Cassirer are attracting particular interest. The purpose of this study is to highlight the distinctive features of the functional-symbolic explanation of the essence of man in Cassirer's philosophy and explore the relevance of his philosophical and anthropological views in the context of transhumanism and posthumanism. Considering humans from the point of view of their spiritual activity, Cassirer defines man as a symbolic being due to the fact that he has a unique ability to attach symbolic meaning to his surroundings. Cassirer replaces Kant's forms of intuition and categories of reason with symbol. According to Cassirer, the symbolic nature of consciousness creates a special human existence, dominated not by physical but by spiritual laws determining a special inner world of man, which is a distinctive anthropological characteristic. It is precisely this characteristic that the theorists of posthumanism ignore when they postulate the idea of hybridization, placing man on par with non-human creatures and even technologies. The same problem is typical of transhumanism, which overcomes the boundary between human and technology. Cassirer argues that due to the unique symbolic nature of consciousness, man lives in a symbolic universe. This means that the human world cannot be entangled with the non-human world, as theorists of posthumanism hypothesize. Cassirer's conceptualization of man who perceives reality through symbols undermines the posthumanist ideas of radical ontological openness and hybridization as well as the transhumanist postulate, according to which technology provides the means for unbound modification of human nature with the aim of achieving a transhuman phase as a transitional stage towards posthumanity. Cassirer's ideas reintroduce the question of the inner man into anthropological discourse.

Keywords: E. Cassirer, philosophical anthropology, symbolic nature of consciousness, inner man, transhumanism, posthumanism, posthumanity

For citation: Martin E. Philosophical and Anthropological Ideas of E. Cassirer and the Posthuman Perspective. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 98–109. DOI: 10.37482/2687-1505-V454

Введение. Эрнст Кассирер (1874–1945), представитель марбургской школы неокантианства, широко известен как философ культуры, автор тезиса «*animal symbolicum*»¹. Целью данного исследования являются экспликация функционально-символического подхода Кассирера в объяснении сущности человека и критика ключевых идей трансгуманизма и постгуманизма в контексте его философско-антропологических взглядов. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: рассмотреть ключевые идеи философско-антропологического подхода Кассирера; представить способность человека символизировать как уникальную антропологическую характеристику, исключительно человеческий атрибут; провести анализ ключевых идей трансгуманизма, постгуманизма в контексте философских воззрений Кассирера. В исследовании применены методы компаративного и критического анализа, а также метод деконструкции. Метод деконструкции использован в процессе выявления неочевидных смыслов в постгуманистическом дискурсе в контексте сравнения с философскими воззрениями Кассирера. Структурно статья состоит из нескольких частей. Сначала рассматриваются философско-антропологический подход Кассирера и ключевые идеи его функционально-символического объяснения сущности человека. Затем на основе философско-антропологических взглядов Кассирера, в центре которых находится представление о человеке, воспринимающем реальность через символы, проводится критический анализ базовых идей трансгуманизма и постгуманизма. В заключительной части подводятся итоги исследования, подчеркивается значимость философско-антропологических идей Кассирера в современном дискурсе о человеке в контексте трансгуманизма и постгуманизма.

Обзор литературы. К настоящему моменту сформировался солидный корпус работ, в которых подробно анализируются отдельные аспекты

творчества Кассирера как историка философии и культуролога. Следует отметить, что значительная часть трудов принадлежит западным исследователям. В число влиятельных западных философов, современников Кассирера, входят С.К. Лангер, В.М. Урбан и К. Гилберт. С.К. Лангер, развивая мысль Кассирера о признании символической природы человеческого существования, утверждает, что немецкий мыслитель помогает раскрыть фундаментальную проблему: как человек истолковывает реальность. Только проникая в многообразие символической деятельности, о которой пишет Кассирер, мы начинаем понимать, почему люди не действуют так, как действовали сверхразумные животные [1, с. 34]. К. Гилберт рассматривает философию символических форм Кассирера в контексте философской эстетики, исследуя место искусства в ряду других символических форм [2]. Среди современных исследователей философии символических форм следует отметить Д.Ф. Верена [3], Дж.М. Кройса [4], С. Люфта [5, 6], С.Г. Лофф [7, 8] и др. К интересному выводу приходит С. Люфт. По его мнению, сила философии Кассирера заключается в том, что она учитывает множественность духовной формообразующей деятельности, но вместе с тем не сводится к релятивизму [6]. С.Г. Лофф акцентирует внимание на трансцендентальной теории культуры Кассирера, делая попытку переосмыслить его философию в рамках современной континентальной философии [7, 8].

Аналитическое рассмотрение творческого наследия Кассирера, особенно в области культуры, можно найти в работах Э. Скидельского, выступающего за переосмысление философии Кассирера с учетом современных проблем. Заслуживает внимания книга Скидельского «Эрнст Кассирер: последний философ культуры», в которой автор прослеживает интеллектуальную траекторию философской мысли Кассирера, уделяя особое внимание его глав-

¹Cassirer E. An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture. New Haven: Yale Univ. Press, 1944. P. 44.

ной работе «Философия символических форм» [9]. Недавно опубликованная монография С. Маттерне «Кассирер» предлагает подробный историко-философский анализ творчества немецкого философа [10]. Большинство исследователей рассматривает творчество Кассирера как представителя неокантианской традиции, чья философия сосредоточена на интеллектуальной истории, теории языка и культуры. Однако существует и другой взгляд на его творчество, согласно которому он не культуролог, а философ человеческой деятельности. С. Трувонт, в частности, утверждает, что философия культуры Кассирера по существу есть философия человека [11].

В российской литературе, посвященной творчеству Кассирера, преобладают работы, которые сосредоточены на изучении отдельных проблем его философии культуры. Одним из первых, кто познакомил российских читателей с Кассирером, был Б.А. Фохт, опубликовавший исследования по теории символических форм. Следует отметить труд К.А. Свасьяна, анализирующего общее содержание «Философии символических форм» [12]. Также к творчеству Кассирера обращались А.А. Кравченко [13], М.Е. Соболева [14] и др.

В текстах российских и западных авторов, затрагивающих антропологическую проблематику, в основном раскрываются отдельные аспекты антропологических взглядов Кассирера в контексте его философии культуры или гносеологических проблем. Например, К.А. Свасьян рассматривает антропологические взгляды Кассирера через призму его философских идей о культуре и цивилизации. С.А. Смирнов считает, что философская антропология Кассирера в разрезе его теории символических форм отражает символический формогенез, но не делает главного: не показывает, «что происходит с человеком, его человечностью в ситуации культурного метаморфоза...» [15, с. 31–32]. Следует признать, что такое мнение небезосновательно. Ведь Кассирер уделяет основное

внимание формообразующей духовной деятельности, проявляющейся в культуре. Однако, по Кассиреру, именно духовное творчество как смыслообразующая деятельность сознания является главным антропологическим атрибутом.

В западной философии аналитическое рассмотрение антропологических взглядов Кассирера нашло отражение в работах С. Трувонта [11], Р.М. Занера [16], Э. Бенгтсона, М. Розенгrena [17]. Несмотря на то, что существует ряд западных и российских исследований, посвященных антропологическим взглядам Кассирера, эта проблематика остается пока недостаточно освещенной. Настоящая статья является попыткой частично восполнить этот пробел.

Новизна исследования заключается в критике ключевых идей трансгуманизма и постгуманизма в контексте философско-антропологических взглядов Кассирера. Научная значимость состоит в том, что работа задает новое направление в философско-антропологическом дискурсе, указывая на возможность при помощи философских идей Кассирера более глубоко осмыслить и проанализировать идеи трансгуманизма и постгуманизма, поступающих движение к постчеловеческому состоянию посредством стирания грани между человеком и техникой (трансгуманизм), посредством преодоления онтологических иерархий, стирания антропологической границы между человеческим миром и нечеловеческим (постгуманизм).

Кризис познания человеком самого себя. Философско-антропологический подход Кассирера. В «Очерке о человеке» Кассирер высказывает мысль о том, что философия испытывает кризис познания человеком самого себя, который она унаследовала из философской мысли XIX века². Многие мыслители тоже указывали на этот «кризис» [16, с. 55]. По Кассиреру, все формы познания, по сути, выступают формами самопознания: «Самопознание является высшей целью философского исследования...»³. Критически анализируя те-

²Cassirer E. An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture. P. 15.

³Ibid.

орио эволюции, на которой базировалась антропологическая мысль в XIX веке, Кассирер утверждает, что она разрушила границы между различными формами органической жизни, показав последнюю как непрерывный поток, где невозможно выявить особенности человеческой жизни. Философ справедливо отмечает, что теория эволюции не дает ответов на вопросы о том, состоит ли культурный мир из случайных изменений, подобно органическому миру; действуют ли в человеческой цивилизации законы и причины, которые одинаковы как для физического мира, так и для духовного.

Различные теории так и не смогли выработать адекватный подход к пониманию сущности человека: «Метафизика, теология, математика и биология последовательно взяли на себя руководство по размышлению о проблеме человека и обозначили линию исследования. Но настоящий кризис проявился тогда, когда перестала существовать центральная власть, способная направлять все индивидуальные исследования»⁴. В качестве решения проблемы Кассирер предлагает критическую феноменологию, которую определяет как философию символических форм, основывающуюся на двух метафизических принципах – дух (Geist) и жизнь (Leben), которые, взаимодействуя, создают универсум человека. Феноменология позволяет философу рассматривать жизнь как особую реальность для человека, как базисный феномен, который невозможно описать ни в каких точных терминах. Это первофеномен в том смысле, в каком данное понятие использовал Гете: фундаментальная реальность как следствие созерцания, интуитивно усматривающего суть вещей.

Кассирер определяет свою философскую антропологию следующим образом: «Не существует сознания “я” без сознания “ты”... за исключением в общей среде культурных форм,

которые обеспечивают способы, с помощью которых мы можем стать самим собой»⁵. Человеческое формируется через отношение с другими посредством духовной деятельности, благодаря которой создается особый человеческий сенсориум.

Дух (Geist) – это сознание, которое рассматривается философом как трансцендентная реальность, где осуществляется синтез смыслообразующих символических функций: экспрессии, презентации, создающих символические формы. Человек воспринимает мир исключительно посредством символических форм, каковыми являются язык, миф, наука, искусство. Ни одна символическая форма не является самодостаточным бытием, поскольку их природа не субстанциональна, а функциональна и направлена на синтез полученного опыта. Таким образом, Кассирер приходит к функционально-символическому подходу в исследовании сущности человека.

Функционально-символическое объяснение сущности человека Кассирером. По мнению М.В. Демидовой, Кассирер в своих исследованиях отдает приоритет «конструктивной активности разума» [18, с. 89]. Однако для Кассирера проблема понимания человека не ограничивается признанием человеческой разумности как основы внутренней жизни. Не все объясняется разумом: «Разум – это очень неадекватный термин для понимания форм культурной жизни человека во всем ее богатстве и разнообразии»⁶.

Кассирер рассматривает человека через его главную функцию – деятельность духа, создающую мир культуры, подчеркивая, что неправомерно утверждать существование абсолютной реальности вещей, которые одинаковы для всех существ: «Реальность не является чем-то... однородным; она разнообразна, поскольку в ней существуют разные организмы. Каждый орга-

⁴Cassirer E. An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture. P. 39.

⁵Cassirer E. Zur Kulturphilosophie und zum problem des Ausdrucks. Hamburg: Felix Meiner Verlag GmbH, 2004. S. 25.

⁶Cassirer E. An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture. P. 44.

низм является, так сказать, монадическим существом, которое имеет свой собственный мир и свой опыт⁷. Человек познает реальность не через систему рецепторов (как это происходит у животных), а через призму символического мышления, которое особым, символическим способом конструирует внутренний опыт. Человек приспосабливается к условиям окружающего мира посредством «умственной адаптации⁸. Человеческая жизнь – это совершенно особый мир, функциональный круг: «Физическая реальность... отступает пропорционально развитию символической деятельности человека. Вместо того, чтобы иметь дело с самими вещами, человек в каком-то смысле постоянно разговаривает с самим собой. Он настолько окутал себя языковыми формами, художественными образами, мифическими символами или религиозными ритуалами, что не может ничего видеть или знать, кроме как посредством этой своей искусственной среды»⁹.

Человек живет в сфере своих идей, чаяний, надежд, иллюзий, ценностей, грез и фантазий. Такое рассуждение подводит Кассирера к мысли о том, что вместо определения человека как разумного животного его следует определить как «*animal symbolicum*» («символическое животное»)¹⁰. Символ у Кассирера замещает кантовские формы интуиции и категории рассудка. Физическая реальность доступна человеку только посредством символа. Символ рассматривается философом как непосредственная и интуитивная устремленность человека к объектам познания¹¹.

Как утверждает Б. Рекки, символ у Кассирера следует понимать как чувственное, на-

полненное смыслом [19, с. 3]. В антропологическом ключе под символизмом Кассирер имеет в виду особую силу мышления: «Мысль не течет по готовому руслу реки, которое было для нее создано, скорее она должна найти свой собственный путь, создать свое собственное пространство»¹². В основе теории символических форм Кассирера лежит трансцендентальная схема Канта – синтез интеллектуального и чувственного [20, с. 132] по отношению к предметам в пространстве. Человек познает не только интеллигiblyно, но и чувственно. Кассирер стремится обнаружить эту схему в опыте как феномен, заменяя воображение (образ) символом, посредством которого возникают все знания и мир культуры. Символическая форма – это, по сути, измененная кантовская трансцендентальная схема, в том смысле что эмпирическая данность никогда не отражается в разуме, но всегда генерируется спонтанным актом сознания.

Как отмечает Э. Скидельский, понятие символизма в отличие от понятия разума охватывает все измерения человеческого существования: «Чувственные, эмоциональные грани больше не представляются патологическими, как у Канта; у них есть свои возможности культурного выражения» [9, с. 100]. Кассирер смещает акцент с «критики чистого разума к критике культуры»¹³, признавая, что наше знание объективированного мира изначально обусловлено не кантовским трансцендентальным субъектом, но многочисленными символическими взаимодействиями с внешним миром. Человек имеет доступ к реальности посредством символа (интуитивно)

⁷Cassirer E. An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture. P. 41.

⁸Ibid. P. 17.

⁹Ibid. P. 43.

¹⁰Ibid. P. 44.

¹¹Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 3. Phenomenology of Cognition. New Haven: Routledge, 2020. P. 434–435.

¹²Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 4. The Metaphysics of Symbolic Forms. New Haven: Yale Univ. Press, 1996. P. 4–5.

¹³Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 1. Language. New Haven: Routledge, 1955. P. 80.

благодаря своей способности символизировать, которую Кассирер считает характерной особенностью человеческого мышления, уникальным антропологическим атрибутом.

Способность человека символизировать. Опираясь на философские подходы Г. Узенера, утверждавшего, что развитие мифа и религии происходит из особенностей первичной человеческой культуры, Кассирер приходит к выводу о том, что если рассматривать миф и практики различных культур внеисторически, то все они являются проявлением уникальной человеческой априорной формы мышления. Именно мифическое или символическое мышление есть первый шаг в нашем ментальном представлении о реальном мире. Под мифом понимается особый способ конструирования опыта. Для Кассирера миф – это форма мысли¹⁴. В мифе нет разделения между представлением и реальным восприятием, между желанием и его исполнением, между образом и вещью¹⁵. Кассирер не единственный, кто отстаивал тезис о мифической природе сознания. О мифичности как атрибуте сознания писал его современник А.Ф. Лосев [21, с. 139]. Как отмечает Т. Оболевич, несмотря на различия во взглядах на происхождение символа, оба мыслителя считают, что символ является специфической характеристикой человеческой жизни [22, с. 425]. Способность символизировать можно сравнить с силой абстракции, на которую способен только человек. Человек – это единственное существо, имеющее доступ к реальности и к самому себе посредством символа. В этом смысле все в нашей культуре сводится к символам, поскольку люди никогда не сталкиваются с непосредственной реальностью, а только с реальностью, которая символически опосредована.

Символическую форму следует также интерпретировать как деятельность человека, основанную на традиции, знаниях, стремлении к

прогрессу. В этом отношении техника является одной из символических форм. В современной техногенной культуре антропологические взгляды Кассирера приобретают особый интерес и актуальность в контексте трансгуманизма.

Ключевые идеи трансгуманизма в контексте философско-антропологических взглядов Кассирера. Постулируя идею усовершенствования человечества посредством научно-технических средств, трансгуманизм редуцирует сознание к эпифеномену, а духовный внутренний мир сводит к психоэмоциональным детерминантам. Преодоление естественных физических и когнитивных ограничений в деле «усовершенствования» человечества с помощью научно-технических средств для достижения трансчеловеческого состояния как переходного этапа к постчеловечеству легализует морфологическую свободу в обращении с телесностью человека. Трансгуманисты считают, что мы должны использовать технику в целях максимального расширения человеческих возможностей. Современные разработки и достижения в области генной инженерии, био- и нанотехнологии, нейрофармакологии предоставляют реальные технические возможности для кардинальной трансформации человеческой природы.

А что же такое человек, в чем его уникальность, если его природу можно «переделывать» и «перепроектировать», подобно объекту? В своем эссе «Форма и техника» Кассирер выскаживает обеспокоенность неправильным отношением к технике, ее растущей силой, бросающей человека «в бесконечное головокружение»¹⁶. Главную причину такой ситуации Кассирер видел в кризисе самопознания, в том, что мы плохо понимаем сущность человеческой природы. Техника не сделает нас лучше, потому что она работает с телом, объектом, а не с человеческой сущностью. Символ имеет дело с созна-

¹⁴Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2. Mythical Thought. New Haven: Yale Univ. Press, 1955. P. 85.

¹⁵Ibid. P. 238.

¹⁶Cassirer E. Form and Technology // Ernst Cassirer on Forms and Technology: Contemporary Readings / ed. by A.S. Hoel, I. Folkvord. London: Palgrave Macmillan, 2012. P. 49.

нием, а не с телом. Человек создает технику, но не наоборот. Техника как одна из символических форм не должна заполнять все культурное пространство.

Кассирер подчеркивает опасность того, что техника узурпирует другие символические формы, становится доминирующей, если не единственной символической формой. Эта опасность сегодня очевидна в трансгуманистическом подходе, в рамках которого человеческая культура и сам человек рассматриваются через призму технических достижений и который стимулирует утилитарное отношение к человеку и человеческой деятельности. В рамках трансгуманизма наука и техника предоставляют средства для безграничного контроля, изменения и усовершенствования биологической природы человека. Определяя технику как одну из символических форм, Кассирер отвергает инструментальный подход к технике или упрощенный взгляд на человека как объект для технического манипулирования. Он утверждает, что техника – это не просто масса инструментов и технологий, а способ созидания жизненного мира, где человек играет исключительную роль.

Трансгуманисты рассматривают технику как панацею, которая расшатывает этические и социальные нормы, разрушает антропологические константы, направляя нас в постчеловеческую неизведанность, предлагая спекулятивные гипотезы о достижении неестественных для человека физических и когнитивных способностей. Трансгуманистическая идея усовершенствования человека обращена на телесность, организм и не подразумевает работу с внутренним миром человека. Радикальная трансформация человека в рамках трансгуманизма обращена на развитие нечеловеческих качеств с целью создания технически усовершенствованного существа. Трансгуманизм в своих спекулятивных видениях «усовершенствованного» постчеловеческого будущего стирает антропологическую границу между человеком и техникой, нивелируя вопрос о внутреннем мире человека, что как раз и определяет его уникальность. Проблема преодоления границы между

миром человеческим и нечеловеческим характерна и для постгуманизма, постулирующего идеи гибридизации и тотальной инклюзивности, что лишает человека исключительной роли и определяет его статус как онтологически равный нечеловеческим существам и даже объектам.

Ключевые идеи постгуманизма в контексте философско-антропологических взглядов Кассирера. Постгуманизм относится к постчеловеческой перспективе, которая бросает вызов традиционным взглядам на человека, подчеркивая взаимосвязь между человеческим и нечеловеческим мирами. Теоретики постгуманизма, игнорируя онтологические иерархии, постулируют равнозначность всех живых существ и отвергают антропоцентризм, что равнозначно отказу от исключительности человеческого сознания. Р. Брайдотти поясняет, что постгуманизм отрицает трансцендентальное сознание, рекомендуя принять трансверсальную субъективность [23, с. 165]. Постгуманизм, отказываясь от трансцендентальности сознания, пытается тем самым встроить человека в пространство природы и вещей, где он приобретает такой же статус, как любое нечеловеческое существо. Кассирер подчеркивает, что символическое сознание не признает мир, состоящий из вещей, а признает мир ценностей, который пронизан чувством жизни: «Для человека существует только сфера трансцендентального» [24, с. 278]. Человек принадлежит не природе, а субъективности. Субъективность относится к пространству сознания. Отсутствие трансцендентности лишает сознание опоры. Субъективность в постчеловеческой перспективе зиждется на антиантропоцентрическом утверждении того, что человек онтологически равен окружающей среде. Трансверсальная субъективность предстает сборкой, возникающей как результат взаимоотношения между человеческим и нечеловеческими мирами.

Несмотря на различие подходов, в постгуманизме понятие «трансверсальная субъективность» предполагает гибридность как частичное или даже полное слияние с нечеловеческими существами и даже техникой в процессе

восприятия. Гибридность становится возможной вследствие инклузивности. Постгуманизм делает акцент на идее «тотальной инклузивности» как эпистемологическом инструменте, с помощью которого преодолеваются онтологические иерархии, в результате чего человек теряет свою исключительную роль и антропологическую обособленность. Для того чтобы осуществить «тотальную инклузивность» в том смысле, в каком это предлагают постгуманисты, необходимо трансформировать сознание таким образом, чтобы перестать различать человеческое и нечеловеческое. Иными словами, постгуманизм предлагает идею радикальной онтологической открытости. Здесь возникает закономерный вопрос: как может человек познавать мир, если он не различает себя и других существ?

Кассирер, отмечает С.Г. Лофц, признает, что животные обладают способностью манипулировать своим миром таким способом, который можно определить как «технический». Только эта способность существует благодаря практическому разуму, а «не человеческому» [8, с. 64]. Идея радикальной онтологической открытости среди прочего открывает для постгуманистов возможность переосмыслить человека с точки зрения практического, феноменологического взаимодействия с окружающей средой и даже микросредой [25, 26]. Философия Кассирера сегодня напоминает нам о том, что на пути такого «взаимодействия» стоит символическое сознание. По сравнению с другими живыми существами человек живет не в пространстве и не в широкой объективированной реальности, но в совершенном ином измерении.

Только трансцендентальное сознание может обладать способностью символизировать, благодаря которой человек создает собственный мир – мир культуры. В человеке заложено стремление воспарить над природой, как бы приподняться до созерцания целостности бытия.

Нацелившись на достижение постчеловеческого состояния, постгуманизм лишает человека привилегии на сознание, игнорируя особенности внутренней духовной жизни. Сим-

воличность сознания подразумевает особый человеческий сенсориум, где господствуют человеческие ценности. Благодаря символичности как особой силе сознания человек организует мир таким образом, что делает его понятным и пригодным для себя. Восприятие реальности через символ означает, по Кассиреру, что в человеческом мире доминируют не вещи, а наше собственное, прочувственное символическое понимание окружающего как особого необъективированного мира.

Сознание обуславливает различия. Там, где присутствует человеческое сознание, существуют антропологическая граница, онтологические иерархии и индивидуальные различия.

Стирая грани между человеческим и нечеловеческим мирами, постгуманизм нивелирует ценность человека и распространяет логику человеческой мысли на весь мир. Концептуально интересным в этом отношении видится понимание Кассирером пространства человеческого самовыражения как мира, который организуется в особые области духовной, интеллектуальной деятельности. Религия, традиции, миф, язык, литература, наука, искусство – все это не только инструменты человеческого общения, но и сама ткань человеческого мышления и понимания, которая создает символическую сеть человеческого существования и опыта, составляя символическую вселенную человека, где господствуют не физические законы, а человеческое сознание. Это значит, что человеческий мир не может «переплетаться» с окружающей средой, как это постулируют теоретики постгуманизма. Символическая природа сознания исключает ментальную, физическую, технологическую и биологическую интеграции. Смысложизненные ценности приобретаются не в физическом мире, а метафизически. Концепт символического сознания, обуславливающего особое бытие человека, подрывает постгуманистические идеи о тотальной инклузивности и гибридности.

Заключение. В начале прошлого века Кассирер изменил вектор философской антропологии, показав, что сущность человека состоит

не в рациональности или разумности, а в особенностях его внутреннего мира. Человеческая сущность проявляется через его главную функцию – духовную деятельность, реализующуюся в культуре. Как отмечает Кассирер, человек, обладая символическим способом восприятия реальности, живет в символической вселенной. Между ней и нечеловеческим живым миром лежит пропасть, вместе им не сойтись. Концепция символического сознания, идея символической вселенной Кассирера подрывают главный постулат постгуманизма о «переплетении» миров (человеческого, технического и животного), преодолении фундаментального дуализма «культура – природа». Аксиологическую смыслообразующую модель человеческого бытия невозможно встроить в мир природы и вещей, лишив человека привилегированного онтологического статуса, как это предлагают постгуманисты.

Кассирер выстраивает универсум человеческого культурного опыта таким образом, что различные символические формы не растворяются, не подавляются рациональностью и логикой техники, но обладают уникальностью и существуют как самобытные культурные миры в составе символической вселенной. Представители постгуманизма и трансгуманизма, несмотря на различные подходы, ставят своей ко нечной целью достижение постчеловеческого состояния, не уточняя при этом, каким именно они его видят. Очевидно то, что суть постчеловеческого состояния заключается в мутации сознания: утрате способности различать, воспри-

нимать себя как человек. Если наше сознание символично, то для достижения постчеловеческой перспективы человек должен преодолеть символичность сознания, иными словами, утратить способность различения человеческого и нечеловеческого.

Обращаясь к проблеме человека и техники, Кассирер подчеркивает, что фундаментальная проблема состоит в том, что техника перестает быть объектом, помогающим осуществить человеческие цели в контексте этических задач, превращаясь в самоцель. Рассматривая технику как одну из символических форм, Кассирер предупреждает об опасности всеобъемлющего внедрения техники в мир «ментальных форм», поскольку это угрожает нарушить равновесие в существовании других символических форм.

В контексте постчеловеческой перспективы категория человека в традиционном понимании исчерпала себя и становится предметом постоянных концептуальных атак. Как было показано выше, трансгуманизм нацелен исключительно на трансформацию организма вне контекста особенностей внутреннего, духовного мира человека. Постгуманизм, отвергая онтологические иерархии, уравнивает человека с другими существами, лишая человеческое сознание способности различать, предлагая гибридность как сборку между человеческим и нечеловеческим. Философия Кассирера сегодня возвращает в центр философских рефлексий вопрос о внутреннем мире человека.

Список литературы

1. Langer S.K. *Philosophy in a New Key: A Study in Symbolism of Reason, Rite, and Art*. N. Y.: New American Library, 1942. 248 p.
2. Gilbert C. Cassirer's Placement of Art // *The Philosophy of Ernst Cassirer* / ed. by P.A. Schilpp. Wisconsin: George Banta Publ., 1949. P. 605–630.
3. Verene D.P. *The Origins of the Philosophy of Symbolic Forms: Kant, Hegel, and Cassirer*. Evanston: Northwestern Univ. Press, 2011. 168 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv47w6gg>
4. Krois J.M. *Cassirer: Symbolic Forms and History*. New Haven: Yale Univ. Press, 1987. 290 p.
5. Luft S. *The Space of Culture: Towards a Neo-Kantian Philosophy of Culture* (Cohen, Natorp, and Cassirer). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015. 247 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198738848.001.0001>

6. *Luft S. Cassirer's Philosophy of Symbolic Forms: Between Reason and Relativism. A Critical Appraisal* // *Ideal. Stud.* 2004. Vol. 34, № 1. P. 25–47. <https://doi.org/10.5840/idstudies200434113>
7. *Lofts S. The Subject of Culture* // *Symbolic Forms and Cultural Studies: Ernst Cassirer's Theory of Culture* / ed. by J.M. Krois, C. Hamlin. New Haven: Yale Univ. Press, 2004. P. 61–77. <https://doi.org/10.12987/9780300156836-009>
8. *Lofts S.G. Ernst Cassirer: A “Repetition” of Modernity*. N. Y.: State Univ. N. Y. Press, 2000. 276 p.
9. *Skidelsky E. Ernst Cassirer: The Last Philosopher of Culture*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2008. 288 p.
10. *Matherne S. Cassirer*. London: Routledge, 2021. 306 p.
11. *Truwant S. Cassirer's Functional Conception of the Human Being* // *Ideal. Stud.* 2015. Vol. 45, № 2. P. 169–189. <https://doi.org/10.5840/idstudies20161543>
12. *Свасьян К.А. Философия символических форм Э. Кассирера: критический анализ*. 2-е изд. М.: Альма-матер: Акад. проект, 2010. 243 с. (Сер.: Соврем. рус. философия).
13. *Кравченко А.А. Логика гуманитарных наук Э. Кассирера. Кассирер и Гете*. М.: Диалог-МГУ, 1999. 333 с.
14. *Соболева М.Е. Философия символических форм Э. Кассирера: Генезис. Основные понятия*. Контекст. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 151 с.
15. *Смирнов С.А. Антропология как строгая наука? К вопросу о методологическом обосновании философской антропологии*. Ст. 3. Эрнст Кассирер. Человек в объятиях культуры // *Филос. антропология*. 2022. Т. 8, № 2. С. 17–34. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2022-8-2-17-34>
16. *Zaner R.M. An Approach to Philosophical Anthropology* // *Philos. Phenomenol. Res.* 1966. Vol. 27, № 1. P. 55–58. <https://doi.org/10.2307/2106138>
17. *Bengtson E., Rosengren M. A Philosophical-Anthropological Case for Cassirer in Rhetoric* // *Rhetorica*. 2017. Vol. 35, № 3. P. 346–365. <https://doi.org/10.1353/rht.2017.0010>
18. *Демидова М.В. Теория человека Э. Кассирера* // *Власть*. 2007. № 1. С. 88–91.
19. *Recki B. Cassirer and the Problem of Language* // *Cultural Studies and the Symbolic* / ed. by P. Bishop, R.H. Stephenson. London: Routledge, 2003. P. 1–20.
20. *Кант И. Критика чистого разума* / пер. с нем. Н. Лосского. М.: ACT, 2017. 560 с.
21. *Лосев А.Ф. Диалектика мифа*. М.: ACT, 2021. 448 с.
22. *Obolevitch T. Symbol in Ernst Cassirer's and Aleksei Losev's Thought* // *Cultures, Epochs, Ideas, Styles* / ed. by E. Tacho-Godi, O. Bychkov. N. Y.: Peter Lang, 2023. P. 425–434.
23. *Braidotti R. Posthuman Knowledge*. Cambridge: Polity, 2019. 210 p.
24. *Забулионите А.-К.И. Трансцендентальное истолкование типологизации в «Философии символических форм» Э. Кассирера* // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6: Философия, культурология, политология, право, междунар. отношения*. 2008. Вып. 4. С. 277–288.
25. *Barad K. Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter* // *A Feminist Companion to the Posthumanities* / ed. by R. Braidotti. Cham: Springer, 2018. P. 223–229. https://doi.org/10.1007/978-3-319-62140-1_19
26. *Bennett J. Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Durham: Duke Univ. Press, 2010. 200 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv111jh6w>

References

1. Langer S.K. *Philosophy in a New Key: A Study in Symbolism of Reason, Rite, and Art*. New York, 1942. 248 p.
2. Gilbert C. Cassirer's Placement of Art. Schilpp P.A. (ed.). *The Philosophy of Ernst Cassirer*. Wisconsin, 1949, pp. 605–630.
3. Verene D.P. *The Origins of the Philosophy of Symbolic Forms: Kant, Hegel, and Cassirer*. Evanston, 2011. 168 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv47w6gg>
4. Krois J.M. *Cassirer: Symbolic Forms and History*. New Haven, 1987. 290 p.
5. Luft S. *The Space of Culture: Towards a Neo-Kantian Philosophy of Culture (Cohen, Natorp, and Cassirer)*. Oxford, 2015. 247 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198738848.001.0001>
6. Luft S. Cassirer's Philosophy of Symbolic Forms: Between Reason and Relativism. A Critical Appraisal. *Ideal. Stud.*, 2004, vol. 34, no. 1, pp. 25–47. <https://doi.org/10.5840/idstudies200434113>

7. Loft S. The Subject of Culture. Krois J.M., Hamlin C. (eds.). *Symbolic Forms and Cultural Studies: Ernst Cassirer's Theory of Culture*. New Haven, 2004, pp. 61–77. <https://doi.org/10.12987/9780300156836-009>
8. Loft S.G. *Ernst Cassirer: A "Repetition" of Modernity*. New York, 2000. 276 p.
9. Skidelsky E. *Ernst Cassirer: The Last Philosopher of Culture*. Princeton, 2008. 288 p.
10. Matherne S. *Cassirer*. London, 2021. 306 p.
11. Truwant S. Cassirer's Functional Conception of the Human Being. *Ideal. Stud.*, 2015, vol. 45, no. 2, pp. 169–189. <https://doi.org/10.5840/idstudies20161543>
12. Svas'yan K.A. *Filosofiya simvolicheskikh form E. Kassirera: kriticheskiy analiz* [E. Cassirer's Philosophy of Symbolic Forms: A Critical Analysis]. Moscow, 2010. 243 p.
13. Kravchenko A.A. *Logika gumanitarnykh nauk E. Kassirera. Kassirer i Gete* [The Logic of the Humanities by E. Cassirer. Cassirer and Goethe]. Moscow, 1999. 333 p.
14. Soboleva M.E. *Filosofiya simvolicheskikh form E. Kassirera: Genetis. Osnovnye ponyatiya. Kontekst* [E. Cassirer's Philosophy of Symbolic Forms: Genesis. Key Concepts. Context]. St. Petersburg, 2001. 151 p.
15. Smirnov S.A. Antropologiya kak strogaya nauka? K voprosu o metodologicheskem obosnovanii filosofskoy antropologii. St. 3. Ernst Cassirer. *Chelovek v ob"yatiyakh kul'tury* [Anthropology as a Strict Science? To the Question of the Methodological Substantiation of Philosophical Anthropology. Article 3. Ernst Cassirer. Man in the Arms of Culture]. *Filosofskaya antropologiya*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 17–34. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2022-8-2-17-34>
16. Zaner R.M. An Approach to Philosophical Anthropology. *Philos. Phenomenol. Res.*, 1966, vol. 27, no. 1, pp. 55–58. <https://doi.org/10.2307/2106138>
17. Bengtson E., Rosengren M. A Philosophical-Anthropological Case for Cassirer in Rhetoric. *Rhetorica*, 2017, vol. 35, no. 3, pp. 346–365. <https://doi.org/10.1353/rht.2017.0010>
18. Demidova M.V. *Teoriya cheloveka E. Kassirera* [E. Cassirer's Theory of Man]. *Vlast'*, 2007, no. 1, pp. 88–91.
19. Recki B. Cassirer and the Problem of Language. Bishop P., Stephenson R.H. (eds.). *Cultural Studies and the Symbolic*. London, 2003, pp. 1–20.
20. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. Moscow, 2017. 560 p.
21. Losev A.F. *Dialektika mifa* [The Dialectics of Myth]. Moscow, 2021. 448 p.
22. Obolevitch T. Symbol in Ernst Cassirer's and Aleksei Losev's Thought. Bychkov O., Stahl H., Takho-Godi E. (eds.). *Cultures, Epochs, Ideas, Styles*. New York, 2023, pp. 425–434.
23. Braidotti R. *Posthuman Knowledge*. Cambridge, 2019. 210 p.
24. Zabulionite A.-K.I. Transtsendental'noe istolkovanie tipologizatsii v "Filosofii simvolicheskikh form" E. Kassirera [Transcendental Interpretation of Typology in "Philosophy of the Symbol's Forms" by E. Cassirer]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6: Filosofiya, kul'turologiya, politologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya*, 2008, no. 4, pp. 277–288.
25. Barad K. Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter. Åsberg C., Braidotti R. (eds.). *A Feminist Companion to the Posthumanities*. Cham, 2018, pp. 223–229. https://doi.org/10.1007/978-3-319-62140-1_19
26. Bennett J. *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Durham, 2010. 200 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv111jh6w>

Информация об авторе

Э. Мартин – PhD, научный сотрудник Лидского университета (адрес: Woodhouse Lane, Leeds, LS2 9JT, United Kingdom).

Information about the author

Ellen Martin, PhD, Research Associate, University of Leeds (address: Woodhouse Lane, Leeds, LS2 9JT, United Kingdom).

Поступила в редакцию 23.07.2024
Одобрена после рецензирования 13.05.2025
Принята к публикации 16.05.2025

Submitted 23 July 2024
Approved after reviewing 13 May 2025
Accepted for publication 16 May 2025

Иванов Д.В.

Баптисты в религиозном ландшафте Тринадцати колоний: на пути к религиозной свободе и многообразию

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 4. С. 110–121.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 110–121.

Обзорная статья
УДК [17.021.2+172.3]:286.15
DOI: 10.37482/2687-1505-V453

Баптисты в религиозном ландшафте Тринадцати колоний: на пути к религиозной свободе и многообразию

Даниил Витальевич Иванов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: evdokimushkov@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2403-5290>

Аннотация. Данная статья посвящена влиянию баптистских групп на становление религиозного многообразия и светскости в период колониальной истории США. Баптизм, проникший в Северную Америку еще в первые десятилетия английской колонизации континента, в настоящее время является второй по численности христианской конфессией в США после римского католицизма. Колониальная история американского баптизма, несмотря на продолжительное присутствие конфессии на континенте и ее огромное общественное влияние в южных штатах, представляет собой пример долгой и упорной борьбы как за сердца верующих, так и за религиозную свободу. В Тринадцати колониях баптисты подвергались локальным преследованиям, что не останавливало рост баптистской конфессии на протяжении всего колониального периода. Развитие баптизма было обусловлено как иммиграцией баптистских групп из Британии, так и активным прозелитизмом, в т. ч. среди африканских рабов. Баптизм привлекал к себе внимание простотой культа, акцентом на личном благочестии и строгим следованием Библии. Не последнюю роль в развитии традиции баптизма в колониях сыграла форма организации, подразумевающая независимость каждой поместной общины верующих, что позволило различным баптистским группам развиваться независимо друг от друга в периферийных регионах. Будучи подавляемой группой, баптисты активно боролись за религиозную свободу и внесли существенный вклад в формирование светского общества в ранней Америке. Так, один из основоположников баптизма в колониях, Роджер Уильямс, организовал первую веротерпимую колонию в Новом Свете – Род-Айленд. Более того, отдельные группы баптистских переселенцев участвовали в колонизации приграничных земель Тринадцати колоний, образуя новые религиозные ландшафты в зоне раннего американского фронтира.

Ключевые слова: Тринадцать колоний, Северная Америка, баптизм, баптистские общины, миграции баптистов, религиозные беженцы, религиозный ландшафт, религиозная свобода

Для цитирования: Иванов, Д. В. Баптисты в религиозном ландшафте Тринадцати колоний: на пути к религиозной свободе и многообразию / Д. В. Иванов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 110-121.– DOI 10.37482/2687-1505-V453.

Review article

Baptists in the Religious Landscape of the Thirteen Colonies: Towards Religious Freedom and Diversity

Daniil V. Ivanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,

e-mail: evdokimushkov@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2403-5290>

Abstract. The purpose of this article is to examine the influence of Baptist groups on the emergence of religious diversity and secularism during the colonial history of the United States. Baptism, which penetrated North America in the first decades of the English colonization of the continent, is currently the second largest denomination in the United States after Roman Catholicism. The colonial history of American Baptism, despite the tradition's lengthy presence on the continent and enormous social influence in the southern states, is an example of a long and persistent struggle for both the hearts of believers and religious freedom. In the Thirteen Colonies, Baptists were subjected to local persecution, which did not stop the growth of the Baptist tradition throughout the colonial period. Baptism advanced as a result of both immigration of Baptist groups from Britain and active proselytism, including among African slaves. Baptism appealed to people due to the simplicity of its worship, emphasis on personal piety and strict adherence to the Bible. The form of organization, with the independence of each local congregation of believers, also played a significant role in the establishment of the Baptist tradition in the colonies. This allowed various Baptist communities to develop independently of each other in the peripheral regions. Being an oppressed group, Baptists actively fought for religious freedom and played a major role in the formation of secular society in early America. Thus, Roger Williams, one of the founders of the Baptist tradition in the colonies, established the first religiously tolerant colony in the New World – Rhode Island. Moreover, individual groups of Baptist settlers participated in the colonization of the borderlands of the Thirteen Colonies, forming new religious landscapes in the early American Frontier.

Keywords: Thirteen Colonies, North America, Baptism, Baptist congregations, Baptist migrations, religious refugees, religious landscape, religious freedom

For citation: Ivanov D.V. Baptists in the Religious Landscape of the Thirteen Colonies: Towards Religious Freedom and Diversity. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 110–121. DOI: 10.37482/2687-1505-V453

Введение. Религиозный ландшафт США уникален: образованный сетью множества независимых друг от друга христианских (и не только) деноминаций, он является собой яркий пример религиозного плюрализма. Более того, в контексте исторически христианских стран США стали первым светским и плюральным обществом, что говорит об исключительности американского религиозного многообразия. Истоки американского религиозного плюрализма следует ис-

кать в религиозных процессах, происходивших в колониальный период истории страны, а именно в специфическом религиозном ландшафте Тринадцати колоний. Более раннее достижение религиозной свободы в Америке было связано в т. ч. с активной деятельностью в английских колониях непривилегированных религиозных групп, таких как баптисты, пресвитериане, методисты и квакеры, что делает актуальным исследование конфессиональных истоков амери-

канского религиозного многообразия. Баптизм как одна из старейших и крупнейших конфессий прекрасно подходит в качестве объекта изучения.

На сегодняшний день баптисты считаются крупнейшей протестантской¹ деноминацией в США и второй по численности христианской конфессией в стране после католиков. Южная баптистская конвенция (Southern Baptist Convention), крупнейшая протестантская организация в США, насчитывает около 13 млн верующих и более 45 тыс. общин (congregations), оказывая огромное влияние на общественную жизнь Американского Юга. Южные баптисты, однако, являются далеко не единственной ассоциацией баптистских церквей Америки: по данным The Association of Religion Data Archives на 2020 год, в стране действуют 169 независимых баптистских организаций, 4 из которых насчитывают более 1 млн прихожан². Членами баптистских конгрегаций являются многие именитые американские актеры, бизнесмены и политики, включая бывших президентов Джимми Картера и Билла Клинтона³. Баптизм по праву можно назвать одной из наиболее значимых протестантских общин Америки. Но было ли так всегда?

Несмотря на то, что баптисты входили в число ранних английских колонистов, на протяжении всего колониального периода их по-

ложение было неустойчивым, а доля от населения – низкой. Первые американские баптисты были религиозными беженцами из Англии, которые в 1630-е годы прибыли в пуританский Массачусетс в поисках религиозной свободы. Уже в первые годы проживания на новом континенте они столкнулись с репрессиями со стороны пуритан. Положение баптистских общин в колониальном обществе варьировалось от откровенных гонений до относительной терпимости в зависимости от региона и периода. Баптистские общины были небольшими и замкнутыми религиозными группами, состоявшими из мелких фермеров и недавних иммигрантов. В отличие от англикан и конгрегационалистов у них не было учебных заведений для подготовки духовных кадров⁴, как и каких-либо государственных привилегий. Однако, несмотря на преследования, баптизм в Тринадцати колониях постепенно рос и развивался. К 1775 году в колониях действовали 494 баптистские конгрегации, которые посещало около 25 тыс. прихожан (около 1 % населения) [1, с. 197].

Целью данного исследования является изучение причин роста баптизма в Тринадцати колониях при периодических гонениях и многочисленных юридических ограничениях на религиозную практику и влияния деятельности

¹Использование термина «протестантизм» в современном религиоведении считается проблематичным по причине большого многообразия богословских доктрин, ритуальных практик и форм церковного устройства (church policy), характерных для различных конфессий и деноминаций, традиционно считавшихся протестантскими. Например, церкви, как правило, ассоциируемые с протестантизмом, могут разделять и кальвинистское, и арминианское богословие, придерживаться и высокого, и низкого богослужебного обряда, а также имеют епископальное, пресвитерианское или конгрегациональное устройство. В рамках данной статьи термины «протестантизм» и «протестантская деноминация» условно обозначают те общины и группы внутри западной христианской традиции, которые произошли от церквей, отколовшихся от Римской церкви во время Реформации, либо религиозные группы, отколовшиеся позднее уже от этих церквей.

²Southern Baptist Convention (1845 – Present) – Religious Group. URL: <https://www.thearda.com/us-religion/group-profiles/groups?D=770> (дата обращения: 15.01.2025).

³В 1993 году Клинтон перешел в методизм, будучи недовольным консервативными устоями Южной баптистской конвенции.

⁴Баптистские священники под лидерством Джеймса Мэннинга участвовали в основании Брауновского колледжа в 1764 году, однако учебное заведение с первых лет существования было открыто для всех протестантов, в то время как его устав стремился минимизировать влияние той или иной религиозной традиции на учебную программу, что делало Брауновский колледж наиболее светским в Тринадцати колониях.

баптистов на формирование религиозной свободы и многообразия в колониях. Невзирая на малочисленность, баптисты активно боролись за религиозную терпимость. Они внесли большой вклад в становление плюрального религиозного общества в Северной Америке, что делает актуальным исследование механизма их влияния на формирование общества религиозной свободы. Не менее важна и миссионерская деятельность баптистов среди афроамериканских рабов в XVIII веке. Помимо этого, отдельные группы баптистов принимали участие в освоении приграничных областей колоний (Colonial Frontier), формируя новые религиозные ландшафты будущих США.

Обзор литературы. Несмотря на большое число исследований по истории баптистов в США, частично затрагивающих колониальный период истории государства, а также внушительный корпус работ по влиянию баптистских групп на американский религиозный плюрализм и светскость, равно как и на американскую культуру в целом, обзорных трудов об истории баптистов в Тринадцати колониях и их влиянии на колониальную жизнь всего пространства колоний нет. Немало исследований посвящено истории баптизма как конфессии вообще, в частности Генри Леона Макбета и Роберта Торбета, однако важно подчеркнуть, что в силу своей конфессиональной принадлежности оба автора рассматривали историю развития баптизма «изнутри» [2, 3]. Данные труды крайне важны, однако они затрагивают общую конфессиональную историю баптизма, что предполагает широкие географические и хронологические рамки.

Исследования истории баптизма в масштабах США, наиболее близкие данной статье тематически, охватывают колониальный период лишь частично, основное внимание в них уделяется более поздним этапам развития конфессии в стране. Подобные работы появились еще в начале XIX века – например, подробнейший труд преподобного Дэвида Бенедикта, опубликованный в 1813 году, фиксирует данные о локальных общинах и местных баптистских лидерах преимущественно в южных колониях и штатах [4].

Несмотря на бесспорные преимущества, подобные исследования не проводят демаркационной линии между колониальным периодом развития баптизма и более поздними этапами истории деноминации в стране. С начала XX века внимание привлекают труды по изучению колониальных корней афроамериканского баптизма [5, 6].

Большой академической ценностью обладают современные исследования по истории отдельных групп баптистов в отдельных колониях и их влиянию на локальные аспекты жизни того или иного региона. Так, диссертация Лаверны Смит раскрывает эффективность ненасильственных методов борьбы за религиозную свободу, применяемых обычными баптистами (Regular Baptists) в Вирджинии [7]. Роль обычных баптистов в развитии евангелического христианства Южной Каролины детально рассмотрена Эриком Смитом, однако хронологические рамки его работы включают последнее десятилетие колониального периода [8]. В 2019 году вышел фундаментальный труд Стенли Лемонса по истории баптистов Род-Айленда – родины американского баптизма [9]. Подобные исследования отличаются повышенным вниманием к фактам локальной истории баптизма, в чем и состоит их научная ценность, однако они не ставят задачей хронологическое описание развития баптизма в географических границах всех Тринадцати колоний. Локальные факты баптистской истории США широко представлены в англоязычной академической литературе, тем не менее наиболее полезны труды, резюмирующие результаты этих исследований в единую, комплексную картину религиозной истории колониального периода США. Построение лаконичной картины, демонстрирующей развитие баптизма в Тринадцати колониях с момента ранней колонизации до Американской революции, а также место разрозненных баптистских групп в колониальном религиозном ландшафте, может внести ясность в вопрос о конфессиональных истоках американских свобод и плюрализма.

Английские корни американского баптизма. Зарождение баптизма происходило в Нидерландах в 1607–1611 годах в среде ан-

глийских пуритан, бежавших на континент от усилившихся религиозных преследований на родине⁵. С 1590-х годов отдельные группы пуритан стали образовывать независимые от Английской церкви подпольные общины, которые быстро столкнулись с преследованиями со стороны государства [10, с. 69]. Именно из среды отделившихся пуритан происходили основоположники баптизма.

Истоки баптизма следует искать в деятельности Джона Смита и Томаса Хелвиса. Смит был англиканским священником с пуританскими взглядами, покинувшим лоно Английской церкви в 1607 году. Хелвис не имел духовного сана, однако принимал активное участие в пуританском движении. Оба бежали в Голландию в 1607 году, опасаясь арестов за участие в незаконных религиозных собраниях [2, с. 101].

Нидерланды отличались существенно большей религиозной свободой, став домом для многих протестантских общин Европы, включая меннонитов. Известно, что Джон Смит контактировал с ними в Амстердаме. Между 1607 и 1609 годами Смит и Хелвис пришли к выводу о необходимости крещения только верующих людей, что подразумевало отказ от крещения младенцев. Подобная практика была распространена среди меннонитов, однако принципиально отвергалась пуританами [11]. Активные богословские поиски подтолкнули Джона Смита и Томаса Хелвиса к основанию собственной общины в 1609 году, члены которой прошли повторное крещение. Так началась история

баптизма как религиозной традиции, главными принципами которой стали крещение только взрослых и независимость каждой поместной общины верующих.

Сотрудничество Хелвиса и Смита было прервано духовным сближением последнего с меннонитами. Общину возглавил Хелвис. В 1611 году он с последователями вернулся в Англию, где спустя год основал общину баптистов в Лондоне [12, с. 331]. Незадолго до этого он опубликовал небольшой труд «Тайна беззакония» (The Mystery of Iniquity), в котором последовательно отстаивал идею крещения только взрослых, необходимость религиозной свободы и арминианские взгляды на спасение⁶. Баптистская община Хелвиса также разделяла арминианство, что еще больше отдало баптизм от большинства английских пуритан. Баптисты, разделявшие арминианскую идею «общего искупления» (general atonement)⁷, стали известны как общие баптисты (General Baptists).

В 1630–1640-е годы, когда число баптистских общин в Англии значительно выросло, ряд общин вернулся к кальвинистскому богословию, отставая догмат о предопределении, но сохраняя верность крещению исключительно взрослых. От данных групп пошли частные баптисты (Particular Baptists).

Религиозные преследования баптистов продолжались вплоть до Славной революции 1689 года, когда Вильгельм III Оранский принял «Акт о веротерпимости» (Toleration Act), существенно расширявший права несогласных проте-

⁵Пуританами называли английских кальвинистов в XVI–XVII веках, несогласных с богослужебными нормами церкви Англии. Большинство пуритан, оставаясь членами Английской церкви, стремились «очистить» ее от элементов католицизма (практики мессы, евхаристии и облачений священников). Их принято называть неотделившимися пуританами. Меньшинство из пуритан, видя невозможность реформирования церкви, отделялось от нее, образуя собственные группы – «сепаратные пуритан» (Separate Puritans), «сепаратисты» (Separatists).

⁶Арминианство – это богословская позиция, согласно которой спасение человека зависит от свободы воли. Оно зародилось в начале XVII века в Нидерландах, как раз в годы эмиграции Джона Смита и Томаса Хелвиса. Английские пуритане, будучи кальвинистами, придерживались идеи предопределения, согласно которой Бог избрал одних людей на спасение, а других – на проклятие. Как пуританин, Хелвис разделял подобный взгляд на спасение по крайней мере до 1611 года, однако позднее принял идею о возможности спасения каждого человека.

⁷Идея «общего искупления» подразумевала, что Иисус Христос искупил грехи всех людей, что шло вразрез с кальвинистской идеей предопределения.

стонтов, но сохранивший все ограничения для католиков [13, с. 175]. Данный закон заметно увеличил сферу деятельности баптистских общин, но так и не предоставил полного религиозного равноправия.

Зарождение американского баптизма. Ранняя история баптизма неразрывно связана с пуританским движением, хотя между пуританами и баптистами быстро возникли разногласия, вызванные крещением исключительно взрослых. Более того, сам английский пуританизм никогда не был единым движением, свободным от противоречий. Религиозная политика Якова I и Карла I вынуждала наиболее последовательных пуритан искать религиозную свободу за рубежом, включая колонизируемые земли Северной Америки. В 1620–1640-е годы тысячи пуритан переселились в Новую Англию, основав самоуправляемые колонии Массачусетса, Плимута и Коннектикута. В числе этих религиозных беженцев были первые американские баптисты.

Возникновение первых баптистских общин принято связывать с именами Джона Кларка и Роджера Уильямса. Уильямс, английский сепаратный пуританин и бывший англиканский клирик, иммигрировал в Массачусетс еще в 1631 году и стал пуританским священником (minister). До 1638 года он не был связан с баптистами, хотя уже тогда проповедовал близкие им идеи, например религиозную свободу. Кларк переселился в Массачусетс в 1637 году уже будучи баптистом.

В 1633–1635 годах Роджер Уильямс оказался втянут в череду судебных процессов, причиной которых стали якобы его «опасные мнения» (dangerous opinions) [14, с. 12–23]. Известно, что к тому моменту Уильямс был противником государственной поддержки церкви, а также осуждал отчуждение земель коренных американцев колонистами. В декабре 1635 года Уильямс, опасаясь ареста, бежал из Массачусетской колонии к индейцам, а годом позже

основал постоянное поселение Провиденс на территории современного штата Род-Айленд⁸. Поселение привлекло колонистов, несогласных с религиозными нормами пуритан Массачусетса, среди которых был баптист Джон Кларк. В 1638 году под влиянием Кларка 12 колонистов, включая Уильямса, приняли повторное крещение и основали первую баптистскую общину Северной Америки [9, с. 13]. В 1636–1641 годах вокруг Провиденса возник ряд поселений религиозных беженцев, сформировавший колонию Род-Айленд – первое полностью светское политическое образование в Новом Свете. В 1644 году Джон Кларк, переселившийся в Ньюпорт, другое колониальное поселение Род-Айленда, основал вторую баптистскую общину на территории современных США.

Несмотря на законы Массачусетса, запрещавшие противодействие крещениям младенцев, с 1663–1665 годов в колонии действовали полуподпольные баптистские общинны, однако их положение в религиозном ландшафте региона было почти незаметным, а некоторые верующие подвергались арестам. Как подмечает Сэмюэль Стеблер, пуритане стремились ограничивать проживание баптистов и прочих инакомыслящих в крупных поселениях, частично дозволяя их деятельность на периферии колоний [15].

Влияние иммиграции на распространение баптизма в Тринадцати колониях. К началу XVIII века большая часть восточного побережья Северной Америки находилась под контролем Великобритании. На этих территориях возникли независимые друг от друга колонии с разным религиозным законодательством. В то время как Массачусетс, Коннектикут и Вирджиния отличались строгими законами по отношению к нонконформистам⁹, другие колонии проводили более либеральную религиозную политику. Колонии быстро росли благодаря постоянному притоку иммигрантов

⁸Уильямс купил эти земли у племени Наррагансет, т. к. считал незаконным изъятие земель у коренных жителей.

⁹Нонконформистами называли религиозные группы, отделившиеся от государственной церкви (established church), в их число входили и баптисты.

из Британии и континентальной Европы, который включал религиозных беженцев, в т. ч. баптистов.

Наиболее веротерпимыми были Срединные колонии (Пенсильвания, Делавэр, Нью-Джерси, Нью-Йорк). Для данных территорий с первых лет колонизации был характерен пестрый религиозный состав, что делало их особенно привлекательными для британских баптистов. Небольшие группы валлийских баптистов переселились в Пенсильванию из Уэльса и колоний Новой Англии в 1680-е годы. Данные переселенцы придерживались кальвинистских взглядов и сохраняли валлийскую идентичность, став пионерами в целой череде дальнейших иммиграций баптистов на юг и запад. Первая валлийская община баптистов в Срединных колониях была основана в 1684 году неподалеку от города Бристоля в Пенсильвании [16, с. 182].

В 1701–1703 годах общины валлийских баптистов появляются в соседнем Делавэре, представлявшем собой три самоуправляемых округа (county) Пенсильвании. Валлийцы принимали особое участие в освоении региона наряду с квакерами и пресвитерианами. На протяжении всего века небольшие семейные группы баптистов из Уэльса пополняли уже сформированные конгрегации вдоль Валлийской дороги (The Welsh Tract), по которой тысячи переселенцев двигались на запад от Делавэра к предгорным областям Пенсильвании и Вирджинии [4, с. 3–4].

В 1688 году на границе Пенсильвании и Нью-Джерси, в поселении Пеннипак-Крик (Pennypack Creek), была основана смешанная англо-валлийская баптистская конгрегация, положившая начало баптистским общинам в Нью-Джерси, чьи веротерпимые законы способствовали дальнейшему развитию деноминации в регионе [3, с. 104].

В рабовладельческих Южных колониях, имевших государственную англиканскую церковь, баптисты начали селиться с конца XVII века. Несмотря на интенсивное развитие Вирджинии, крупнейшей из Тринадцати колоний, первые группы баптистов обосновались в Каролине,

отличавшейся более толерантными законами. В 1690-е годы небольшие общины, основанные переселенцами из Массачусетса, возникли в окрестностях Чарльстона [13, с. 2]. Различные группы нонконформистов, включая баптистов, интенсивно росли в Северной и Южной Каролине весь последующий век, однако имели место и локальные преследования. Так, в 1771 году в Северной Каролине назревал конфликт между правительством колонии и местными фермерами-баптистами, который привел к сокращению численности сепаратных баптистов [13, с. 18]. Несмотря на правовые преследования в Северной Каролине, баптистской конфессии удалось утвердиться в регионе к началу Американской революции и стать одной из наиболее активных деноминаций в колонии [17, с. 5–25].

В начале XVIII века конгрегации баптистов возникли в Вирджинии и Мэриленде. Так, первая община Мэриленда была основана англичанином Генри Сатором в 1709 году. Несмотря на относительную веротерпимость колонии, баптистская конфессия в ней не развивалась вплоть до Американской революции. К 1772 году в Мэриленде действовало всего две конгрегации [4, с. 12].

Развитие баптизма в Вирджинии до 1740-х годов проходило медленно и поэтапно. Первыми были общие баптисты из Англии, обосновавшиеся около 1700 года на побережье. До «Великого Пробуждения» (First Great Awakening) баптисты были крайне малочисленны, однако в середине XVIII века пережили настоящий религиозный «бум», подкрепленный как внутренними миграциями в колониях, так и активной проповедью.

Появление первых ассоциаций. Баптисты никогда не разделяли единую богословскую парадигму – между частными и общими баптистами существовали серьезные разногласия относительно вопроса спасения души. Более того, приверженность баптистов конгрегациональному церковному устройству, подразумевавшему независимость каждой общины, способствовала упрочнению не только теологических, но и культовых различий. Не имея единой централизованной организации, общины со схожи-

ми богословскими взглядами организовывали ассоциации на добровольной основе с целью взаимопомощи и поддержания общения между разрозненными конгрегациями, а также преследовали миссионерские цели [18, с. 173–174].

Первая баптистская ассоциация Америки возникла в 1670 году в Род-Айленде, на тот момент основном «прибежище» баптистов в колониях: 4 церкви общих баптистов объединились и создали ассоциацию для взаимной поддержки [9, с. 35–37]. Данная организация важна как первый пример кооперации баптистских общин в английских колониях, однако сама ассоциация никогда не отличалась многочисленностью.

Баптисты Пенсильвании, Делавэра и Нью-Джерси в 1680–1710-е годы были тесно связаны друг с другом. В 1707 году 5 небольших общин из этих колоний основали Филадельфийскую баптистскую ассоциацию – одну из наиболее влиятельных в колониальное время. Организация придерживалась веры частных баптистов и предопределила институциональный путь американского баптизма, в дальнейшем став эталоном при создании аналогичных структур в других колониях. Она росла благодаря иммиграции и прозелитизму, но сами общинны оставались малочисленными и закрытыми. Некоторые из них могли не иметь церковных зданий – их члены собирались в домах прихожан. Несмотря на это, организация интенсивно росла – к началу XIX века она объединяла 24 поместные церкви, 32 священников и более 2,5 тыс. активных членов [4, с. 515].

В 1751 году первая баптистская ассоциация появляется в Южной Каролине (Чарльзтонская ассоциация), в 1756-м – в Северной Каролине, в 1766-м – в Вирджинии, а в 1771-м – в Коннектикуте. К началу Американской революции

в колониях действовало более 8 региональных баптистских ассоциаций, а к 1815 году в молодом американском государстве их число превышало 80 [4, с. 552–553].

Влияние «Великого Пробуждения» на развитие баптизма. До 1740-х годов баптистские общины в Тринадцати колониях были разрознены и немногочисленны, хотя сама деноминация уже действовала в большинстве колоний. Если в 1740 году в колониях насчитывалось 96 общин, то к 1750-му их было уже 132, а к 1775 году – 494 [1, с. 197; 16, с. 182]. Усиление роста баптистской конфессии хронологически совпадает со значимым явлением религиозной жизни Тринадцати колоний – «Первым Великим Пробуждением» (First Great Awakening).

«Великим Пробуждением» принято называть межконфессиональное религиозное движение в Тринадцати колониях в 1730–1750-е годы, представлявшее собой серию религиозных «пробуждений» (revivals), охвативших преимущественно конгрегационалистские, пресвитерианские, баптистские и англиканские общины¹⁰. «Пробуждение» сопровождалось эмоциональными проповедями и массовыми обращениями верующих в отдельных округах, графствах и приходах, чаще в Новой Англии. Одним из родоначальников и лидеров «Великого Пробуждения» был пуританский пастор Джонатан Эдвардс, чьи проповеди в Нортгемптонской церкви в 1734–1735 годах вызвали широкую эмоциональную реакцию у прихожан. Среди конгрегационалистов и пресвитериан «Пробуждение» вызвало раскол на «Новые огни» (New Lights), подхватившие энтузиазм «Пробуждения», и «Старые огни» (Old Lights), стремившиеся сохранить традиционный формат проповеди.

¹⁰«Пробуждение» – религиозное движение в региональных протестантских деноминациях, характеризующееся массовым ростом религиозного энтузиазма с большим акцентом на личной вере и благочестии. «Пробуждения» обычно охватывали отдельные регионы и продолжались несколько лет, в течение которых наблюдался рост числа прихожан, сопровождаемый коллективными и личными религиозными переживаниями. «Пробуждения» часто приводили к расколам в церквях и образованию новых деноминаций (как методисты в XVIII веке и пятидесятники в начале XX века).

На фоне расколов в конгрегационалистской и пресвитерианской церквях баптисты извлекли существенные выгоды от серии «пробуждений». Конгрегационализм представлял собой продолжение пуританской традиции, что обусловило его привилегированное положение в обществе Новой Англии. В результате «Пробуждения» 1740-х годов многие конгрегационалисты вышли из государственных пуританских церквей и образовали независимые общины. Уже в среде новых общин ряд пасторов принял баптистскую идею крещения исключительно взрослых верующих – так появились сепаратные баптисты (Separate Baptists) [7, с. 9]. Будучи выходцами из пуританской среды, они разделяли идеи кальвинистского богословия, что роднило их группы с частными баптистами. Среди лидеров сепаратных баптистов наиболее значимы имена Исаака Бэкуса и Шубала Стернса – оба были пуританскими пасторами, отвергшими под влиянием «Пробуждения» практику крещения младенцев.

«Великое Пробуждение» имеет большую значимость для истории американского протестантизма, т. к. разногласия «Старых огней» и «Новых огней» легли в основу более глубокого разделения протестантских общин Америки на «основные» (mainline) и «евангелические» (evangelical)¹¹.

Миссионерская деятельность среди афроамериканцев. «Великое Пробуждение» привело к усилению миссионерской деятельности. Появилось больше странствующих проповедников, а общественный интерес к их проповедям вырос. Большинство афроамериканцев, как рабов, так и свободных, не было членами каких-либо религиозных общин, включая наиболее распространенное в южных колониях англиканство, что делало проповедь христианства среди них значимой в глазах евангелических проповедников из общин пресвитериан, баптистов и методистов.

Многие рабовладельцы, будучи практикующими баптистами или пресвитерианами, сами проповедовали своим рабам. Так, в 1773 году баптист Генри Шарп обратил в христианство своего раба Джорджа Лайла (George Liele). Позднее он освободил его, и Лайл совместно с Эндрю Брайяном, тоже чернокожим рабом, основал в столице Джорджии, Саванне, одну из первых баптистских общин для афроамериканцев [5, с. 119–127]. Во время войны за независимость эта конгрегация поддержала дело лоялизма, а ее члены иммигрировали в Новую Шотландию.

В 1774 году в Вирджинии была основана одна из первых афроамериканских баптистских церквей, ныне известная как Первая баптистская церковь Петерсбурга. Ее членами были как свободные афроамериканцы, так и рабы [6, с. 137]. В первые десятилетия после обретения США независимости появляется целый ряд баптистских и методистских церквей для чернокожих, что способствует формированию «черных церквей» (Black churches) с уникальными традициями и богословием. По данным на 2007 год, около 59 % афроамериканцев являлись членами конгрегаций «черных церквей», значительную часть из них составляли баптисты.

Участие в освоении зоны фронтира. Начиная с середины XVIII века отдельные группы баптистов участвовали в освоении приграничных территорий Тринадцати колоний. Американский фронт (American Frontier) – сложное и дискуссионное понятие, широко представленное в академической историографии США¹². В американском публичном дискурсе не сложилось общепринятого определения фронтира, однако в широком смысле под ним понимают осваиваемые с колониальных

¹¹Американские протестантские деноминации принято делить на «основные» и «евангелические». Характерной чертой «основных» церквей является широкое принятие либеральной теологии, в то время как сами направления генетически связаны с фракцией «Старых огней». Евангелические церкви консервативны, опираются на Писание, часто понимаемое буквально, и придают большую значимость духовному перерождению. Большинство баптистов Америки является евангелическими протестантами.

¹²Само слово «frontier» пришло в английский язык из французского в XV веке и долгое время обозначало границу вообще, например границу земельных угодий.

времен и до начала XX века приграничные земли. Это условная и постоянно «передвигавшаяся» на запад граница жилой зоны сначала британских колонистов, а позднее и американских переселенцев. До начала XIX века зона фронтира охватывала восточные и западные отроги хребта Аппалачи, выступавшего естественной и политической границей Тринадцати колоний.

В 1740-е годы группы сепаратных и частных баптистов мигрируют в осваиваемые предгорные области Вирджинии – долину Шенандоа, которая представляла собой наиболее удобный путь от прибрежных областей Пенсильвании и Вирджинии через горы Аппалачи в зону Американского Юга. Баптисты были лишь одними из многих групп переселенцев, среди которых преобладали шотландские пресвитериане, меннониты и квакеры, что создавало многогранный религиозный ландшафт, контрастировавший с побережьем Вирджинии, где позиции церкви Англии оставались достаточно прочными. Баптистские группы не были единными. Сепаратные баптисты поддерживали эмоциональный пыл «Великого Пробуждения», в то время как обычные баптисты¹³ стремились к большему порядку во время богослужений, что вызывало подозрительность и разногласия в баптистской среде колониальной Вирджинии [7, с. 9–10].

Накануне Американской революции граница фронтира продвинулась на запад до реки Миссисипи, что позволило американским переселенцам занимать территории современных штатов Кентукки и Теннесси. В 1777 году вся территория Кентукки стала окружом Вирджинии, что дало правовую основу освоения региона. Баптисты Вирджинии начали активно заселять этот регион с 1779 года, а к 1785 году располагали достаточным числом общин, чтобы основать три ассоциации [4, с. 227–228]. В 1780–1781 годах группы баптистов из Вирджинии открыли несколько церквей уже на тер-

ритории штата Теннеси, которые вскоре также объединились в ассоциацию [4, с. 214–215].

В течение следующих десятилетий баптизм станет неотъемлемой частью религиозного ландшафта не только Кентукки и Теннеси, но и всего Американского Юга, пик освоения которого придется на первую половину XIX века. Южная баптистская конвенция в наши дни стала первой по числу верующих религиозной организацией в Джорджии, Миссисипи, Алабаме, Кентукки, Теннеси, Арканзасе и Оклахоме, при том что баптизм в целом является преобладающей протестантской деноминацией во всех южных штатах¹⁴.

Заключение. Баптизм – одна из старейших христианских конфессий в США, появившаяся на заре колониальной эпохи. Баптисты не были первыми протестантами Америки, отдав пальму первенства пуританам, реформатской и англиканской церквям. Более того, иммигрировавшие в Тринадцать колоний баптисты часто становились жертвами религиозных преследований. Несмотря на это, баптистская конфессия росла на протяжении всего колониального периода, преодолевая правовые ограничения и внутренние разногласия, чему способствовал ряд факторов.

Основной фактор роста баптизма – совмещение иммиграции и прозелитизма. Баптизм был привезен в колонии религиозными беженцами, продолжавшими прибывать на протяжении всего колониального периода. Вместе с тем баптистские проповедники активно распространяли свое учение среди колонистов, включая и непривилегированных свободных афроамериканцев и рабов. Важны и внутренние миграции баптистов в зону фронтира – они способствовали формированию локальных центров баптизма на территории Американского Юга.

Не менее значимо влияние «Великого Пробуждения» на рост популярности баптизма в Тринадцати колониях. В то время как в среде

¹³Обычные баптисты появились в Америке XVII века уже как ответвление частных баптистов, принимавших кальвинистское богословие.

¹⁴Baptist Family. URL: <https://www.thearda.com/us-religion/group-profiles/families?F=96> (дата обращения: 15.01.2025).

пуритан-конгрегационалистов и пресвитериан «Пробуждение» привело к усилению внутренних разногласий и расколам, децентрализованные общины баптистов смогли вырасти на волне религиозного энтузиазма и усиления проповеднической деятельности. Из среды пуритан возникают сепаратные баптисты, отказавшиеся от практики крещения младенцев на волне духовных поисков эпохи «Первого Пробуждения».

Постепенный рост баптизма в Тринадцати колониях имел важные последствия для истории США. Первые американские баптисты во главе с Роджером Уильямсом, изгнанные из Массачусет-

ской колонии в 1630-е годы, основали колонию Род-Айленд, ставшую первым светским политическим образованием на территории США. Сами баптисты были убежденными сторонниками разделения церкви и государства и отстаивали принципы религиозной свободы. Более того, рост числа баптистских общин способствовал усилению религиозного многообразия в колониях и формированию плюралистического религиозного ландшафта ранней Америки. При этом колониальная история баптизма является скорее прелюдией к большому успеху, который баптистские церкви получат в XIX–XX веках.

Список литературы

1. *Purvis T.L.* Revolutionary America, 1763–1800. N. Y.: Facts on File, 1995. 383 p.
2. *McBeth H.L.* The Baptist Heritage: Four Centuries of Baptist Witness. Nashville: Broadman and Holman Publ. Group, 1987. 850 p.
3. *Torbet R.G.* A History of the Baptists. Philadelphia: Judson Press, 1952. 538 p.
4. *Benedict D.* General History of the Baptist Denomination in America, and Other Parts of the World. Boston: Manning & Loring, 1813. 582 p.
5. *Davis J.W.* George Liele and Andrew Bryan, Pioneer Negro Baptist Preachers // *J. Negro Hist.* 1918. Vol. 3, № 2. P. 119–127. <https://doi.org/10.2307/2713485>
6. *Raboteau A.J.* Slave Religion: The “Invisible Institution” in the Antebellum South. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1978. 382 p.
7. *Smith L.Y.* Regular Baptists in Colonial Anglican Virginia: Civil Obedience During Religious Toleration: PhD Thesis. Birmingham: Univ. Birmingham, 2021. 385 p.
8. *Smith E.C.* Order and Ardor: The Revival Spirituality of Oliver Hart and the Regular Baptists in Eighteenth-Century South Carolina. Columbia: Univ. South Carolina Press, 2018. 168 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv6mtf6s>
9. *Lemons J.S.* Retracing Baptists in Rhode Island: Identity, Formation, and History. Waco: Baylor Univ. Press, 2019. 736 p.
10. *Hall D.D.* The Puritans: A Transatlantic History. Princeton: Princeton Univ. Press, 2019. 517 p. <https://doi.org/10.23943/princeton/9780691151397.001.0001>
11. *Le Polain de Waroux Y., Neumann J., O'Driscoll A., Schreiber K.* Pious Pioneers: The Expansion of Mennonite Colonies in Latin America // *J. Land Use Sci.* 2021. Vol. 16, № 1. P. 1–17. <https://doi.org/10.1080/1747423X.2020.1855266>
12. *Cairns E.E.* Christianity Through the Centuries: A History of the Christian Church. Grand Rapids: Zondervan Pub., 1996. 560 p.
13. *Johnson N.D., Koyama M.* Persecution and Toleration: The Long Road to Religious Freedom. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019. 354 p. <https://doi.org/10.1017/9781108348102>
14. *The Correspondence of Roger Williams* / ed by G.W. LaFantasie. Hanover: Univ. Press of New England, 1988. 867 p.
15. *Stabler S.D.* Church, Space, and Pluralism: Two Puritan Settlements, Territory, and Religious Tolerance // *Sociol. Relig.* 2019. Vol. 80, № 2 P. 222–246. <https://doi.org/10.1093/socrel/sry030>
16. *Purvis T.L.* Colonial America to 1763. N. Y.: Facts on File, 1999. 385 p.
17. *Religious Traditions of North Carolina: Histories, Tenets, and Leaders* / ed. by W.G. Jr. Jonas. Jefferson: McFarland & Company, Inc., 2018. 233 p.
18. *Brackney W.H.* Historical Dictionary of the Baptists. Lanham: Rowman & Littlefield Pub., 2020. 691 p.

References

1. Purvis T.L. *Revolutionary America, 1763–1800*. New York, 1995. 383 p.
2. McBeth H.L. *The Baptist Heritage: Four Centuries of Baptist Witness*. Nashville, 1987. 850 p.
3. Torbet R.G. *A History of the Baptists*. Philadelphia, 1952. 538 p.
4. Benedict D. *A General History of the Baptist Denomination in America, and Other Parts of the World*. Boston, 1813. 582 p.
5. Davis J.W. George Liele and Andrew Bryan, Pioneer Negro Baptist Preachers. *J. Negro Hist.*, 1918, vol. 3, no. 2, pp. 119–127. <https://doi.org/10.2307/2713485>
6. Raboteau A.J. *Slave Religion: The “Invisible Institution” in the Antebellum South*. New York, 1978. 382 p.
7. Smith L.Y. *Regular Baptists in Colonial Anglican Virginia: Civil Obedience During Religious Toleration: PhD Thesis*. Birmingham, 2021. 385 p.
8. Smith E.C. *Order and Ardor: The Revival Spirituality of Oliver Hart and the Regular Baptists in Eighteenth-Century South Carolina*. Columbia, 2018. 168 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv6mtf6s>
9. Lemons. J.S. *Retracing Baptists in Rhode Island: Identity, Formation, and History*. Waco, 2019. 736 p.
10. Hall D.D. *The Puritans: A Transatlantic History*. Princeton, 2019. 517 p. <https://doi.org/10.23943/princeton/9780691151397.001.0001>
11. Le Polain de Waroux Y., Neumann J., O'Driscoll A., Schreiber K. Pious Pioneers: The Expansion of Mennonite Colonies in Latin America. *J. Land Use Sci.*, 2021, vol. 16, no. 1, pp. 1–17. <https://doi.org/10.1080/1747423X.2020.1855266>
12. Cairns E.E. *Christianity Through the Centuries: A History of the Christian Church*. Grand Rapids, 1996. 560 p.
13. Johnson N.D., Koyama M. *Persecution and Toleration: The Long Road to Religious Freedom*. Cambridge, 2019. 354 p. <https://doi.org/10.1017/9781108348102>
14. LaFantasie G.W. (ed.). *The Correspondence of Roger Williams*. Hanover, 1988. 867 p.
15. Stabler S.D. Church, Space, and Pluralism: Two Puritan Settlements, Territory, and Religious Tolerance. *Social. Relig.*, 2019, vol. 80, no. 2, pp. 222–246. <https://doi.org/10.1093/socrel/sry030>
16. Purvis T.L. *Colonial America to 1763*. New York, 1999. 385 p.
17. Jonas W.G. Jr. (ed.). *Religious Traditions of North Carolina: Histories, Tenets, and Leaders*. Jefferson, 2018. 233 p.
18. Brackney W.H. *Historical Dictionary of the Baptists*. Lanham, 2020. 691 p.

Информация об авторе

Д.В. Иванов – аспирант кафедры философии религии и религиоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1).

Information about the author

Daniil V. Ivanov, Postgraduate Student, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Lomonosov Moscow State University (address: Leninskie Gory 1, Moscow, 119991, Russia).

Поступила в редакцию 28.01.2025
Одобрена после рецензирования 05.06.2025
Принята к публикации 09.06.2025

Submitted 28 January 2025
Approved after reviewing 5 June 2025
Accepted for publication 9 June 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 4. С. 122–130.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 122–130.

Научная статья
УДК 140.8:791.4
DOI: 10.37482/2687-1505-V441

Репрезентация неформальных практик сотрудников органов внутренних дел в медиадискурсе

Владимир Валерьевич Плотников¹

Антон Андреевич Кочкин²✉

¹Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

e-mail: inkognito13@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3861-2291>

²Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Краснодар, Россия,
e-mail: kochkin@a-kochkin.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1251-6739>

Аннотация. Проблема имиджа правоохранительных органов характеризуется высокой степенью значимости. При этом одним из серьезных источников представлений о полиции в гражданской среде являются медийные продукты, через которые создается образ сотрудника полиции. Российскому медиапространству свойственно активное отображение правоохранительной деятельности на уровне кинематографа. В кинофильмах и телесериалах широко распространен специфический, во многом стереотипный и гротескный образ полицейского, включающий в себя ряд качеств и типовых практик, противоречащих формальной определенности его социальной роли. Здесь правомерно говорить о практике деконструкции заявленного образа, навязывании социальных мифов и стереотипов, в значительной степени оторванных от реальности, но формирующих социальные представления и ожидания аудитории в отношении реальных служащих правоохранительных органов. В результате этого возникает когнитивное искажение, связанное с неадекватным, стереотипным восприятием работников полиции в гражданской среде. В исследовании рассматриваются неформальные практики сотрудников полиции, активно демонстрируемые в медиадискурсе. Методологическую основу составляют контент-анализ медиапродукции, отображающей правоохранительную деятельность, и элементы конструктивистского и социально-феноменологического подходов. Обосновывается, что способ отражения работы правоохранительных органов на уровне медийной продукции не является репрезентативным в силу ее жанровой обусловленности, а также поверхностных представлений авторов медиапродукции о реальных особенностях характеризуемой службы. Кроме того, в статье анализируются неформальные практики сотрудников полиции и их социальная определенность в контексте символического интеракционизма, социальной феноменологии и конструктивизма.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, сотрудники органов внутренних дел, образ полицейского, неформальные практики, медиа, кинематограф, стереотипы о полиции, социальная мифологизация

Для цитирования: Плотников, В. В. Репрезентация неформальных практик сотрудников органов внутренних дел в медиадискурсе / В. В. Плотников, А. А. Кочкин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 122-130. – DOI 10.37482/2687-1505-V441.

Original article

Representation of Informal Practices of Law Enforcement Officers in Media Discourse

Vladimir V. Plotnikov¹

Anton A. Kochkin²✉

¹Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
e-mail: inkognito13@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3861-2291>

²Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia,
e-mail: kochkin@a-kochkin.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1251-6739>

Abstract. The image of law enforcement agencies is an extremely important issue. One of the major sources of ideas about the police among civilians are media products forming the image of a police officer. The Russian media space makes extensive use of cinematography to depict law enforcement activities. In films and television series, a certain, largely stereotypical, even grotesque, image of a police officer is widely represented, including a number of qualities and specific practices that contradict the formal definition of a police officer' social role. We can talk about the practice of deconstructing the image of a police officer and imposing social myths and stereotypes that are largely divorced from reality, but form the audience's social perceptions and expectations of actual police officers. This results in a cognitive bias, consisting in an inadequate, stereotypical perception of police officers in society. The article analyses the informal practices of law enforcement officers that are demonstrated in media discourse. The research is based on the content analysis of media products depicting law enforcement activities and applies certain elements of the constructivist and socio-phenomenological approaches. The study substantiates that the way law enforcement is reflected in the media products is not representative due to their genre specifics, as well as due to the superficial ideas of the authors of these media products about law enforcement. In addition, the paper analyses the informal practices of police officers and their social determination in the context of symbolic interactionism, social phenomenology and constructivism.

Keywords: *law enforcement, law enforcement officers, image of a police officer, informal practices, media, cinematography, stereotypes about the police, social mythologization*

For citation: Plotnikov V.V., Kochkin A.A. Representation of Informal Practices of Law Enforcement Officers in Media Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 122–130. DOI: 10.37482/2687-1505-V441

В последнее время образ сотрудника российской полиции стал частью фольклора, о чем может свидетельствовать то обилие медиаконтента (в частности, фильмов, сериалов), который генерируется в России: «Полицейский с Рублевки», «Самый лучший день», «Разрешите обратиться», «Улицы разбитых фонарей»,

«Мажор», «Метод», «Тайны следствия», «Вампиры средней полосы», «След» и т. д. Это короткий список работ, где «полицейская» тема занимает ведущее место.

Интерес к полицейской культуре объясняется во многом тем, что любовь к детективу «перекочевала» на большой экран. И проблема

здесь в том, насколько репрезентативна реальность, представленная современной массовой культурой, повествующей, помимо прочего, о деятельности сотрудников российских правоохранительных органов.

Данный феномен осложняется тем, что сотрудник органов внутренних дел (ОВД), становясь персонажем комедий, триллеров и детективов, является собой гротеск, редуцирующий в себе множественные пороки и грехи людей: взяточничество, чинопочтание, унижение чести и достоинства людей, халатное отношение к работе и т. д. [1].

Однако стоит отметить, что такой персонаж может быть заложником жанра, как, например, оперуполномоченный Дуфи из фильма «Очень страшное кино» или заикающийся, практически не умеющий говорить полицейский из «Гриффинов». В данном случае имеет место очевидный художественный прием, направленный на деконструкцию образа правоохранителя, статус которого априори подразумевает сверхчеловеческое поведение, в том смысле что ему нужно быть «над» доминирующими социальными нормами, чтобы обеспечивать их соблюдение рядовыми гражданами¹. При этом на сотрудника возлагаются дополнительные обязанности, касающиеся не только специфики его работы, но и морального облика. Поэтому нет ничего проще, чем травестировать того, кто обременен дополнительными ограничениями.

Сказанное выше свидетельствует о наличии крайне неоднозначной тенденции, связанной с формированием в медийном пространстве специфического образа сотрудника правоохранительных органов, имеющего отчетливо выраженный стереотипный характер. Примечательно, что современный отечественный кинематограф, в котором находит свое отражение образ полицейского, значительный акцент

(в отличие от советского киноискусства) делает на качествах, моделях и практиках поведения, не относящихся к формально определенному ролевому набору сотрудника правоохранительных органов.

Следует отметить, что недавние социологические исследования, в которых рассматриваются специфика актуального состояния института полиции и особенности его функционирования, показывают нам, что, хотя неформальные практики и имеют место [2], это не умаляет того факта, что полицейские в целом добросовестно выполняют свои служебные обязанности. Подобные выводы о деятельности представителей системы Министерства внутренних дел России (МВД) можно сделать, основываясь на работах таких исследователей, как А.П. Тюнь [3], В.А. Михайлук [4], С.В. Копцов [5], А.В. Тищенко [6] и В.Ю. Дубровский [7].

Имея в виду результаты эмпирического исследования доверия россиян к деятельности полиции, А.В. Тищенко отмечает, что в настоящее время люди весьма неоднозначно оценивают работу сотрудников ОВД. Существенное влияние на формирование такой общественной позиции оказывают средства массовой информации и кинематограф. По мнению А.В. Тищенко, это происходит по причине отсутствия конкретных знаний о внутриорганизационной специфике полицейской системы [6]. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, добросовестность полицейских не вызывает у россиян особого сомнения (лишь 25 % сограждан не доверяют сотрудникам МВД)². В своей диссертации В.Ю. Дубровский говорит о том, что большая часть россиян (92 %) судит о полицейской службе на основе медиаконтента [7].

В связи с этим концентрация внимания на неформальном аспекте деятельности сотруд-

¹Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460. URL: <https://base.garant.ru/74482191/> (дата обращения: 21.03.2025).

²Профессия: полицейский. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-policeiskii> (дата обращения: 02.04.2025).

ников ОВД и, следовательно, их активной презентации в социокультурном пространстве представляет значительный исследовательский интерес не только в теоретическом плане, но и с точки зрения практических запросов общества, связанных с необходимостью выстраивания конструктивного взаимодействия населения и полиции (и, соответственно, своевременного выявления и преодоления негативных трендов в данной сфере).

Основным методом, на котором базируется данная статья, является контент-анализ медиапродуктов, на уровне которых реализуется отражение образа сотрудника правоохранительных органов. В рамках интерпретации отдельных аспектов воздействия стереотипной медийной продукции на отношение членов общества к полиции применяются элементы социально-феноменологического подхода, развитого в трудах А. Шюца [8, 9], а также конструктивистского подхода, получившего развитие в научных изысканиях П. Бергера и Т. Лукмана [10].

Значительную роль в анализе социальной мифологизации в медиадискурсе сыграло обращение к теоретическим наработкам Я. Ляо [11], О.Н. Астафьевой, О.В. Шлыковой [12], Л.А. Романчук, В.Н. Дябиной [13], М.В. Субботиной [14], А.Г. Волоховой [15], А.М. Кравцовой [16].

На уровне медийной сферы процессы стереотипизации отдельных социальных групп выступают закономерным и широко распространенным явлением, что обусловлено внутренними детерминантами развития медиа [17]. Вместе с тем, применительно к правоохранительным органам, речь идет не только об одной из тенденций в культуре, но и о развертывающемся социальном процессе, влияющем на

реальную практику общественных отношений. Практики стереотипизации полиции в социокультурном дискурсе задают тренд, который не просто переводит образ полицейского из области литературы и кинематографа в социальную плоскость (что и позволяет в настоящей работе говорить не только про культурную сторону исследуемой проблемы), но ставит один простой, хотя и неоднозначный вопрос: что такое нормальный сотрудник полиции?

Безусловно, можно открыть федеральный закон «О полиции»³ или «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ и сказать, что посредством закрепления прав и обязанностей сотрудника ОВД формируется его правовой статус. Но становится очевидно, что неукоснительное соблюдение требований действующего законодательства, предписывающего вести себя определенным образом, вряд ли может быть воплощено в жизнь в полной мере, т. к. это является выше «нормального», т. е. налагает на служителя закона дополнительные обременения.

Следует отметить, что существует институт ответственности, закрепленный в ст. 15 федерального закона № 342, согласно которой в случае совершения сотрудником ОВД серьезных нарушений требований закона в отношении него будут применены жесткие санкции. Эксплицируемые проявления девиации относительно требований законодательства считаются нормальными, но далеко не всегда, поскольку сотрудник полиции, будучи человеком, не может постоянно быть тривиальной машиной в том смысле, какой вкладывает в это понятие Никлас Луман. Он отмечает, что «сознательные машины – это нетривиальные машины» [18, с. 101],

³О полиции: федер. закон Рос. Федерации от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 28 янв. 2011 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 2 февр. 2011 г. URL: <https://base.garant.ru/12182530/> (дата обращения: 21.03.2025).

⁴О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 17 нояб. 2011 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 нояб. 2011 г. URL: <https://base.garant.ru/12192456/> (дата обращения: 21.03.2025).

т. е. человек по умолчанию не в состоянии действовать исключительно «по инструкции», в силу того что он обладает сознанием, которое почти невольно побуждает его идти в обход доминирующих требований (если того требует ситуация или это неизбежно?).

Вопрос, приведенный в скобках, указывает на пределы интерпретации существующих норм, закрепленных в законных и подзаконных актах, регламентирующих повседневную деятельность полицейского. Например, как отмечено в Кодексе этики и служебного поведения сотрудников ОВД РФ, сотруднику необходимо на работе и во внеслужебное время «воздерживаться в устной и письменной речи от оскорблений, грубости, нецензурной браны, жаргона, уголовной лексики»⁵, что вполне очевидно. Но в связи с этим возникают два вопроса: как фиксировать нецензурную брань в нерабочее время и зачем? и что, например, имеется в виду под грубостью?

Н. Луман подчеркивает приверженность государственных органов, к которым относится и полиция, к модели тривиальных машин, поскольку они обладают конкретным функционалом, вытекающим из положений действующих законодательных требований: «Например, если выполнены условия для бракоразводного процесса, то брак расторгается. Мы бы не потерпели, если бы судебная коллегия объявила: «Мы уже расторгли столько браков, так что давайте отклоним этот иск»» [18, с. 101].

Необычная позиция относительно конвенциональной зависимости и повседневной социальной практики существует в интеракционистской парадигме, основателем которой мы считаем Дж. Мида [19]. Теоретико-методологический инструментарий, возросший на базе феноменологии [8, 9], затем проявивший себя в символическом интеракционизме [19, 20], а позже – в теории фреймов [21] и этнометодологии [22], показывает, что конъюнктура социальной реальности существует не за счет

внешних норм, которые устанавливаются законодателем, но зависит от поведенческих паттернов. Алгоритмы повседневной коммуникации часто протекают в дорефлексивной, как отмечает П. Бурдье [23], фазе, но система координат которой гетерономна социальной деятельности, как это парадоксально ни звучит. Проще говоря, правила социальной практики определяются самой практикой, стандартизующейся в повседневности.

Это позволяет сделать промежуточный вывод о том, что репрезентация образа российского полицейского в социокультурном дискурсе имеет двойственную природу. С одной стороны, мифологизация сотрудника ОВД в массовой культуре происходит порой за счет непрофессионализма шоураннеров или режиссеров и незнания специфики функционирования МВД России, не отражает в полной мере реальный образ современного правоприменителя, но делает из сотрудника фольклорный гротеск («злобный» шаблон). С другой стороны, особенности формирования социальной реальности, повседневности, в которой существует отечественный полицейский, подтверждают тот факт, что имеющиеся нормы, призванные определить основные права и обязанности сотрудника ОВД, не в полной мере конструируют основу социума, поскольку сами поведенческие паттерны диктуют логику социальных актов, которые со временем могут стандартизироваться.

То есть сама природа социальной реальности показывает неосуществимость проекта тривиальной машины, говоря языком Лумана [18], в лице сотрудника полиции из-за наличия сознания, что на базовом уровне уже говорит о невозможности реального существования образов, транслирующихся российскими и зарубежными стриминговыми сервисами. Это же свидетельствует о невозможности систематического (тотального) соблюдения сотрудниками

⁵Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460. URL: <https://base.garant.ru/74482191/> (дата обращения: 21.03.2025).

ОВД абсолютно всех требований законодателя, поскольку это означало бы подавление сознания и превращение полицейского в худший вариант философского зомби Д. Чалмерса [24]. Вместе с тем не следует отрицать необходимость законодательства, ведь наличие позитивных норм позволяет сдерживать возможность нарушения прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, вопрос об отражении неформальных качеств правоохранителей в медийной сфере приобретает диалектический характер: правомерно суждение о том, что сотрудник правоохранительных органов, на 100 % соответствующий ролевому набору, прописанному на уровне законодательства и в рамках должностных инструкций, – это скорее социальный идеал, к которому стремятся сотрудники полиции, в то время как на практике могут иметь место различные отклонения от данного ролевого набора, связанные с пребыванием в неформальной обстановке, преодолением критических ситуаций и т. д.

Искажение представлений о полиции влечет за собой искажение социальной практики, которая, в свою очередь, влияет на реальные модели социальной активности, реализуемые сотрудниками полиции. В этом контексте целесообразным является смещение медийных практик в сторону образования более конструктивного образа сотрудника полиции.

Исследование роли медиапродуктов в формировании образа сотрудника правоохранительных органов показывает, что этот процесс неоднозначен. Медиа отражают глубинные социальные и культурные тенденции, которые подпитываются мифами, стереотипами и неформальными практиками, свойственными обществу. При этом изображения полицейских в кино и на телевидении могут не только соответствовать реальному образу правоохранителей, но и в значительной степени искажать его, создавая гротескные образы.

Мифологизация, как отмечено выше, является важным элементом медийного дискурса. В условиях, когда фильмы и сериалы стремятся создавать яркие и эмоциональные образы, они

часто упрощают и стилизуют реальные ситуации, превращая персонажей в носителей крайних стереотипов. В случае с полицейскими эти стереотипы, как показывает контент-анализ кинокартин, названных в начале статьи, включают следующие характеристики: коррумпированность, грубость, некомпетентность, чрезмерная жестокость. Однако важно подчеркнуть, что такие изображения, несмотря на свою популярность, часто не отражают полную картину действительности, а скорее демонстрируют упрощенные и утрированные версии реальных профессий.

В этом контексте с точки зрения теории социального конструктивизма, предложенной П. Бергером и Т. Лукманом [10], медийное изображение полицейского представляет собой процесс взаимодействия между индивидуумами и социальной реальностью. Образ правоохранителя формируется на основе не только личного опыта, но и социальных конструктов, транслируемых в массовой культуре.

Стереотипы, возникающие в массовых медиа, становятся частью социальной реальности, поскольку влияют на восприятие и действия членов общества, а также на их ожидания в отношении реальных полицейских. Как следствие, общественное восприятие полиции может искажаться, а ожидания – быть нереалистичными.

Стереотипизация как свойство культурных практик широко распространена в СМИ и играет роль как в формировании конкретных представлений о профессиях, так и в создании «вторичного мира», который наделен собственным набором правил и норм. В случае с полицейскими этот «вторичный мир» становится важным компонентом построения социальных мифов. Этим мифам соответствует определенный образ «хорошего полицейского», который в идеале должен быть честным, беспристрастным и следовать букве закона. Однако реальность полицейской работы гораздо более многогранна и связана с необходимостью принимать решения в условиях неопределенности, когда приходится выходить за рамки строгого установленных норм.

Согласно феноменологической теории А. Шюца, следует уделять значительное внимание тому, как повседневная реальность полицейских взаимодействует с этими социальными мифами и стереотипами [8, 9]. Реальные сотрудники полиции вынуждены лавировать между формальными требованиями и неформальными практиками, порой оказываясь в ситуации, когда им приходится нарушать эти идеализированные нормы, чтобы обеспечить эффективность работы. Такая двойственность (между нормами и реальностью) становится важным аспектом при обсуждении имиджа полиции.

Кроме того, концепция символического интеракционизма, которая подчеркивает важность межличностных взаимодействий и интерпретаций, позволяет сделать вывод, что реальный образ полицейского формируется не только в рамках медийного пространства, но и в ходе повседневных социальных взаимодействий. В этом контексте стоит обратить внимание на то, как полицейские воспринимаются разными социальными группами и как это восприятие влияет на действия полицейских. Образ полицейского, созданный в СМИ, может

противоречить тому, как он воспринимается в реальной жизни, что порой приводит к конфликтам и недопониманию в обществе.

На основе вышесказанного можно констатировать, что в условиях современной медиасреды необходимо более ответственно подходить к созданию образа полицейского. Важно учитывать как особенности жанра и аудитории, так и социальную роль, которую играют данные медийные образы в формировании общественного мнения. Конструктивная медийная практика может не только поддерживать положительный имидж полиции, но и способствовать установлению доверительных отношений между правоохранительными органами и обществом.

Излишняя гротескность и стереотипизация, в свою очередь, нередко приводят к тому, что образы, представленные в медиадискурсе, создают новую, несуществующую действительность, которой общественность доверяет больше, чем реальному миру. Постепенно в сознании людей могут появиться представления об институциях, нехарактерных для МВД России или органов публичной власти в целом.

Список литературы

1. Кочкин А.А. Не могу молчать: некоторые особенности репрезентации образа сотрудника органов внутренних дел в современном отечественном кинематографе // Психология и педагогика служеб. деятельности. 2024. № 1. С. 95–99.
2. Кочкин А.А. Неформальные социальные практики на примере деятельности следователей ОВД // О-во: социология, психология, педагогика. 2024. № 10(126). С. 23–28.
3. Тюнь А.П. Полиция как социальный институт в реформируемом российском обществе: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2018. 163 с.
4. Михайлюк В.А. Коррупционное поведение как особая форма девиации сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2017. 137 с.
5. Концов С.В. Эмпирические социологические исследования как инструмент оптимизации деятельности служб участковых уполномоченных полиции (на материалах Краснодарского края): дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2018. 153 с.
6. Тищенко А.В. Доверие к полиции: значение, факторы, перспективы формирования: дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2022. 226 с.
7. Дубровский В.Ю. Стигматизация и дестигматизация образа полицейского в виртуальном информационно-коммуникационном пространстве: дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2022. 176 с.
8. Schutz A. The Phenomenology of the Social World. Evanston: Northwestern Univ. Press, 1967. 255 p.
9. Шюц А., Парсонс Т. Теория социального действия. М.: Элементар. формы, 2021. 224 с.
10. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. N. Y.: Anchor Books, 1967. 219 p.

11. *Ляо Я.* Кино как культурная индустрия: современное мифотворчество // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. Соц., гуманит., мед.-биол. науки. 2023. № 88. С. 79–86.
12. *Астафьевова О.Н., Шлыкова О.В.* Государственный служащий в современной культуре и искусстве: в поисках образа // Вестн. МГУКИ. 2020. № 6(98). С. 70–83.
13. *Романчук Л.А., Дябина В.Н.* Способы, принципы и механизмы создания киномифа // Universum: филология и искусствоведение. 2023. № 9(11). С. 4–12.
14. *Субботина М.В.* Негероические герои: два подхода к анализу медийных образов // Вестн. РУДН. Сер.: Социология. 2021. № 3. С. 623–633.
15. *Volokhova A.G.* The Subject of Error: The Myth of the Subject in Media Reality // Galact. Media J. Media Stud. 2020. Vol. 2, № 1. P. 120–142. <https://doi.org/10.46539/gmd.v2i1.98>
16. *Кравцова А.М.* Проблема формирования образа сотрудника полиции в российском общественном сознании в контексте концептов «закон» и «справедливость» // Философия права. 2020. № 3(94). С. 137–143.
17. *Tian Y., Yang J., Chuentarawong P.* Share or Not? Effects of Stereotypes on Social Media Engagement Using the Stereotype Content Model // Journal. Pract. 2021. Vol. 17, № 3. P. 574–600. <https://doi.org/10.1080/17512786.2021.1927804>
18. *Луман Н.* Введение в системную теорию / под ред. Д. Беккера; пер. с нем. К. Тимофеевой. М.: Логос, 2007. 360 с.
19. *Мид Дж.* Интернализованные другие и самость / пер. с англ. А. Гараджи // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 224–227.
20. *Блумер Г.* Символический интеракционизм. Перспектива и метод / пер. с англ. А. Корбута; предисл. Р. Пруса. М.: Элементар. формы, 2017. 343 с.
21. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: пер. с англ. / под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой; вступ. ст. Г.С. Батыгина. М.: Ин-т социологии РАН: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003. 750 с.
22. *Гарфинкель Г.* Исследования по этнотеории: пер. с англ. СПб.: Питер, 2007. 334 с.
23. *Бурдье П.* Социология социального пространства: пер. с фр. / общ. ред. пер. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.
24. *Chalmers D.J.* Facing Up to the Problem of Consciousness // J. Conscious. Stud. 1995. Vol. 2, № 3. P. 200–219.

References

1. Kochkin A.A. I Cannot Remain Silent: Some Features of the Representation of the Image of an Employee of the Internal Affairs Bodies in Modern Russian Cinema. *Psychol. Pedagog. Off. Activity*, 2024, no. 1, pp. 95–99 (in Russ.).
2. Kochkin A.A. Informal Social Practices on the Example of Internal Affairs Bodies Investigators' Activities. *Soc. Sociol. Psychol. Pedagog.*, 2024, no. 10, pp. 23–28 (in Russ.).
3. Tyun' A.P. *Politsiya kak sotsial'nyy institut v reformiruemom rossiyskom obshchestve: sotsiologicheskiy analiz* [Police as a Social Institution in the Russian Society Undergoing Reforms: A Sociological Analysis: Diss.]. Krasnodar, 2018. 163 p.
4. Mikhaylyuk V.A. *Korruptsionnoe povedenie kak osobaya forma deviatsii sotrudnikov organov vnutrennikh del* [Corrupt Behaviour as a Special Form of Deviation Among the Employees of Internal Affairs Bodies: Diss.]. Maykop, 2017. 137 p.
5. Koptsov S.V. *Empiricheskie sotsiologicheskie issledovaniya kak instrument optimizatsii deyatel'nosti sluzhb uchastkovykh upolnomochennykh politsii (na materialakh Krasnodarskogo kraya)* [Empirical Sociological Research as a Tool for Optimizing the Activities of District Police Officers (Based on the Materials of the Krasnodar Territory): Diss.]. Krasnodar, 2018. 153 p.
6. Tishchenko A.V. *Doverie k politsii: znachenie, faktory, perspektivy formirovaniya* [Trust in the Police: Importance, Factors and Prospects for Development: Diss.]. Stavropol, 2022. 226 p.
7. Dubrovskiy V.Yu. *Stigmatizatsiya i destigmatizatsiya obrazaz politseyskogo v virtual'nom informatsionnom kommunicatsionnom prostranstve* [Stigmatization and Destigmatization of the Image of a Police Officer in the Virtual Information and Communication Space: Diss.]. Belgorod, 2022. 176 p.
8. Schutz A. *The Phenomenology of the Social World*. Evanston, 1967. 255 p.
9. Schutz A., Parsons T. *Teoriya sotsial'nogo deystviya* [The Theory of Social Action]. Moscow, 2021. 224 p.

10. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York, 1967. 219 p.
11. Liao Ya. Kino kak kul'turnaya industriya: sovremennoe mifotvorchestvo [Cinema as a Cultural Industry: Modern Myth-Making]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*, 2023, no. 88, pp. 79–86.
12. Astafieva O.N., Shlykova O.V. Public Administrator in Contemporary Culture and Art: In Search of an Image. *Vestnik MGUKI*, 2020, no. 6, pp. 70–83 (in Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-70-83>
13. Romanchuk L.A., Dyabina V.N. Sposoby, printsipy i mekhanizmy sozdaniya kinomifa [Methods, Principles and Mechanisms of Creating a Cinema Myth]. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, 2023, no. 9, pp. 4–12.
14. Subbotina M.V. Negeroicheskie geroi: dva podkhoda k analizu mediynykh obrazov [Non-Heroic Heroes: Two Approaches to the Analysis of Media Images]. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 2021, no. 3, pp. 623–633.
15. Volokhova A.G. The Subject of Error: The Myth of the Subject in Media Reality. *Galact. Media J. Media Stud.*, 2020, vol. 2, no. 1, pp. 120–142 (in Russ.). <https://doi.org/10.46539/gmd.v2i1.98>
16. Kravtsova A.M. Problema formirovaniya obrazu sotrudnika politsii v rossiyskom obshchestvennom soznanii v kontekste kontseptov "zakon" i "spravedlivost'" [Issue of Forming the Image of the Police Officer in the Russian Public Consciousness in the Context of Concepts "Law" and "Justice"]. *Filosofiya prava*, 2020, no. 3, pp. 137–143.
17. Tian Y., Yang J., Chuenterawong P. Share or Not? Effects of Stereotypes on Social Media Engagement Using the Stereotype Content Model. *Journal. Pract.*, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 574–600. <https://doi.org/10.1080/17512786.2021.1927804>
18. Luhmann N. *Einführung in die Systemtheorie*. Heidelberg, 2002. 347 p. (Russ. ed.: Luman N. *Vvedenie v sistemnyu teoriyu*. Moscow, 2007. 360 p.).
19. Mead G. Internalizovannye drugie i samost' [Internalized Others and the Self]. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American Sociological Thought]. Moscow, 1994, pp. 224–227.
20. Blumer H. *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. Berkeley, 1986. 208 p. (Russ. ed.: Blumer G. *Simvolicheskiy interaktsionizm. Perspektiva i metod*. Moscow, 2017. 343 p.).
21. Goffman E. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Boston, 1986. 586 p. (Russ. ed.: Gofman I. *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta*. Moscow, 2003. 750 p.).
22. Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Cambridge, 1984. 288 p. (Russ. ed.: Garfinkel' G. *Issledovaniya po etnometodologii*. St. Petersburg, 2007. 334 p.).
23. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [The Sociology of Social Space]. Moscow, 2005. 288 p.
24. Chalmers D.J. Facing Up to the Problem of Consciousness. *J. Conscious. Stud.*, 1995, vol. 2, no. 3, pp. 200–219.

Информация об авторах

В.В. Плотников – доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (адрес: 117997, Москва, ул. Акад. Волгина, д. 12).

А.А. Кочкин – преподаватель кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (адрес: 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128).

Поступила в редакцию 21.03.2025
Одобрена после рецензирования 25.04.2025
Принята к публикации 28.04.2025

Information about the authors

Vladimir V. Plotnikov, Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Prof. at the Philosophy Department, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (address: ul. Akad. Volgina 12, Moscow, 117997, Russia).

Anton A. Kochkin, Lecturer at the Department of Theory and History of Law and State, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia (address: ul. Yaroslavskaya 128, Krasnodar, 350005, Russia).

Submitted 21 March 2025
Approved after reviewing 25 April 2025
Accepted for publication 28 April 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 4. С. 131–135.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 131–135.

Рецензия на книгу
УДК 81'373+81'44
DOI: 10.37482/2687-1505-V455

Фразеология библейского происхождения: от теории к практике

Рецензия на книгу: *Бакина А.Д. Библейская фразеология: вчера, сегодня, завтра: моногр. Орел: ОГУ: Картуш, 2023. 452 с.*

Мария Викторовна Горячева

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел, Россия,
e-mail: starshinova.masha@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-0922-9250>

Аннотация. В рецензируемой монографии А.Д. Бакиной анализируются структурные, семантические, функциональные и лингвокультурные аспекты библейской фразеологии. Автор применяет полипарадигмальный подход, включающий структурно-семантический, интертекстуальный, функционально-прагматический и лингводидактический методы. Особое внимание уделяет вариативности фразеологизмов, их роли в различных типах дискурса, а также их практическому применению в обучении иностранным языкам. Монография вносит значительный вклад в развитие фразеологии, сочетая теоретическую глубину с практической ориентированностью.

Ключевые слова: библейская фразеология, полипарадигмальный подход, интертекстуальность, вариативность фразеологизмов, лингводидактика, религиозный дискурс

Для цитирования: Горячева, М. В. Фразеология библейского происхождения: от теории к практике / М. В. Горячева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 131-135. – DOI 10.37482/2687-1505-V455.

Book review

Phraseological Units of Biblical Origin: From Theory to Practice

Review of the book: Bakina A.D. *Biblical Phraseological Units: Yesterday, Today, Tomorrow*. Orel, 2023. 452 p. (in Russ.).

© Горячева М.В., 2025

Maria V. Goryacheva

Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia,

e-mail: starshinova.masha@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-0922-9250>

Abstract. The reviewed monograph examines structural, semantic, functional and linguocultural aspects of biblical phraseological units. Its author employs a multi-paradigm approach encompassing structural-semantic, intertextual, functional-pragmatic, and linguodidactic methods. Special emphasis is placed on phraseological variability, the role of these units in diverse types of discourse and their practical application in foreign language teaching. The monograph makes a substantial contribution to phraseological studies by balancing theoretical depth and practical orientation.

Keywords: *biblical phraseological units, multi-paradigm approach, intertextuality, phraseological variability, linguodidactics, religious discourse*

For citation: Goryacheva M.V. Phraseological Units of Biblical Origin: From Theory to Practice. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 131–135. DOI: 10.37482/2687-1505-V455

Библейская фразеология, оставаясь неотъемлемой частью языка и культуры, прочно вошла в повседневную коммуникацию, средства массовой информации и политический дискурс. Одни библейские выражения сохранили свой первоначальный смысл, другие приобрели более широкое употребление, выйдя за рамки религиозного контекста. Изучение библейской фразеологии важно не только для лингвистов и филологов, но и для специалистов, стремящихся глубже понять исторические корни современных идей. В мире глобализации библейские фразеологизмы служат мостом между эпохами, объединяя людей через общий культурный код.

Монография доктора филологических наук А.Д. Бакиной «Библейская фразеология: вчера, сегодня, завтра» является фундаментальным исследованием в области лингвистики, которое посвящено системному рассмотрению фразеологических единиц библейского происхождения в английском и немецком языках в диахроническом аспекте. Работа подготовлена в ответ на возрастающий интерес в академической среде к изучению религиозного дискурса, предлагает систематизацию данных в этой области, демонстрирует влияние сакральных текстов на языковые системы посредством устойчивых выражений.

В книге А.Д. Бакиной представлен свежий взгляд на актуальные вопросы библейской фразеологии как самостоятельного направления в современной лингвистике, а также показана необходимость комплексного описания ее структурных, семантических, функциональных и лингвокультурных аспектов. В монографии выстраивается полипарадигмальная теория библейской фразеологии, объединяющая структурно-семантический, интертекстуальный, функционально-прагматический и лингводидактический подходы.

Монография состоит из 5 глав, в которых последовательно рассматриваются теоретические основы библейской фразеологии, вариативность библейских фразеологизмов, их функциональная специфика, интертекстуальный, прецедентный и лингводидактический потенциал. В своей работе А.Д. Бакина опирается на фразеологический, сравнительный и грамматический анализ, применяет специфические методы фразеологической идентификации и фразеологического описания, предложенные профессором А.В. Кунинным. Для определения воспроизводимости, раздельнооформленности и переосмыленности фразеологизмов она использует семантико-аналитический, контекстуальный, а также дефиниционный анализ.

Стоит отметить, что в монографии А.Д. Бакиной применяется набирающий популярность поисковый корпусный метод, методика которого до сих пор не была детально проанализирована. Однако благодаря ему автору удалось обнаружить все типы вариантов фразеологизмов, собрать количественные данные, которые позволили исследовать степень частотности библейских фразеологизмов в английском и немецком языках в художественном и междисциплинарном дискурсах. На основании этого А.Д. Бакина разработала собственную технологию поиска фразеологизмов в корпусе.

Монография открывается главой «Теоретические основы исследования библейской фразеологии», которая служит концептуальной основой для последующего анализа. Автор начинает с обзора современных направлений фразеологической науки, отмечая ее антропоцентрический поворот и развитие когнитивно-дискурсивного подхода ввиду коммуникативного предназначения идиоматических выражений. А.Д. Бакина скрупулезно анализирует научное наследие, обращаясь к трудам А.В. Кунина, В.Н. Телия, Т.Н. Федуленковой, новаторским исследованиям Н.Ф. Алефиренко, О.Б. Абакумовой, создавая тем самым многомерную перспективу рассмотрения проблемы. Автор подчеркивает, что библейская фразеология формирует отдельную подсистему в общей фразеологии, обладающую уникальными свойствами, такими как морально-этическая направленность, экспрессивность и символизм. Ключевой идеей главы является уточнение лингвистического статуса библейской фразеологической единицы, которая определяется как устойчивая, воспроизведимая, полностью или частично переосмыщенная, структурно представленная словосочетанием или предложением и генетически связанная с библейскими текстами или сюжетами.

Особого внимания заслуживает часть главы, посвященная разграничению смежных понятий, таких как «библеизм», «библейский фразеологизм», «библейская цитата» и «библейская аллюзия». Автор критически под-

ходит к существующим трактовкам этих терминов и предлагает собственную классификацию, основанную на лингвистических критериях. Аргументация А.Д. Бакиной опирается на работы ведущих фразеологов, таких как А.В. Кунин, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, Т.Н. Федуленкова, а также зарубежных исследователей, в т. ч. W. Mieder и H. Walter. Доказательная база главы включает анализ корпусных данных, примеры из авторитетных словарей и контексты употребления библейских фразеологизмов, что придает исследованию высокую степень достоверности.

Глава II «Интертекстуальный и прецедентный потенциал библейской фразеологии» раскрывает роль Библии как прецедентного макротекста, оказывающего влияние на различные типы дискурса. А.Д. Бакина рассматривает библейские фразеологизмы через призму теории интертекстуальности, подчеркивая их способность функционировать как маркеры прецедентности. Ключевая идея главы заключается в том, что библейские фразеологизмы, будучи рекуррентными интертекстуальными единицами, обладают высокой степенью вариативности и адаптируются к специфике контекста, сохраняя при этом связь с исходным текстом.

Методологически глава опирается на анализ интертекстуальных связей и прецедентных феноменов, что позволяет автору выявить механизмы интеграции библейских фразеологизмов в современный дискурс. А.Д. Бакина демонстрирует, как библейские образы и символы трансформируются в языке, приобретая новые коннотации, но сохраняя свою культурную и семантическую значимость. Сильной стороной главы является использование корпусных данных для иллюстрации функционирования библейских фразеологизмов в междисциплинарном и художественном дискурсах.

В главе III «Исследование вариативности библейской фразеологии» автор выделяет узальные и окказиональные варианты. Ключевая идея заключается в том, что вариативность является неотъемлемым свойством библейской фразеологии, обусловленным как лингвистиче-

скими, так и экстралингвистическими факторами. Соединяя количественные и качественные методы анализа, автор выстраивает модель вариативности библейских фразеологических единиц, основанную на структурно-семантических критериях, включая лексические, грамматические, квантитативные и комплексные варианты. В данной главе А.Д. Бакина объясняет многообразие типов вариативности существованием различных переводов Священного Писания. Как следствие, отмечает динамичность библейских фразеологизмов и указывает на важность вариативности в развитии фразеологической системы языка.

Методологическую основу главы составляют данные корпусной лингвистики, в частности корпусный анализ, что позволяет автору выявить частотность употребления различных вариантов в художественном и мейдийном дискурсах. Использование Британского национального корпуса (BNC) и Корпуса текстов немецкоязычного дискурса (DWDS TextKогрода) демонстрирует инновационный научный подход и обеспечивает достоверность результатов. Несомненное достоинство – детальный анализ контекстов, который подтверждает, что одни варианты фразеологизмов (например, *promised land*) употребляются чаще других, что отражает тенденции современного языка. Аргументация автора подкрепляется ссылками на работы А.В. Кунина, Т.Н. Федулenkовой и В.М. Мокиенко, что вписывает монографию в контекст современных фразеологических исследований.

Глава IV посвящена изучению функционального потенциала библейских фразеологизмов в различных типах дискурса, включая художественный и мейдийный. Автор уделяет особое внимание употреблению узуальных и окказиональных библейских фразеологизмов в текстах мейдийного дискурса для усиления выразительности и создания определенных ассоциаций у читателя. Отдельно рассматривается роль контекста в вопросах определения коммуникативно-прагматической направленности библейских фразеологизмов в текстах различных стилей и жанров. А.Д. Бакина выделяет ряд

функций, таких как персузивная, экспрессивно-эмоциональная, экспрессивно-образная, оценочная, эвфемистическая, функция реминисценции, подчеркивая их роль в создании образности и воздействии на аудиторию.

Методы исследования включают сплошную выборку контекстов из корпусов и качественный анализ их прагматического эффекта. Особенno убедительны примеры из произведений Ф.М. Достоевского и У. Шекспира, где библейские фразеологизмы используются для усиления драматизма и передачи культурных кодов. В главе применяется междисциплинарный подход, сочетающий лингвистический анализ с литературоведением и теорией дискурса. Глава вносит значительный вклад в понимание того, как библейская фразеология адаптируется к современным коммуникативным практикам.

Глава V монографии посвящена выявлению лингводидактического и воспитательного потенциала библейской фразеологии, ее практическому использованию в обучении иностранным языкам. А.Д. Бакина обосновывает важность формирования фразеологической компетенции как части коммуникативной и социокультурной компетенций.

Автор предлагает комплекс упражнений, направленный на развитие навыков фразеологической идентификации, семантизации, лексико-стилистического и сравнительно-сопоставительного анализа библейских идиом на старшем этапе обучения, демонстрирует высокую практическую значимость исследования.

Методологию главы составили принципы лингводидактики, в частности идеи Н.Ф. Алленирено и Д.О. Добровольского о роли фразеологии в межкультурной коммуникации. Задания на сопоставление вариантов фразеологизмов или анализ их функционирования в разных дискурсах позволяют сочетать теоретическую подготовку с применением полученных знаний на практике.

Монография А.Д. Бакиной вносит значительный вклад в развитие библейской фразеологии. Автор впервые системно описывает библейскую фразеологию в полипарадигмальном аспекте, объединяя структурный, когнитивный

и прагматический подходы. Работа опирается на обширный эмпирический материал (корпусы, словари, художественные тексты) и предлагает детальные классификации. Монография отличается междисциплинарностью, т. к. пересекается с лингвокультурологией, теорией дискурса, литературоведением и методикой преподавания. Предложенные методические разработки могут быть использованы в преподавании английского и немецкого языков.

В заключение следует отметить, что монография А.Д. Бакиной является примером академического исследования, сочетающего теоретическую строгость и практическую ори-

ентированность. Работа дополняет и развивает идеи, представленные в трудах Н.Ф. Алефиренко, Д.О. Добровольского, А.В. Кунина, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, Т.Н. Федуленковой и других ведущих фразеологов. Вместе с тем монография открывает новые перспективы для изучения библейской фразеологии в цифровых коммуникациях или ее роли в политическом дискурсе.

Рецензируемая книга будет полезна не только специалистам по фразеологии, но и преподавателям, переводчикам и исследователям в области взаимодействия языка, культуры и религии.

Информация об авторе

М.В. Горячева – аспирант кафедры английской филологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (адрес: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95).

Information about the author

Maria V. Goryacheva, Postgraduate Student, English Philology Department, Orel State University named after I.S. Turgenev (address: ul. Komsomol'skaya 95, Orel, 302026, Russia).

Поступила в редакцию 15.06.2025

Одобрена после рецензирования 16.06.2025

Принята к публикации 19.06.2025

Submitted 15 June 2025

Approved after reviewing 16 June 2025

Accepted for publication 19 June 2025

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор института общественных наук и массовых коммуникаций, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета;

Вейнмейстер А.В., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова;

Водяницкая А.А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкоznания и переводоведения Московского городского педагогического университета;

Дамбуев И.А., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ);

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор, директор, главный научный сотрудник научно-образовательного центра «Человек в коммуникации» Пятигорского государственного университета (Ставропольский край);

Зайков К.С., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Зубкова О.С., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета;

Кудашов В.И., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Сибирского федерального университета (г. Красноярск);

Кузьминых А.Л., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний;

Курбанов М.Г., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-политических наук, научный руководитель Центра исламских исследований Северного Кавказа Дагестанского государственного университета (г. Махачкала), ведущий научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (г. Махачкала);

Матвеева Г.Г., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Интегративная и цифровая лингвистика» Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

Матушанская Ю.Г., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры религиоведения Казанского (Приволжского) федерального университета;

Морина Л.П., доктор философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета;

Морова О.В., кандидат исторических наук, советник при ректорате, доцент кафедры истории и гуманитарных наук Государственного гуманитарно-технологического университета (Московская обл., г. Орехово-Зуево);

Мызников С.А., доктор филологических наук, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики Института славяноведения Российской академии наук (Москва);

Насыров И.Р., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философии исламского мира Института философии Российской академии наук (Москва);

Никаева Т.М., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка филологического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Якутск);

Николаева Ю.В., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных гуманитарных связей Санкт-Петербургского государственного университета;

Прилуцкий А.М., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории религий и теологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург);

Родин Д.В., кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Семенов В.Е., доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Федоров П.В., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева;

Хлопов О.А., кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры американских исследований Российского государственного гуманитарного университета (Москва);

Чуракова О.В., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области истории и археологии, языкоznания, философии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия и инициалы автора.

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм; верхнее, нижнее – 20 мм.

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются посередине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Максимальный объем статей: научных – 10–15 страниц, обзорных – до 20 страниц.

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

Параметры страницы

Форматирование основного текста

Шрифт

Объем статьи

Сведения об авторе

ORCID

Индекс УДК

В сведениях об авторе также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Аннотация	Предоставляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть: <ul style="list-style-type: none">– информативной (не содержать общих фраз);– оригинальной;– содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);– структурированной (следовать логике описания результатов в статье);– компактной (укладываться в объем от 200 до 250 слов). Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию объемом 50–100 слов.
Ключевые слова	После аннотации указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде), документальные источники, а также справочную и анализируемую литературу даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»). <ul style="list-style-type: none">– Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i> в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59]; в списке литературы: 59. Кауфман И.М. Терминологические словари: Библиография. М.: Сов. Россия, 1961. 419 с.– Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i> в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.; в списке литературы: 10. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков. Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабдить порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-00 (18-20); e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?phrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.